

ИСХОД

ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ;
РАЗРУШЕНИЕ
ГАРМОНИИ МИРОВ

ИСХОД

ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ:
РАЗРУШЕНИЕ
ГАРМОНИИ МИРОВ

НАЛЬЧИК
«ПОЛИГРАФСЕРВИС И Т»
2000

ББК 60.54(2Р–6К–Б)

Д 18

Книга издана при содействии “Джойнт”
и Олега Ханукаева (г. Москва)

*В сборнике сохранены манера и стиль авторов интервью,
воспроизведенных с видео- и аудиокассет*

Составитель С. А. Данилова

Редактор В. Н. Котляров

Исход горских евреев: разрушение гармонии миров /
Д 18 Сост. С. А. Данилова. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000. –
216 с.: ил.

Записи интервью старожилов горско-еврейской колонии г. Нальчика – своеобразная летопись жизни этого самобытного этноса на протяжении XX века, составленная ее непосредственными участниками; летопись смирения и единения, печали и верности. Исход с Северного Кавказа членов общины, основанной на исторической памяти, надо рассматривать как разрушение гармонии миров – вот лейтмотив данной книги.

ISBN 5-93680-012-1

ББК 60.54(2Р–6К–Б)

© С. А. Данилова, составление,
2000

© Полиграфсервис и Т, 2000

ОТКРОВЕНИЕ СЕРДЦА

...Еврейскому читателю наше предисловие скорее всего не понадобится. Мы обращаемся к неевреям. Когда нервный ком перехватит ваше горло, не откладывайте эту книгу. Дочитайте – некоторые из расхожих “истин” о еврействе и евреях будут вами изгнаны как порочные и не имеющие ничего общего с судьбой, реальной жизнью этого народа. На самом деле мы мало что о нем знаем. На уровне бытового сознания, а оно превалирует в населении. Немного дальше стоят те, кто знаком с творчеством великого Л. Фейхтвангера, очень точно обозначившего схему взаимоотношений европейских монархов с ашкенази: если казна пуста, то в страну приглашались евреи. Им разрешались традиционные для них виды деятельности, в результате которых звонкой монеты у владельцев особ становилось в избытке, и тогда вновь устраивались гонения и выдавливание евреев из государства. Те, кто читал Шолом-Алейхема, кто смеялся и плакал над жизнью дореволюционного местечкового еврея. И те, кому посчастливилось увидеть московскую постановку “Поминальной молитвы” с Евгением Леоновым. И те, кто побывал в местах массового уничтожения людей (в т.ч. евреев) или читал об этом.

Для еврея настоящая книга – расширение географии Холокоста, уточнение каких-то родовых особенностей. Для нееврея – шок. Свидетельства пожилых и в абсолютном большинстве малограмотных людей потрясают покорностью судьбе, незлобивостью и непреходящей печалью. Обитатели горско-еврейской колонии г. Нальчика во время фашистской оккупации ожидали, что их расстреляют. Общинная психология, почитание семейных уз сделали невозможным, чтобы каждый спасался в одиночку. Что будет со всеми, то пусть случится и со мной – вот лейтмотив практически всех интервью. Этот посыл невозможно принять индивидуалисту, но человек, хотя бы немного знакомый с основами иудаизма, подскажет, что иначе не могло быть. Традиция предписывает еврею смотреть на свой народ как на одну большую семью, благоговеть перед каждым ее членом, как будто тот являет собой весь мир. Насколько это серьезно? В День Всепрощения (Йом Кипур) прощаются все грехи, которые были совершены человеком против Бога. Однако не прощаются те, которые задели честь и достоинство другого человека. И пока согрешивший не загладит своей вины перед ближним, Бог его не простит.

К единению народа обязывает и представление о полноте Торы, где каждой букве в ее свитках соответствует одна еврейская душа. Поэтому так важно, чтобы обычаи и верования чтились и сохранялись в народе. Зачастую не умея объяснить смысла обрядов, старики на страницах

этой книги говорят, что так делали их дедушки и бабушки. В этом сила любого народа – не дать умереть, сохранить наследие. Потом придут другие, грамотные и знающие. Они растолкуют, объяснят духовную миссию, определяют место в мировой истории каждого народа.

Старики кое-что подзабыли, что-то поменяли местами. Это естественно в их возрасте, и что возможно – мы поправили. Гораздо важнее другое (и здесь мы проигнорировали обязанности редактора) – натуральность их чувств: любви к соседним народам, сожаления, что приходится покидать землю, где остаются могилы предков, тоски по опять разбросанным по миру род-ственникам, терпимости и сострадания.

Создавая настоящую книгу, – пришлось работать не с рукописью, а с черновыми расшифровками записей интервью – мы поняли, как весьма и весьма поверхностны наши знания о целом этносе, все эти годы проживавшем на земле Кабардино-Балкарии. Люди горско-еврейской колонии жили тяжким трудом, узким кругом общинных проблем и в рамках тех возможностей, что создавались социализмом и постсоветской действительностью. Кто-то из них богател, давал образование детям, строил большие дома – в итоге они первыми покинули колонию и обосновались за границей, подтянув туда родственников победнее. Причем далеко не все в Израиле: не в последнюю очередь из-за существенных различий в жизни ашкенази и горских евреев. Религия, бывшая общим основанием для еврейства, в современном мире (впрочем, как и в других конфессиях) перестала быть объединяющим фактором, для многих она перестала быть и вопросом их веры, оставаясь в рамках формального исполнения обрядовости. Богоизбранность народа, как народа священнослужителей, остается таковой, по-видимому, только в Священных книгах. Согласно установлениям книги Числа, израильтянам даже было велено иметь синюю кайму на краях одежды, чтобы они всегда помнили о Боге, ведь синий, как цвет безоблачного неба, символизирует откровение.

Ветры цивилизации все больше размывают и разрушают границы даже самых изолированных и замкнутых сообществ. С одной стороны, это сближает народы, позволяет увидеть, как много общего между нами, с другой – утрачивается часть самобытности как дань общемировому процессу. Если бы горские евреи отъезжали с радостью на Землю обетованную, можно было бы позавидовать их судьбе. Они вынуждены это делать – в книге немало подобных свидетельств – и здесь корень размышлений для оставшихся, для всех нас...

Люди должны жить друг для друга – в этом смысл существования человечества. Люди существуют друг для друга – их не может быть больше, чем надо. И народов на Земле столько, сколько требует гармония миров. И не нам разрушать ее.

Мария Котлярова

Выражаю благодарность основателю и сотрудникам визуального фонда "Шоах" Стивену Спилбергу, Майклу Беренбаум, Ари Зев, российским исследователям Ирине Мошель, Сергею Шпагину, а также всем, кто поведал о минувших годах своей жизни.

...ОБЪЕДИНЕННЫ ВРЕМЕНЕМ И ИСТОРИЕЙ

Научно-технический прогресс не спас нас, людей конца XX века, от чудовищных событий в разных точках земного шара. Пятьдесят пять лет прошло с того времени, как удалось остановить фашизм и на Нюрнбергском процессе обнародовали его злодеяния. Тогда было сказано, что нельзя больше допустить Холокост по национальному или религиозному признаку. Мир содрогнулся, узнав о концентрационных лагерях, о массовых расстрелах и газовых камерах. Где было мировое сообщество, когда все это происходило? Молчало, а тех, кто не молчал, не хотели слышать.

К нам, в центр "Товуши", обратилась администрация Зольского района. В селении Зольском живы очевидцы злодеяния, совершенного в 1942 году: фашисты расстреляли сорок восемь евреев – женщин, стариков, детей. Они бежали из Крыма, но их догнали и уничтожили только потому, что они – евреи. Мы не знаем их фамилий. Впервые раввин прочитал траурную молитву у их могилы. Сельчане поставили памятник безымянным жертвам фашизма. Очевидцы рассказали, как все происходило. Их слушали учащиеся школ селения и № 10 г. Налчика. Дети сердцем прикоснулись к трагедии.

В Иерусалиме есть музей, где диктор называет имена, возраст детей, убитых фашистами. Но нет среди них погибших в Зольском, их не знают. Поверьте, в этом музее не бывает безразличных посетителей. Я не видела там не плачущих людей.

И вот опять, уже в конце нынешнего тысячелетия, мы слышим страшные слова: этнические чистки. Сегодня это касается косовцев, а завтра? Как это зло остановить? Только за последние десять лет мне пришлось увидеть, а вернее, соприкоснуться с трагедиями родных людей. Убеждена: решить национальные проблемы не удастся войной

ни в Абхазии, ни в Южной Осетии, ни в Карабахе, ни в Чечне, ни на Балканах.

В Нальчике я встретила красивую армянку из Баку, которую во время этнической чистки на глазах матери изнасиловали. Я беседовала и с азербайджанцами, говорившими, что Баку обеднел из-за того, что уехали армяне и евреи. Была в Цхинвали, слушала южных осетин, что никак не придут в себя после войны. Встречалась с беженцами из Чечни, потерявшими все. А сколько евреев уехало в Израиль из-за нестабильной обстановки в регионе!

Иммиграция – трагедия, которую трудно пережить, особенно старшему поколению. Недавно мне рассказали о нашем земляке Х. Алхасове. Инвалид войны, пожилой человек, он выехал в Израиль, купил там дом в одном из красивых городов страны. Дней за десять до кончины попросил жену: “Позвони моему другу, Гилядову, хочу перед смертью поговорить с ним по-кабардински”. В это же время приехал к ним из США еще один наш земляк, ветеран войны С. Ханукаев. Собрались они, нальчане, и всю ночь говорили на кабардинском языке, вспоминая детство, юность, дороги войны, родной город, друзей. Через несколько дней все нальчане, живущие в различных городах Израиля, провожали в последний путь Х. Алхасова.

Национальный вопрос – самая животрепещущая проблема. Нельзя, чтобы люди жили в состоянии взаимной подозрительности и страха. Нельзя говорить о правах отдельного человека, не решая общенациональных проблем. Можно их до поры до времени замалчивать, подавлять силой, ссылаясь на национализм, сепаратизм или “великую национальную идею”. В мире продолжается национальное насилие. В чем оно проявляется? В подавлении национальных традиций, религии, языка, культуры. В условиях высокой грамотности, усиления роли средств массовой информации, коммуникаций интернета происходит национальное “пробуждение”. Не секрет, есть лидеры, которые исходят только из собственных амбиций, стремления к власти. Нужны политики, философски воспринимающие мир, политики с огромным чувством ответственности, способные трезво оценивать значимость событий. И всем нам надо понять также, что и от нас зависят судьбы наши и наших детей.

Представители власти должны обладать информацией об этносоциальной ситуации в городе, в регионе, в стране, да и в мире в целом. Может, это помогло бы им принимать решения, направленные на сохранение политической и духовной стабильности.

Для нормальной, спокойной жизни людей необходимо уважительное отношение к культуре рядом проживающих народов, укрепление гражданского согласия.

В нормальном обществе национальное самочувствие человека должно быть комфортным, чтобы он мог гордиться своей принадлежностью к той или иной национальной культуре. Дружба между народами, уважение друг к другу могут спасти мир. Мы все должны громко сказать: нет – этническим чисткам, нет – бомбежкам, терроризму. Сказать сегодня, чтобы завтра не было поздно и стыдно.

Как родилась идея этой книги?

В еврейский общественно-политический центр “Товуши” позвонили из фонда “Шоах” (США) и попросили оказать содействие группе исследователей, телеоператоров во встрече с горскими евреями нашей общины.

Вопросы были разработаны учеными фонда “Шоах” таким образом, чтобы в воспоминаниях отразилась жизнь горских евреев в течение ста лет. Видеокассеты были отправлены в “Шоах”. Немного о фонде. Его основал в 1994 году всемирно известный американский кинорежиссер Стивен Спилберг. Его фильм “Список Шиндлера” обошел весь мир. В марте 1994 года фильму было присуждено семь премий “Оскар”. На церемонии вручения Стивен Спилберг обратился ко всем учителям в школах и университетах мира с призывом рассказать о геноциде, совершенном фашистами против евреев. “Нельзя, чтобы Холокост остался бы для новых поколений лишь примечанием в учебнике истории”, – сказал он.

Спустя время центр “Товуши” получил видеокассеты и благодарственные письма от Стивена Спилберга.

Возникла идея дополнить собранные воспоминания, найти архивные документы, составить генеалогию, собрать имена, фотографии.

Материал получился уникальный, он представляет интерес для историков, социологов, этнографов.

Летопись еврейского народа насыщена страданиями и слезами. Страшные два с половиной месяца пребывания фашистов в Кабардино-Балкарии могли стать для нашей общины роковыми. Жизнь каждого висела на волоске. В первые дни оккупации на ипподроме расстреляли европейских евреев. В отношении горских евреев немецко-фашистские оккупанты усомнились и стали выяснять их происхождение.

Кабардинцы и балкарцы доказывали, что “это горский народ”, а народ, затаив дыхание, ждал развязки, молился и надеялся на чудо. Раввин Нахамиль Амиров и его сподвижники, рискуя жизнью, решили все реликвии спрятать – похоронить на кладбище до лучших времен. 65 дней реликвии были в могиле, а с освобождением Нальчика их снова подняли. В синагоге читали молитву, благодарили Бога за чудо – спасение общины, благодарили кабардинцев и балкарцев за то, что не выдали, за то, что прятали у себя еврейские семьи.

Были и жертвы. В шести километрах от города было обнаружено свыше 600 истерзанных трупов.

В данной книге впервые публикуются архивные материалы и воспоминания о пережитом времени. Это история. Ее нельзя забыть, перечеркнуть или сказать, что этого не было. Чужой беды в мире нет.

Книга позволяет заглянуть в судьбы людские, дает возможность мысленно пройти по улицам горско-еврейской колонки – так называли микрорайон проживания горских евреев в г. Нальчике. В воспоминаниях отражается мозаика этнографии, раскрываются взаимоотношения и взаимовлияние горских евреев и народов Кабардино-Балкарии.

Читая и анализируя ответы на вопросы, понимаешь, чем вызван исход горских евреев из КБР.

В книге представлены генеалогические схемы, фамилии и имена, и ясно одно, что судьбы у людей разные, но все они объединены одним временем, одной историей и самобытностью нашей общины.

*С. А. Данилова,
кандидат исторических наук*

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ НАРОДА

Если бы ему была известна колоссальная летопись еврейского величия и еврейского скитания, он мог бы почувствовать, сколько благородных сил кроется в этом маленьком и непобедимом племени, и ощутил бы гордость, и приучился бы радоваться при мысли, что он еврей...

З. Е. Жаботинский

Предлагаемые читателю интервью жителей горско-еврейской общины г. Нальчика несут в себе историко-этнологическую информацию о народе, политических и социально-культурных процессах тех обществ, в которых волей судьбы они жили в прошлые века и живут сегодня, традициях, ценностных ориентациях. Составитель книги, известный общественный деятель и ученый Светлана Ароновна Данилова, в целях получения более обстоятельной и непосредственной информации и фактологии умышленно не проводит принятую в этносоциологических и политологических исследованиях репрезентативную выборку, а целенаправленно идет по пути фиксации обыденно-когнитивных представлений.

Ответы информаторов интересны прежде всего материалом, дающим возможность проследить противоречивость национальных процессов в стране и в этой связи влияние политической и социально-экономической жизни на самосознание и культурную специфику горских евреев, а через них, собственно говоря, и на другие малые народы.

Так сложилась история горско-еврейского народа, что его этническое развитие обязательно преломлялось через семью¹. Она оказывалась как бы связующим звеном функционирования всех компонентов культурно-бытовой системы: норм взаимоотношений, половозрастного статуса, главенства в семье, ориентации женщин на домашнее хозяйство и воспитание детей.

Этническая история горских евреев крайне сложна: не раз менялась территория их расселения, веками они не общались с представителями своей прародины, на них оказывали влияние, а порой и давление чужие языки, способы производства, материальная культура, верования, но,

несмотря на это, до наших дней сохранились присущие только евреям этнические черты². Израильский ученый Ицхак Давид, характеризуя национальное сознание грузинских евреев, восхищается прежде всего тем, что они даже при потере многих древнееврейских черт культуры прочно осмысливают свое происхождение и чтут религиозные верования³.

Под влиянием объективных и субъективных факторов на всех этапах истории евреев происходило специфическое дифференцирование ряда элементов культуры и быта, а в связи с этим и постоянное внутри-этническое интегрирование⁴, но характерные черты своих предков, и прежде всего деловитость⁵, особенности сфер труда, организации быта и досуга, они как бы закодировали в своей генетической памяти.

Генные основы, а также социально-биологические факторы особую роль сыграли и в формировании таких этнических общностей, какими являются греки Причерноморья, Кавказских Минеральных Вод, адыгогаи (армавирские армяне), курды, цыгане, другие меньшинства.

Еврейские торговцы, купцы и ремесленники, осваивавшие в первые века нашей эры области Закавказья, Дагестан и Центральное Предкавказье, селились не только в городах, но и в сельских населенных пунктах. К средневековью от Баку до Дербента располагались десятки процветавших еврейских сел, производящих пшеницу, виноград, фрукты, табак, овощи, которые вывозились во многие города Кавказа и Южнорусские степи⁶. Но постепенно войны и специфические для Кавказа события привели к тому, что основным источником существования горских евреев становятся кустарные промыслы, ремесла, а значит, обмен и торговые операции⁷.

Их специализация охватывала широкий круг домашних промыслов и производств: изготовление сукна, изделий из шерсти, шкур, обработку железа, серебра, дерева, а главное – кожевенное ремесло⁸. Кожевенные изделия из шкур крупного и мелкого рогатого скота, коз, овец, диких животных, а именно мужская и детская обувь, пояса, сумки, седла, уздечки – ценились особо и часто ставились на один уровень с фабричными. Портные, скорняки и сапожники имели постоянных клиентов. Среди горских евреек были мастерицы по изготовлению ковров и паласов, знавшие секреты производства растительных красок из клевера, тутовника, коры орехов, дуба⁹. Адам Олеарий, побывавший во второй половине 30-х годов XVII века в Азербайджане, Дагестане и Иране, ошибочно замечал, что горские евреи продавали на рынках Шемахи персидские ковры¹⁰, настолько их качество было высоким.

За многие столетия проживания в инородной среде горские евреи проигнорировали имеющие место в человеческой истории процессы ассимиляции и изменения этнической принадлежности. Несмотря на проверенную многократным опытом, казалось бы, универсальную теорию Б. И. Козлова о закономерности “процесса этнического взаимодействия”¹¹ и усилившуюся активность консолидации народов

России и СССР в новое и новейшее время, для горских евреев сохранение самосознания осталось определяющим качеством. Даже советская идеология, направленная на сближение наций и народов, создание единой общности – советский народ и интернационализацию определяющих сторон быта и культуры, оказалась несостоятельной перед этнопсихологическими особенностями этого маленького народа. Хотя практически на всех уровнях межличностных отношений – от проживания на одной территории, проведения досуга, ежедневного общения – горские евреи проявляли себя как весьма и весьма коммуни-кабельные и доброжелательные люди. Но при всей своей открытости и общительности несемейное общение они сосредоточивают на родственниках и соседях. Избегание смешанных браков горские евреи объясняют долгим бытованием в их народе деспотической формы семьи, религиозными и этническими соображениями. Известно, что северокавказцы не поощряли смешанные браки между иноплеменниками, даже если они были одной веры. Кавказовед Я. С. Смирнова подобные порядки объясняет и тем, что при “патрилокальном поселении смешанный брак ведет к утрате данным этносом самой женщины, так и рожденных ею детей”¹².

Вышеупомянутая политическая идея советского государства 70-х годов, направленная на создание исторической общности людей, вела не к чему иному, как обострению языкового вопроса. Казалось бы, прогрессивное стремление изучения языка большинства населения для многонационального общения обернулось нарушением равноправия больших и малых народов, падением роли родных языков в сравнении с государственным, отведением им участи второстепенных и их исключением из административно-производственной деятельности. Хотя официальные документы многократно указывали, что языки народов многонациональной страны используются во всех сферах жизнедеятельности, на улице, на производстве, в учреждениях, школах, горские евреи говорили по-русски. Между тем ни для кого не секрет, что традиционно горские евреи в Азербайджане владели азербайджанским, в Дагестане – многими коренными языками, в Кабарде и Балкарии – тем и другим¹³. С 1917 года от многоязычия они перешли к двуязычию. Модель национально-русского двуязычия общества развитого социализма до конца 80-х годов функционировала чисто номинально.

Хотя, конечно, несправедливо было бы отрицать тот факт, что политика так называемого “языкового обеспечения” способствовала графизации, то есть созданию письменности горских евреев и сохранению этнической культуры. Шел процесс общего развития

страны, рос социальный и культурный уровень населения, всех наций, народов, этнических общностей, в определенной степени осуществлялось еврейское возрождение¹⁴. Из числа горских евреев вышло немало известных людей¹⁵.

Судя по институционализированным элементам духовной и материальной культуры, у горских евреев устойчиво сохраняются институты и социальные структуры соционормативного направления, проявляющиеся через иудаизм, остатки язычества, ритуально-обрядовую сторону жизни, морально-правовые нормы, этнические ориентиры, язык, музыку¹⁶. Превалирующими в этом сложном и неоднозначном процессе оставались этноинтегрирующие элементы культуры, противопоставляющие носителей этнической общности другим народам. “Мы, собственно, всегда понимаем себя в отличиях”, — писал А. Воронель.

Как несамостоятельное этническое образование, горские евреи, в частности Дагестана и Центрального Кавказа, по причине своего политического положения как бы временно пользовались рядом элементов заимствованных культур, но до поры до времени не включали их в свою устойчивую традиционную систему связей. Убедительно точно объясняет процесс вынужденной временной адаптации и даже ассимиляции евреев в инородном этническом окружении писатель З. Е. Жаботинский: “Как ни сильны, даже как ни ценны были его специфические, индивидуальные “национальные” отличия, как бы пышно ни предстояло им развиваться в будущем, — начать он должен все-таки с подражания готовым образцам, с копирования, с “ассимиляции”¹⁷. Большинство заимствований при переезде на другое место жительства или со сменой общественного строя, как было в советский период, так и осталось побочным и не востребуемым наслоением. Особо наглядно это наблюдалось при переезде горских евреев в Израиль. Видный ученый Сергей Александрович Арутюнов объясняет это несовпадением точек соприкосновения контактирующих культур, разной степенью их уровневого развития и различием историко-типологических параметров¹⁸.

Но в быту горских евреев все же можно наблюдать как древнееврейские традиции, обычаи и порядки, так и приобретенные в процессе исторической судьбы персидские, дагестанские и других народов Северного Кавказа. Правда, среди последних только те, которые вписывались во внутреннюю структуру системы культуры горско-еврейского этноса. Поскольку горские евреи никогда не были самостоятельным и независимым политическим образованием, их

этническая культура как-то должна была адаптироваться или просто стыковаться с комплексной культурой государства, где они обитали.

В заключение хотелось бы обратить внимание ученых и общественности на актуальность прогнозирования этнического развития общностей, подобных горско-еврейской. На повестке дня стоят вопросы сохранения многообразной культуры этнических образований, изучения взаимосвязей народов, определения приоритетов, призванных стать основой образа жизни будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вук Герман. Это бог мой. Еврейский образ жизни. 5-е изд. Иерусалим, 1991. С. 219

² См. кн.: Горские евреи в Кабардино-Балкарии: Статьи, очерки / Составитель С. А. Данилова. Нальчик, 1997; Данилова С. А. Традиции и обычаи моего народа // История горских евреев Северного Кавказа в документах. Нальчик, 1999. С. 14.

³ Давид И. История евреев на Кавказе. Тель-Авив, 1989. Т. 1. С. 482.

⁴ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1938. С. 305.

⁵ Профессор физики тель-авивского университета Александр Воронель в своей книге "Остался Иаков один..." приводит следующие замечания о Библии и евреях: "Уже в древности в центре еврейского религиозного сознания была не вера, а дело. Во всех книгах о вере говорится весьма мало, но много – о делах..." (С. 41).

⁶ Агарунов Я. М. Большая судьба маленького народа. М., 1995. С. 31.

⁷ Берже А. Прикаспийский край // Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 304–395; Мусукаев А. И. Помогите, "Стена плача" // История и этнография горских евреев Северного Кавказа: Материалы международного семинара 15–17 сентября 1997 г. Нальчик, 1998. С. 61–62.

⁸ Горские евреи. История, этнография, культура / Составление и научная редакция З. Дымшица. Иерусалим; Москва, 1999. С. 118.

⁹ Материалы полевой этнографической экспедиции 1973 года А. И. Мусукаева. Тетрадь 10, л. 5–14 // Личный архив автора; Рабаев Э. А. К истории еврейских общин Северного Кавказа: (Краткий очерк). Нальчик, 1999. С. 12.

¹⁰ Олсари А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 463.

¹¹ Козлов Б. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // Советская этнография. 1968. № 9. С. 85.

¹² Смирнова Я. С. Культурное взаимодействие и семья // Советская этнография. 1977. № 5. С. 85.

¹³ Горские евреи. История, этнография... С. 362.

¹⁴ Анализ материалов международной научной конференции 1993 года в

Москве//Вестник еврейского университета в Москве. 1993. С. 294–299.

¹⁵ Агарунов Я. М. Большая судьба... С. 138–139; Горские евреи. История, этнография... С. 435–436.

¹⁶ Гарбер Е. Еврейская психология. Корни //Вестник Народного университета еврейской культуры в Центральной России и Поволжье. 1994. № 1. Январь–июнь. С. 73.

¹⁷ Жаботинский (Зеев) З. Е. Избранное. Библиотека-Алия, 1990. С. 36.

¹⁸ Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса //Советская этнография. 1982. № 1. С. 14.

*А. И. Мусукаев,
доктор исторических наук, профессор КБГУ,
Йоханн Маттис,
аспирант КБГУ*

July 1, 1998

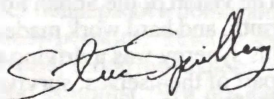
Dear Svetlana Danilova,

It is with great respect and admiration that I extend my warmest wishes to you. I want to thank you for your tremendous commitment to the work of Survivors of the Shoah Visual History Foundation.

The Shoah Foundation would not have been able to record the more than 45,000 testimonies to date without you. Your efforts to help document the past will have a profound impact on the future/ bringing the lessons of the Holocaust and the message of tolerance to generations to come.

Once again, I thank you. Our work ensures the promise of a better tomorrow.

All my best,

СТИВЕН СПИЛБЕРГ

1 июля 1998 г.

Дорогая Светлана Данилова!

С огромным уважением и восхищением посылаю Вам самые теплые пожелания. Я хочу поблагодарить Вас за огромный вклад в работу Фонда визуальной истории "Шоах".

Данный фонд не смог бы записать более 45 000 свидетельств, если бы не было и Вашего вклада. Ваши усилия помочь задокументировать прошлое окажут несомненное влияние на будущее, неся уроки Холокоста и послание терпимости будущим поколениям.

Еще раз спасибо. Наша работа дает надежду на лучшее будущее.

С наилучшими пожеланиями

Стивен Спилберг

July 1, 1998

Svetlana Danilova

Nalchick, Russian Federation

Dear Svetlana Danilova,

On behalf of Steven Spielberg and the entire staff of Survivors of the Shoah Visual History Foundation, we would like to express our sincere gratitude to you for your partnership in gathering testimonies for the Shoah Foundation's Archive.

Without the support and understanding of community leaders such as yourself, this would not have been possible. The vision of the Shoah Foundation, complemented by your guidance, warmth, and hard work made the project an integral part of the community. This synergy was a driving and inspirational force for all who contributed a part of themselves: survivors, witnesses, interviewers, videographers, and staff members.

Since the project's inception in 1994, we have interviewed more than 45,000 survivors, rescuers, liberators, and other witnesses to the Holocaust, in 31 languages and 53 countries around the globe. Of those, more than 4,000 testimonies have been recorded in the former Soviet Union in more than 350 cities and small towns.

The Shoah Foundation has interviewed the overwhelming majority of those who have come forward and expressed their willingness to testify. Once completed, the Archive will set the standard for how history will be documented in the 21st century. Together we created a remarkable living testament. Together we can take great pride in our extraordinary accomplishment.

We thank you for your dedication and commitment.

Sincerely yours,

Michael Berenbaum President

Ari Zev Executive Director

Michael Engel Associate Executive Director

1 июля 1998 г.

Светлана Данилова

Нальчик, Российская Федерация

Дорогая Светлана Данилова!

От имени Стивена Спилберга и всех сотрудников “Шоах” хотели бы выразить Вам нашу искреннюю благодарность за участие в сборе свидетельств для фонда “Шоах”.

Без поддержки и понимания лидеров общин, таких, как Вы, это было бы невозможно. Усилия фонда “Шоах”, подкрепленные Вашим участием, теплотой и упорной работой, сделали проект неотъемлемой частью общины. Эти объединенные усилия вдохновляли и двигали всеми теми, кто вложил в эту работу частичку себя, в этом числе выжившие свидетели, те, кто брал интервью, видеооператоры и сотрудники фонда.

С начала осуществления проекта в 1994 г. мы опросили более 45 000 человек (выживших, тех, кто укрывал гонимых, освободителей и других свидетелей Холокоста) на 31 языке в 53 странах.

4 000 свидетельств записано в бывшем СССР в более чем 350 городах.

Фонд “Шоах” опросил подавляющее большинство тех, кто пожелал дать свое свидетельство. Когда эта работа будет завершена, она послужит стандартом того, как стоит записывать историю в XXI веке. Все вместе мы создали замечательный живой документ. Мы можем гордиться этим достижением. Спасибо Вам за Вашу преданность делу и Ваш вклад.

Искренне Ваши

Майкл Беренбаум, президент фонда

Ари Зев, исполнительный директор

Майкл Энджел, первый заместитель
исполнительного директора

ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ

Авготи Шамилова

Бесирит Ашурова

Женя Биазрова

Ливия Дигилова

Борис Ашуров

Раиса Шамилова

Илишо Ашурова

Яков Шамилов

Лена Симахова

Гучи Мотаева

Елизавета Назарова

Сергей Амирамов

Александр Разиев

Александр Симахов

Август Шамилова (девичья фамилия Мегирова)

8 января 1998 г.

Нальчик

- Когда вы родились?
- 19 июля 1919 года.
- Сколько вам лет на день интервью?
- 78.
- В каком городе вы родились?
- В Нальчике.
- Вы помните ваших бабушек и дедушек?
- По линии отца дедушка был рабочим.
- Как его звали?
- Берзе Мегиров.
- Где он работал?
- Я не помню. Я их никогда не видела. Они умерли до моего рождения.
- Кто был ваш дедушка по линии матери?
- Он был раввином. Работал в Ставропольском крае. Фамилия его Дигилов, а имя я забыла.
- Кто была бабушка по линии отца?
- Домохозяйка. Ее девичья фамилия Ашурова.
- Как звали вашего отца?
- Комуил Верзилович Мегиров.
- Он родился в Нальчике?
- Да.
- Чем он занимался?
- Он был рабочим.
- У него было какое-нибудь образование?
- Нет.
- Где он работал?
- Он делал подстилки.
- Он работал дома или на фабрике?
- На фабрике.
- Он изготавливал национальные ковры?
- Нет. Обычные ковры.
- Это были ковры с узорами?
- Да.
- Кем работала ваша мать?
- Она работала на мебельной фабрике.
- Как ее звали?
- Айбат Мигириновна Дигилова.
- Ваши родители были верующими?
- Конечно!
- Они регулярно посещали синагогу?

- Да. И пост держали.
- Вы помните довоенную синагогу?
- Да. Она находилась на улице Подгорной.
- Опишите это здание.
- Это было кирпичное здание. Два этажа.
- В эту синагогу ходили только горские евреи или европейские тоже?
- Все ходили, и сейчас ходят.
- У европейских евреев была своя, особая синагога?
- Нет.
- Служба была общая? Раввин был один?
- Да.
- Кого было больше среди верующих до войны: молодежи или стариков?
- Конечно, стариков.
- На каком языке шла служба в синагоге?
- На иврите.
- Горские евреи знали иврит?
- Старики знали, а молодые нет.
- В семье вы соблюдали традиции? Кашрут², праздники?
- Конечно!
- Опишите наиболее яркие.
- Ну вот, например, у нас была Ханука, и мы праздновали. Мы готовили.
- А что именно готовили?
- Что в доме есть, то и готовили. Пельмени или пирожки. Что могли, то и готовили.
- Было ли какое-нибудь отличие от обычных дней?
- Было такое отличие, что на какой-то праздник, не помню на какой, мы не ели молочное.
- Какое мясо ели на праздники?
- Мы вообще на базаре мясо не покупали, а брали то, что резали в синагоге. Был специальный человек, который резал.
- А что это за мясо было?
- Говядина, баранина, курятина.
- Кто-нибудь свинину употреблял?
- Нет.
- Была специальная посуда для праздников?
- На Пасху у нас всегда были специальные тарелки, кастрюли.
- Это была специальная старая еврейская посуда или вы ее отдельно держали?
- Обычная посуда, которую мы держали отдельно.
- У кого-нибудь была старая религиозная посуда?
- Нет.
- Какие-нибудь религиозные книги были у вас в семье?
- До войны не было.

- В какую одежду одевались на праздники?
- В обычную, чистую. Мы перед праздником купались и надевали чистую одежду.
- В Нальчике была миква? ³
- А что это такое?
- Это бассейн для омывания.
- Нет. Каждый купался у себя дома. Или в баню ходили.
- Как Шабат отмечали?
- Обычно. Раньше мы сами свечи не зажигали. Нанимали русских, и они нам зажигали. А сейчас многие сами зажигают.
- Ваша мать регулярно зажигала свечи?
- Конечно.
- Что это были за свечи: магазинные или вы в синагоге покупали?
- Бывало, в синагоге, бывало на базаре, бывало в магазине.
- Как относились неевреи к вашим праздникам?
- Они не мешали нам праздновать.
- Носили какую-нибудь национальную одежду евреи в довоенный период?
- Носили старинную одежду.
- А использовали в качестве украшения шестиконечную звезду?
- Нет.
- Насколько часто до войны евреи носили старинную одежду?
- Только на праздники или каждый день?
- Только на праздники.
- Кто обучал молодежь религиозным традициям?
- Раввин.
- Была ли какая-нибудь воскресная школа? Как это происходило?
- В синагогу ходили.
- Это было определенное время, когда собирались все дети?
- Да.
- Кто обучал языку горских евреев?
- Я не знаю.
- Кто вас, например, обучал? Родители?
- Конечно, родители.
- Кто были ваши соседи по национальности?
- Горские евреи.
- То есть вы жили там, где все горские евреи?
- Да.
- Как это место называется?
- Еврейская колонка.
- А вы знаете, почему это место называется так?
- Здесь жили одни евреи, потому и называется.
- Как проводились праздники в «колонке»? Совместно к ним готовились или каждый по себе?
- Каждый по себе, конечно, но если приходили гости, мы их всегда приглашали к столу.

- Какие до войны были отношения между евреями и неевреями?
- Очень хорошие были отношения и с кабардинцами, и с балкарцами, и с русскими.
- Со стороны властей какое было отношение к евреям до войны?
- Не мешали и не помогали.
- Не было попыток закрыть синагогу?
- Нет⁴.
- Было какое-то отличие в отношении к евреям со стороны православных и мусульман?
- Мусульмане делали себе праздник, русские – себе, евреи – себе. Никаких конфликтов не было.
- Во время игр дети-неевреи, если случался конфликт, оскорбляли вас как-нибудь?
- Этого не было. И сейчас такого нет.
- Вы помните тот день, когда вы в первый раз пошли в школу?
- Мне было восемь лет, когда я пошла в школу. День не помню, давно это было.
- Это была еврейская школа?
- Да, еврейская. Один урок у нас был иврит, остальные на татском и на русском. Раввин преподавал иврит.
- А кто были другие преподаватели? Это были евреи?
- Да, и директор был еврей.
- Эта школа так и называлась – «еврейская»?
- Да. 10-я школа.
- Были учителя неевреи?
- Конечно! И русские были.
- Дети-неевреи учились в этой школе?
- Да.
- А они изучали иврит?
- Нет. Как и сейчас. Когда у школьников урок кабардинского языка, то евреи и русские уходят домой.
- Учебники были по еврейской истории, по традициям?
- Были, но я забыла какие.
- Между школьниками евреями и неевреями были конфликты?
- Никогда!
- Опишите ваш родительский дом.
- Там жила я, отец, мать и моя сестра. Дом был саманный. Две комнаты. Была летняя кухня, где была печь, на которой готовили.
- У родителей был домашний скот?
- Нет, ничего не было.
- Где находился рынок?⁵
- В городе. Он был для всех.
- Какая мебель была в доме?
- Шифоньер, столы, стулья – как у всех.
- В домах была мезуза?

- А что это такое?
- На дверях прибивается.
- Конечно, была.
- Насколько распространена была мезуза?
- Этого я не знаю. Кто как хотел. У меня лично была.
- По внутреннему убранству дома можно было понять, что там живут евреи? Был у вас семисвечник?
- Конечно, у нас был семисвечник. И сейчас есть.
- Откуда он у вас? Вы его покупали или по наследству остался?
- Мы не покупали. Он старинный.
- У вас есть сестра? Как ее зовут?
- Люба Григорьевна Мегирова.
- Она старше вас?
- Да, ей 85 лет. Она в Америке сейчас живет.
- Вы помните начало войны, 22 июня 1941 года?
- Вечером передавали по радио. Вся колонка была на ногах. Забрали всех молодых, и моего мужа забрали в первую же ночь.
- У вас в доме радио было?
- Конечно.
- Назовите имя вашего мужа.
- Герцог Рогульдиевич Шамилов.
- Когда вы вышли замуж?
- В 1933 году.
- Сколько вам тогда было лет?
- Четырнадцать. Нас не хотели регистрировать. Только когда третий ребенок родился, тогда и зарегистрировали.
- Кто был инициатором брака? Отец, дедушка или приходил жених свататься?
- Жених приходил. Нас поставили под платок, и раввин читал молитву. Наливали в рюмку водку, и жених разбивал рюмку ⁶.
- Как назывался этот платок?
- Я не знаю. Сейчас это уже не делают.
- Вы знали вашего жениха до свадьбы?
- Он учился со мной в школе. Мы друг друга хорошо знали. Я сама выбрала.
- Как родители к этому отнеслись?
- Хорошо. Им он понравился.
- Вы учились в одном классе или он был старше вас?
- Он был старше меня, 1916 года.
- Где вы жили потом?
- У родителей мужа.
- Как проходила свадьба?
- Очень хорошо!
- Кого вы пригласили?
- Всех. И кабардинцев, и балкарцев, и русских.

- Сколько человек было?
- Не помню. Целый двор.
- Сколько дней продолжалась свадьба?
- Два дня.
- Что на свадьбу готовили?
- Как обычно. Все, что было, и сладости, конечно.
- Какие у вас были взаимоотношения с родителями мужа?
- Очень хорошие. У него были три сестры и один брат. Отец и мать.

Очень меня любили.

- Семья мужа тоже была религиозной?
- А как же! Тем более его дедушка был раввином. Он меня очень уважал. Когда немцы были здесь, его избили, и он умер.

- Как его звали?
- Рабо Шамилов.
- Расскажите подробней о нем.
- Он был глубоко верующим человеком и считался старшим в семье.
- У кого в семье был решающий голос?
- У свекра.
- А дедушка?
- Он жил отдельно, но мы жили в одном дворе.
- Какой был дом вашего мужа?
- Саманный. Три комнаты. Старый дом был.
- Были в доме вашего мужа предметы религиозного направления?
- У дедушки были. Он читал молитвы.
- Было принято у молодых уходить в отдельный дом от родителей?
- Конечно. Покупали дом и уходили жить отдельно.
- У вас был отдельный дом до войны?
- Мы жили вместе с его родителями. Отдельного дома у нас не было.

- Когда у вас родился первый ребенок?
- В конце 1937 года, а второй в 1941 году.
- Как было принято рожать у горских женщин: в больнице или в доме?

– И на дому было, и в больнице. Но большинство на дому. Специально приглашали бабушку.

- Она должна была быть еврейкой?
- Да.
- Вы платили ей за это?
- Нет. Делали подарки.
- Был какой-нибудь праздник в честь рождения ребенка?
- У нас делали обрезание.
- Как проходило это?
- Приходил раввин, делал обрезание, читал молитву.
- Это считалось обязательным?
- Да.

- Кто давал имя ребенку?
- Мать давала, бывало, что давали имя в честь умершего.
- До войны было принято давать нееврейские имена детям?
- Нет.
- Было принято отдавать детей в детский сад?
- Раньше детских садов не было и детей воспитывали дома.
- Вы могли после замужества приходить к своим родителям?
- Конечно.
- Вы что-нибудь слышали о преследовании евреев в Европе, когда Гитлер пришел к власти в Германии?
- Нет.
- Как вы жили в период с начала войны и до оккупации Нальчика немцами?
- Работала на обувной фабрике. Ходила с отцом по кабардинским селениям и торговала.
- Кто оставался с детьми?
- Бабушка. Моя свекровь.
- Вы помните, когда немцы вошли в Нальчик?
- Да. Зимой 1942 года. Они были здесь только три месяца.
- Опишите день, когда вы впервые увидели немцев.
- Я уже не помню. Мы рыли окопы, потом немцы гоняли нас на работу.
- Когда вы их начали копать?
- До прихода немцев.
- Вы сами решили или вам кто-то подсказал?
- Сами решили.
- Где были окопы?
- Во дворе у нас.
- Опишите эти окопы. Какие они были?
- Ну, такие длинные ямы. Там внутри были еще такие углубления, чтобы прятаться и от немцев, и от бомбежек.
- Чем вы накрывали окопы?
- Досками, а сверху засыпали землей.
- Вы брали с собой продукты питания в окопы?
- Конечно. Ведь с нами были дети, и при бомбежках мы не могли выходить за продуктами.
- Кто первый пришел – немцы или румыны?
- Я только немцев видела.
- В какой форме они были?
- Я не помню.
- Были ли какие-нибудь объявления для евреев, чтобы они собрались в определенном месте?
- Да.
- Когда они только пришли в Нальчик, были такие объявления?
- Да. Они объявляли собраться в одном месте и гнали на работу.

- Как проходил отбор евреев на работу?
- Они заранее объявляли о месте.
- Каждый раз сами приезжали за вами?
- Они объявляли о месте, где надо было собраться.
- То есть они назначали конкретные места для конкретных людей?
- Да.
- Как они могли знать конкретные имена и фамилии?
- Они же ходили по домам.
- То есть они ходили по домам и говорили, куда надо прийти?
- Да.
- Они вечером приходили, что бы сказать, где собраться, или утром?
- Они утром приходили.
- Это были немцы или полицейские?
- Немцы.
- Здесь проживали немцы до войны?
- Да. У нас была немецкая колонка¹.
- Это была большая колонка? Кого было больше – немцев или евреев?
- Евреев было больше.
- Сколько примерно было евреев до войны?
- Я не знаю. Было очень много.
- Что стало с этой немецкой колонкой?
- Когда началась война, их выслали, почти никого здесь не осталось.
- Вы видели, как выселяли немцев при Советской власти?
- Я не знаю. Я только слышала, что их выселяют.
- Была у немцев своя церковь?
- Нет, не было.
- Какие виды работ вы выполняли для немцев?
- Стройка была, разные работы.
- Эта работа как-то оплачивалась?
- Нет, конечно, не оплачивалась.
- Они вас как-то кормили?
- Нет, мы брали продукты с собой.
- Как они относились к вам?
- Лично наша семья не сталкивалась с угрозами побоев.
- С целью грабежа к вам немцы приходили?
- Конечно! У меня лично ничего не было, но у кого было, у того забрали все.
- Вас брали на работу несмотря на то, что у вас был маленький ребенок?
- Да, брали на работу.
- Кто смотрел за ребенком?
- Моя свекровь.
- Во время оккупации ваша семья соблюдала еврейские традиции?
- Конечно.

- Немцы отнимали домашний скот?
- Да, отнимали.
- Синагога при немцах работала?
- Нет. Но здание не было разрушено.
- Немцы не арестовали раввина?
- Нет.
- Раввин продолжал свою работу при немцах?
- Нет. Синагога ведь была закрыта.
- Если у кого-нибудь во время оккупации рождался ребенок, делал ли раввин обрезание?
- Да.
- На территории еврейской колонки находились ли немцы постоянно?
- Конечно! Немцы жили и в казармах, и в домах евреев.
- Какие были взаимоотношения между евреями и немцами?
- Как вам сказать...
- Ну, немцы могли просто грабить или убивать?
- Отбирать отбирали, а убивать не убивали.
- А хозяева жили с ними в одном доме?
- Да. Но в отдельной комнате.
- Кто готовил им пищу?
- Они сами себе готовили. И питались они отдельно.
- Были случаи, когда немцы забирали религиозную утварь, если находили ее?
- Нет. Они не забирали и не уничтожали.
- Кроме горских евреев, были другие евреи в Нальчике?
- Да.
- Они отдельно жили?
- Да.
- А были евреи-беженцы из других городов Советского Союза или из Польши?
- Я лично не видела.
- Какие были взаимоотношения между европейскими евреями и горскими?
- Очень хорошие.
- Каких евреев до войны было больше?
- Горских.
- Как немцы относились к европейским евреям?
- Я не видела их тогда. Только нас гоняли на работу, а их я не видела.
- Как вы общались с немцами?
- Некоторые из них говорили на русском языке. Но у нас с ними не было долгих разговоров. Мы их боялись и старались не разговаривать.
- А они вам говорили, что вот, мол, вы евреи и мы вас уничтожим?
- Конечно. Недалеко отсюда находится кладбище, где похоронены

убитые ими евреи, и русские, и другие. Братская могила там.

– Они убивали этих людей из-за того, что они были евреями, или по другой причине?

– Потому что они были евреями.

– На этом кладбище похоронены какие евреи?

– И европейские, и горские.

– Были ли случаи массовых расстрелов евреев?

– Этого не было. Некоторых расстреливали, а массового расстрела не было.

– Что происходило с европейскими евреями во время оккупации?

– Этого я не знаю. Мы только слышали, что их тоже ненавидели, как и нас, и больше ничего не слышали.

– Немцы подчеркивали, что вас гонят на работу не просто как население оккупированного города, а именно как евреев?

– Да. Нас гнали на работу, потому что мы были евреями.

– У вас были какие-то отличительные знаки на одежде? Шестиконечная звезда, например?

– Нет. Во всяком случае, у нашей семьи не было.

– Назначали кого-нибудь из евреев старостой?

– Нет.

– Работали только евреи или и представители других национальностей?

– Работали и кабардинцы, и русские. На большой фабрике работали.

– Я имею в виду – выгоняли ли на работу немцы представителей других национальностей, кроме евреев?

– Нет, только евреев.

– Кабардинцев и русских гнали на принудительные работы?

– Этого я не знаю.

– Вы знали о том, что происходило в городе?

– Нет. Мы никуда не выходили, потому что боялись.

– Устанавливали немцы какие-нибудь правила? Например, это можно делать, это нельзя?

– Нет, такого не было.

– Когда немцы пришли, вы могли слушать радио?

– Нет. Мы не заходили в дом и не могли слушать радио.

– Кто жил в вашем доме?

– Он стоял пустой. Там никто не жил. А мы жили в окопах.

– Там, в окопах, была какая-нибудь мебель?

– Мы туда перенесли матрасы.

– Как готовили пищу?

– В летней кухне.

– Вы на ночь не переходили в дом, когда было холодно?

– Если ребенок заболел, то мы иногда переходили в дом.

– Вы сами выходили на работу или немцам приходилось вас искать?

– Мы сами выходили на работу. Собирали нас в машины и увозили на работу.

- Немцы приходили выгонять вас на работу?
- Мы сами знали, что нам надо идти на работу. И они приходили тоже.
- Что именно у вас украли немцы?
- У меня ничего не украли. У меня ничего не было.
- А в семье ваших родителей?
- У них тоже ничего не было.
- А румынов вы видели?
- Нет, только немцев.
- А видели ли вы, что у немцев служили представители местных национальностей?
- Я не видела.
- А видели ли вы кого-нибудь из местных немцев, которые служили у немцев?
- Нет, я не видела.
- А как вы узнавали новости о том, что происходит в Нальчике?
- Мы общались между собой. По слухам. Мы узнавали об этом и на работе, и от соседей.
- Когда было больше страшно – ночью или днем?
- И ночью и днем было страшно.
- Вы слышали что-нибудь о партизанах во время пребывания здесь немцев? Может, вы слышали стрельбу?
- Нет.
- Немцы кого-нибудь казнили после захвата Нальчика?
- Я знаю, что казнили двух евреев-мужчин.
- Это потому, что они были евреями, или по другой причине?
- Потому что были евреями.
- Это были европейские евреи?
- Нет. Наши, горские.
- А почему их расстреляли?
- Не знаю.
- А как вы были одеты тогда?
- В чем до этого были, в том и остались.
- Чем печку топили? Вы могли выйти в лес и нарубить дрова?
- У нас были запасы дров.
- Где вы брали воду?
- У нас во дворе был колодец.
- Был ли на территории колонки врач или больница?
- Нет. Сами лечили. Старики лечили травами.
- Вы ходили проводить своих родителей во время оккупации?
- Конечно.
- То есть вы могли свободно к ним пойти?
- Да.
- Когда вы шли с работы, видели на улицах патрули?
- Конечно! Они кругом стояли. Я обычно ходила проводить

родителей, когда было уже темно и немецких солдат не встречала. Избегала их.

- Был комендантский час установлен немцами?
- Да. Они запрещали ходить.
- Вы ходили до комендантского часа или после?
- До.
- Были случаи, что кто-то нарушал комендантский час и его задерживали?

- Я не помню.
- Чем немцы занимались по вечерам?
- Мы не знали. Мы ведь не выходили.
- Были случаи, когда немцы хорошо относились к евреям?

Например, если кто болел, они давали лекарство?

- Таких случаев не было.
- Вы помните день, когда немцы ушли из Нальчика?
- После Рождества они ушли.
- Как вы узнали, что немцы собираются уничтожить евреев?
- Нам немцы сказали, что машины для нас приготовили. Но наши старики показали им люльки, как у кабардинцев, чтобы доказать, что мы не европейские евреи, а потом пришла телеграмма от Гитлера, чтобы всех уничтожили. Он сказал: «Что белая собака, что черная – все одно. Уничтожить». И тогда немцы приготовили машины.

– Вы это узнали от немцев или от евреев?

– От евреев. Ведь были среди нас грамотные люди. Они знали. Евреи готовились к смерти.

- Значит, если бы не старики...
- Нас бы убили сразу.
- Но ведь немцы видели синагогу?
- Немцы не были уверены, пока не получили телеграмму из Берлина.

– Какие были отношения между евреями и кабардинцами во время оккупации?

– Очень хорошие. Кабардинцы прятали евреев в своих домах.

– То есть вы не знаете случаев, чтобы кабардинцы предавали евреев?

– Конечно, нет. Клянусь Богом, нет. Этого не было.

– Когда партизаны вошли в город, были ли какие-нибудь бои, стрельба? Вы слышали выстрелы?

- Слышали. Мы знали, что наши заходят, стрельба была.
- Партизаны, которые вошли в город, кто они были? Русские, евреи, кабардинцы?
- Там были и русские, и евреи. Разных национальностей.
- Евреи-партизаны потом интересовались, как вы жили при немцах?
- А как же! Интересовались.
- Кто-нибудь записывал или просто это были разговоры?
- Просто разговоры, спрашивали, как с нами обращались. Они уже

все знали. Что машины для нас были готовы. Если бы они вовремя не пришли, нас бы не было в живых.

– После освобождения Нальчика как складывалась ваша жизнь?

– Мы с отцом ходили по кабардинским селениям, чтобы добыть пропитание для детей. Иногда мы что-то меняли, иногда нам просто давали. Давали кукурузу. Мы относили ее на мельницу, мололи муку.

– После ухода немцев синагога открылась?

– Да.

– Вы помните имена довоенных раввинов?

– Одного звали Нахамиль. Был еще один. Они умерли уже после ухода немцев.

– Государство вам стало как-то помогать?

– Конечно! Деньгами или продуктами. Давали одежду для детей.

– Помогали всем или только евреям?

– Только евреям.

– Вас вызывали или сами приносили?

– Сами приносили. Потом, в 1945 году, пришла телеграмма от мужа, он спрашивал, жива ли его семья. Они пришли домой ко мне, ему сообщили телеграммой, что мы живы. Он вернулся с фронта в 1946 году.

– Вы говорили, что вас поддерживало государство. Как много денег вам дали?

– Это было постоянное пособие на детей, а не разовое.

– Это была существенная помощь?

– Нет, не очень. В основном мне помогал отец.

– Сколько лет было вашим детям в момент оккупации Нальчика?

– Старшему было 5 лет и около 5 месяцев другому.

– До окончания войны вы где-нибудь работали или были вместе с отцом?

– До окончания войны я только с отцом ездила. Когда муж пришел с войны, мы пошли работать на фабрику.

– Вы помните День Победы?

– Да. Передали, что окончилась война. Мы друг друга целовали, радовались. Ждали своих мужей.

– Вы помните, как стали приходить с войны первые евреи?

– Конечно! Все встречали, не только их родные.

– Как вы относились тогда к Сталину?

– Хорошо относились, как к победителю.

– Вы в сороковых годах слышали что-нибудь о репрессиях, которые были в Советском Союзе?

– Нет, ничего не слышала.

– Вы слышали что-нибудь о репрессиях евреев со стороны Сталина?

– Нет, ничего такого не слышала.

– Вы почувствовали на себе политику государственного антисемитизма? Например, дело врачей?

- Нет.
- После окончания войны изменилось отношение к евреям?
- Нет.
- В 1948 году вы слышали что-нибудь об образовании Государства Израиль?
- Нет, тогда мы ничего не знали.
- Как в еврейской колонке отнеслись к смерти Сталина?
- Мы жалели его.
- Муж после возвращения из армии рассказывал, как он воевал?
- Конечно, ему там досталось. Он был связистом.
- У него были награды?
- Да. Они до сих пор сохранились.
- Ваш муж никогда не говорил, что в армии к нему плохо относились, потому что он еврей?
- Нет.
- У него в паспорте было записано, что он еврей?
- Да, было записано, что он горский еврей.
- Где он работал после возвращения из армии?
- На обувной фабрике, и я с ним работала.
- Много евреев работало на фабрике?
- Да. Там работали и русские, и кабардинцы. Директор был еврей.
- Чем занимались ваши дети?
- Они пошли в школу, потом старший сын поехал работать в Ростовскую область, в г. Шахты. Его звали Виктор. Там он работал на шахте, заболел и умер. Второй сын тоже работал в Шахтах, женился там. После смерти старшего сына мы вернулись в Нальчик, и он стал работать на обувной фабрике.
- Ваши сыновья женаты на русских?
- Да. Я люблю их, как родных.
- А с родителями жен ваших сыновей какие отношения?
- Живем как одна семья.
- Как русские жены ваших сыновей относились к еврейской религии?
- Они делали то же, что и я делала. В синагогу они не ходили, но дома соблюдали все традиции.
- Вдовы ваших сыновей по-прежнему соблюдают еврейские традиции?
- Вдова третьего сына Игоря, которая повторно вышла замуж за еврея, соблюдает. А как первые две, я не знаю.
- Внуки у вас есть?
- Есть. Одна внучка в Израиле, другой внук живет с матерью. У Игоря два сына, тоже живут с матерью.
- Внуки старших сыновей продолжают считать себя евреями?
- Нет, они же в Штатах живут.
- Они приезжают к вам?

- Да.
- Они интересуются еврейскими традициями?
- Нет.
- Внучка из Израиля поддерживает с вами отношения?
- Да. Пишет письма и даже приглашает меня жить.
- Вы говорили, что ваша сестра живет в Америке.
- Да. Она уехала туда 8 лет назад.
- Расскажите еще о вашем муже.
- Он умер в прошлом году.
- Его похоронили по еврейским традициям?
- Да. Приходил раввин. Прочитал молитву. Когда он умер, то совет ветеранов оказал мне помощь.
- А еврейская община оказала вам помощь?
- Конечно. Деньгами помогли.
- Вы принимаете участие в жизни общины?
- Да. Я хожу в «Товуши»⁸, когда там бывают собрания, концерты, отмечают праздники.
- Что бы вы хотели пожелать людям?
- Чтобы был мир. Чтобы были здоровы. Чтобы друг друга уважали.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Горские евреи в основном были кожевниками, сапожниками, портными. Занимались ковроткачеством, торговлей. Особо отличались выделкой сафьяновой кожи. Секрет выделки передавался по наследству: от деда к сыну, внуку. Однако в 50-е гг. нашего века секрет выделки был утерян. Власти запрещали индивидуальный труд. Другие виды ремесел сохранились и по сей день.

² *Кашрут* – это запреты Торы употреблять в пищу некоторые виды продуктов. Горские евреи г. Нальчика соблюдали правила в питании, определенные религией. Образ жизни, наличие синагоги, раввина давали возможность придерживаться кашрута. Кашерными животными считаются крупный рогатый скот, овцы, козы. Запрещено мясо свиньи, лошади, кролика. Разрешено употреблять мясо птиц – кур, уток, гусей, индеек. Горские евреи ездили в села, привозили скот, который резник (шохет) резал. Он был обязан иметь документ, разрешающий ему резать скот и птицу. Тора запрещает употребление в пищу крови животных и птиц. В общине соблюдали запрет смешивания молочных и мясных продуктов. В каждой семье имели два набора посуды – для мясной и молочной пищи.

³ *Миква* – водный резервуар для омовения с целью очищения. В еврейской общине г. Нальчика миквы не было при синагогах. В Нальчике невест перед свадьбой обмывали в рске, в бане или у одной из подруг, но это не имеет отношения к очищению и ритуальной чистоте.

⁴ Попытки властей закрыть синагогу были. Под разными предлогами здание синагоги забирали. Например, на ул. Подгорной забрали здание, снесли его и

построили поликлинику. Община собрала деньги, купила дом под синагогу на ул. Осетинской, однако и ее снесли, не выдав компенсации. Основание: необходимость строительства троллейбусной линии.

⁵ Рынок был расположен на месте гостиницы «Россия». В лоточках, с различными видами продукции ремесел, продавцами были горские евреи. Многие кабардинцы и бадкарцы, приезжая на рынок с сельскохозяйственной продукцией, останавливались на ночлег в домах горских евреев. Общность образа жизни, неупотребление свинины, гостеприимство сближали горских евреев с кабардинцами и балкарцами.

⁶ Свадебный обряд в еврейской общине г. Нальчика проходит так же, как и во всех общинах мира на протяжении тысячелетий, независимо от проживания. Жениха и невесту ставят под хупу – шатер на четырех палках. Держат хупу неженатые юноши в головных уборах. Раввин читает молитву, в которой обязывает молодых выполнять заветы отцов, поддерживать друг друга в радости и печали. Затем жениху подают рюмку с водкой. Он отпивает глоток и разбивает ее в память о разрушенном Первом храме в Иерусалиме.

⁷ В г. Нальчике располагалась немецкая колония – компактное проживание немцев, но в 1944 г. их депортировали в Казахстан.

⁸ «Товуши» – еврейский общественно-политический культурный центр, организован в 1988 г. Основные цели данной организации: защита прав, чести и достоинства евреев Кабардино-Балкарии, работа с детьми, развитие традиций. Целью центра является создание таких условий, при которых еврейское население может быть обеспечено религиозными, благотворительными, культурно-просветительными услугами в области языка, истории, традиций. С начала 90-х гг. в Кабардино-Балкарии функционируют: молитвенный дом, дом «Милосердия», воскресная школа, газета «Евреи Северного Кавказа».

Бесирут Ашурова

7 января 1998 г.

Нальчик

– В каком году вы родились?

– По документу – в 1923 году, а фактически в 24-м. Пишите, как по документу.

– Сколько вам лет?

– 74.

– Где вы родились?

– Город Нальчик, 25 февраля.

– Скажите, почему вас так называли? Рассказывали родители?

– А как же, у нас есть специальная книжка в синагоге. Мне имя дали дедушки, конечно. Родители имя не дают, им перед своими родителями стыдно.

– То есть имя выбирает дедушка?

– Да.

– Вы знали своих дедушек, бабушек, кем они были?

– Когда отец моего отца приехал сюда, то здесь ничего не было, только лес. Когда у них первая дочь родилась, ее называли Нальчик. Фамилия дедушки была Ашуров, и фамилия бабушки тоже Ашурова, она дальняя родственница. У отца было 5 братьев.

– А чем занимались ваши дедушки и бабушки?

– Про дедушек и бабушек не знаю, а дяди некоторые работали в колхозе скотоводами, некоторые заготовителями, ездили по кабардинским и балкарским селениям, и потому мы были очень дружны с ними. Мы жили одним двором, поэтому я все помню. Дедушка построил двухэтажный дом. Строили 10 лет, и когда Советская власть пришла, то даже хотели забрать, но все-таки оставили, так мы и жили одним двором.

– А помните, как выглядел дом, описать можете?

– Очень хорошо помню: высокий, с подвалом и подвальными помещениями, бочками вина.

– А из чего был построен дом, вы помните?

– Из труча.

– А что такое «труч»?

– Деревянные столбы.

– А отапливался чем дом?

– Дровами.

– Как звали ваших родителей?

– Папу звали Шафут, а маму Бариня.

– Вы могли бы описать, как выглядел отец?

– Высокий, красивый был. У меня родители очень красивыми были.

У матери были длинные волосы, полтора метра. Мать умерла в 1953 году, а отец позже.

- А чем занимались ваши родители?
- Отец работал в колхозе скотником.
- А до того, как были образованы колхозы, чем он занимался?
- Я маленькая тогда была, не помню.
- А мама чем занималась?
- Она работала на швейной фабрике, которая сейчас на улице Кабардинской. Это была первая швейная фабрика ¹.
- А кем она работала, что они шили?
- Верхнюю одежду, халаты, платья.
- А с кем дети в это время были?
- Некоторые дети уже были большими. Я присматривала за младшими, потому что с работы тогда не отпускали, было строго, кормила, ухаживала.
- А хозяйство кто вел, какое было хозяйство?
- Корову мама рано утром доила.
- На каком языке дома говорили?
- На родном. По-кабардински и по-балкарски я понимаю, но говорить не могу.
- А дети с вами на каком языке говорили?
- На своем, горско-еврейском ².
- Какие еврейские обычаи были в семье?
- Всякие были. Например, нельзя было без чулок ходить, без платка тоже, короткое платье не наденешь. Обычаи были очень строгими.
- А как питались? Какими продуктами?
- Пекли хлеб в печи, печь большая была, топили дровами, делали пельмени, голубцы. Из магазина ничего не брали, мясо резали в синагоге. Там, где сейчас поликлиника, напротив была большая синагога, в три этажа.
- А вы помните, как она выглядела внутри?
- Конечно. Красиво было, такой другой в мире не было, наверно. Кто ни приезжал, все завидовали.
- Как часто семья ходила в синагогу?
- Каждую пятницу и субботу.
- Как-то особенно отмечали субботу в вашей семье?
- Зажигали свечи пораньше.
- Сколько свечей зажигали?
- Сколько мужчин в доме, столько и зажигали.
- А девочки зажигали свечи?
- Нет.
- А почему?
- До 19 лет нельзя.
- Какие традиции еще соблюдали?
- Ребятам делали обрезание. Девочки в 12 лет уже считались девушками.
- После зажигания свечей что делали?

– Сидели все за столом. Мужчины отдельно, женщины и дети отдельно³.

– Что обычно готовили на субботу?

– Кюрзе, пельмени...

– Какой ваш любимый еврейский праздник?

– Пасха.

– Как отмечали Пасху?

– Целый месяц до Пасхи хлопотали, белили, стирали. За две недели начинали печь.

– Что пекли?

– Мацу.

– Где пекли?

– В печке. Во дворе у нас печка была.

– Готовили много на Пасху, и где это хранили?

– В колодце во дворе. Чем нынешние холодильники, колодцы были лучше. Вот я после замужества все хранила в колодце. Индюков резали, кур.

– Чем занимались ваши сестры, брат? Как их звали?

– Самая старшая – Цили, вторая – Сивиль, третья – Надя (Наро), четвертая я – Бесирит, и пятая – Зоя. Брата – Жорик.

– Чем они занимались?

– Трое на фабрике работали, одна – на чулочной фабрике, еще одна в магазине.

– Как оплачивался их труд?

– По выработке. По плану. Старшая много медалей имела. Недавно 11 лет исполнилось, как умерла. Остальные все в Израиль уехали. Одна я осталась.

– Сестры жили вместе с вами до того, как вышли замуж?

– Жили все вместе, отделиться до этого нельзя было.

– Когда они вышли замуж?

– Одна вышла, ей было 16, другой – 18. До войны. Третья не успела. Она беременная была. У нее был один мальчик.

– Вы помните свадьбу своих сестер? Как они проходили?

– По кавказским обычаям. На свадьбе бывает много людей, несколько сотен.

– А где и как это отмечается?

– Во дворе большого дома.

– Как проходит сама свадьба, венчание?

– Одевали в хороший материал, парчу.

– И где это происходило? Где объявляли мужем и женой?

– В синагоге. Когда невесте 17–18 лет, в синагоге, а если 15–16, то никакого венчания, никаких документов, никакой регистрации.

– Почему вас выдали замуж так рано?

– Я и сама не знаю.

– А кто решил?

– Мамин отец.
– А как это было?
– Я тогда с подружками в куклы играла, с книжками, читать их я не могла. Это сейчас я могу читать. Самоучка.

– А почему вы не учились?
– Не в чем было ходить в школу.
– Как проходило обсуждение, что вас выдают замуж?
– Пришла домой, а у нас младшего дяди жена сидит. Это Левина мама. Лева Ашуров, который в синагоге работает, это мой двоюродный брат. Она и говорит: «Иди сюда, миленькая! Мы тебя замуж отдаем». Отдали. Я не понимала в 14 лет, кто такой муж. Я плакала. «Я боюсь», – говорила. А мне говорили: «Не бойся. Он красивый». Кольцо одели, 3-4 месяца засватанная ходила. Золовка пригласила в кино, там и познакомили с будущим мужем.

– Сначала выдали замуж, а потом знакомили?
– Да.
– Как родители отнеслись к тому, что вы замуж вышли?
– Дедушка сказал, что хочет меня этой семье отдать. У нас старшим лишнее говорить нельзя было. В 15 лет уже первый ребенок у меня родился. Каждые три месяца его (мужа) забирали в лагерь. В армию его не забрали, потому что он был единственный работник. Мать и отец его были больные. Так три года. Ну и вторую девочку родила, дочь, которая у меня сейчас есть. Старшая умерла, когда ей 5 лет было. В 1941 году забрали мужа на три месяца. Как раз через 15 дней – и объявили войну.

– Как звали вашего мужа?
– Эрзо.
– На сколько лет он был старше вас?
– На семь.
– Когда вы выходили за него замуж, чем он занимался?
– Работал на обувной фабрике. Завцехом.
– Здесь, в Нальчике, до войны, где женщины рожали, кто принимал роды?

– Бабушка была. Она у меня потом жила. Дали ей маленькую комнатку. А так вообще большинство в больнице. У меня первую она принимала, а вторая в больнице родилась. Врачи у нас были хорошие: европейские евреи, из Киева, Львова, Белоруссии. Были две сестры, врачихи, их прятали наши, горские евреи на Трудовой улице. Их сына забрали в Долинск и убили. Отец его побежал за ним туда, и его убили. Обоих. А сестер-врачей спрятали на чердаке, но потом и их убили. Одну звали Сара, а другую Ева.

– А до войны вы знали, что происходит в Германии, Польше? Говорили о Гитлере что-то?

– Нет.

– А беженцы до войны были?

- Этого я не знаю.
- Вот вы говорите, что сестер убили, а горских евреев трогали?
- 12 человек сразу забрали. Семью Ифраимовых⁴.
- Когда началась война, вы попросились с мужем и больше его не видели?
- Нет.
- Вы думали уехать отсюда куда-нибудь?
- Кто нас взял бы? У нас из взрослых никого не было.
- А что муж сказал вам на прощанье, какие его последние слова были?
- Что он мог сказать: жив буду – вернусь...
- Что было дальше?
- Жила, воспитала его братишек и своих дочерей, старшенькая у меня умерла, вторая выросла, но ей тоже не везло, попала в аварию в Новосибирске.
- Как пришли немцы в город, вы помните?
- Да, мы были на базаре с мамой, как раз бомбили базар. Нам военные сказали, чтобы быстрее убегали под защиту стен. Мы пришли домой, а бомбежка усилилась, и так каждый день. А потом мы рыли окопы во дворе. И мы, и соседи русские... все время были в окопах. Два с половиной месяца. Потом кабардинец из Вольного Аула меня, двоих ребятишек и моих детей забрал к себе, спрятал.
- А почему он решил забрать вас?
- Чтобы спасти. Он слышал, что евреев убивают. Две недели мы у него были. А когда сказали, что все успокоилось, он привез нас обратно.
- Вы помните, как звали этого человека?
- Сестру его звали Маржан.
- А как вошли немцы, вы помните?
- Мне как раз мать сказала: «Выходи, немного приведи в порядок себя и девочек». Я как раз вторую девочку кормила – вошли трое с автоматами. «Ком, ком, ком», – и ребеночка хотят у меня отнять, а меня увести. Но я кричала, конечно. Пусть хоть стреляют. А у меня в кармане были документы на пенсию, и пенсия, которую получила. Они говорят: «Деньги давай, золото». Я говорю: «Нету». Руками показываю. Они же не понимают, идиоты. Они трое держат автоматы у груди. А потом спрашивают: «Муж в нас стреляет?» Я говорю: «Нет, у меня мужа нет, молодая была – гуляла, оттуда и ребенок». Потом они ребенка забрали, но русские соседи собрались и говорят: «Нельзя так делать, она молодая». И другие евреи, как будто они кабардинцы, тоже по-кабардински их позорят: «Нельзя так!» Ну, в общем, они ребенка отдали.
- А как вы дальше жили, пока были немцы?
- Сказали, что заполнили журнал, что евреев забирают 4 января.
- Какой журнал?
- С фамилиями евреев.

- А откуда они узнали?
- Это знал Шабает. Он жил на Мало-Кабардинской. Он сказал, что они не евреи, они почти кабардинцы. Машины были готовы. А тут партизаны из леса. А мы ничего не знали. Мы в окопе. Туман был на улице, ничего не видно. Автоматы, танки. Уйти никуда не можем. Потом слышим Ашуров, Пинхасов говорят: «Выходите, наши пришли». И они плачут, и мы плачем, все плачут.
- Все эти месяцы где вы брали продукты?
- Все, что в доме было, все занесли в окопы, одежда – в чем были, в том и остались. Два с половиной месяца.
- Вы сказали, что готовились машины. Как удалось спастись?
- Вот этот Шабает и его друзья – один кабардинец и балкарец, – они нас спасли. Они составили списки, но сказали, что надо выяснить, кто евреи. Так они нас спасли, а потом сообщили партизанам, что нас хотят забирать. С Трудовой 4 детей забрали и мать, она была – не помню... с первой машиной. С первой машиной забрали 12 душ. Начали с Трудовой, где зеркальная фабрика, забрали сына с отцом.
- А к вам немцы приходили в дом?
- Приходили. Все забрали. Комнаты пустые. В штаб забрали.
- Где находился штаб?
- На Рабочей, где магазин. Другой на Кабардинской. Третий на Суворова. Дом отняли.
- Какие были указы для населения?
- Юде, юде. Убивать евреев.
- Что стало с синагогой?
- Разбомбили.
- А раввины?
- Они в окопах были с нами.
- А во время оккупации вы соблюдали традиции?
- Да. Молились.
- Когда город освободили?
- 4 января 1943 года.
- Как были одеты солдаты?
- В зеленую одежду. Нарядные. Век бы их не видеть. И наши дураки некоторые в Германию едут. Как они не боятся? Дураки, кто едет.
- А местные жители помогали вам?
- Нет. Жители – нет, только исполком, собес.
- А где вы брали продукты после освобождения?
- Нам привезли.
- А у вас были известия от мужа? Когда получили извещение?
- В 1943 году.
- А до 43-го были письма?
- Да.
- А что он писал?
- Спрашивал, как живете, не голодаете ли, что делаете.

- Он писал, где он служит?
- В Житомире, Киеве, Львове. Его же первого отправили, из Прохладного.
- Где он погиб?
- Не знаю.
- Что у вас случилось с первой дочерью?
- Умерла. В окопах была. Может, испугалась, маленькая ведь была, когда умерла, ей было 5 лет.
- Как вы узнали о победе?
- Объявили по радио. Сидели и плакали.
- Где радио было? В каждом доме?
- Да. В домах было радио.
- Как складывалась ваша жизнь дальше?
- Жили дружно, вместе со свекровью. Очень уважали деда. Когда мы были в окопе, он все время выходил, не хотел сидеть в окопе, был ранен. Он лежал почти два года. Он умер в 1946 году.
- После войны какие были отношения с местным населением?
- Хорошие. Хотя и тогда грабили. Племянника мужа ограбили. Их побили. Уехал в Израиль. А так живем дружно. На свадьбы зовем всех – и кабардинцев, и балкарцев, и осетин. А появился рэкет – стало плохо.
- А почему все уехали в Израиль?
- Потому что у сестры ребенка украли. Еле выкрутились.
- А вы почему не уехали?
- Я не хочу. Мои дети не хотят. Внуки не хотят.
- В семье дочери соблюдают еврейские обычаи?
- Обязательно. Дочь соблюдает. Она уже бабка. А я прабабка.
- Как вам начисляют пенсию? Большая пенсия?
- 345 рублей. Каждое 9 Мая помогают деньгами или вещами.
- А вы помогаете синагоге?
- Да, когда покойник, всегда помогаю. Если ночью умер, то на следующий день хороним. Я им помогаю.
- А сейчас синагога работает? Много людей ходит?
- В праздничные дни очень много, а в рабочие дни меньше.
- Ваши пожелания?
- Пусть такое не повторится больше. Чтобы мир был на земле. Чтобы люди любили друг друга.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Большевики, придя к власти, немало сделали для горских евреев прежде всего в области распространения грамотности, культуры. В районе компактного проживания горских евреев в г. Нальчике построили школу, баню, обувную, чулочную и швейные фабрики, кожевенный завод.

² Горские евреи говорят на диалекте татского языка, принадлежащего к западной ветви иранской группы языков. В то же время в разговорной речи много слов древнееврейского языка.

³ Из ответа Бесирит Ашуровой ясно, что горские евреи усвоили порядок горцев, когда за столом мужчины сидели отдельно от женщин. У евреев принято в Шабат (встреча субботы) за столом быть всей семьей, но в общине г. Нальчика горские евреи выработали похожие с народами Кабардино-Балкарии обычаи. Горские евреи носили общекавказскую одежду, украшения.

⁴ О том, что пережили евреи в период оккупации Кабардино-Балкарии, свидетельствует письмо горских евреев г. Нальчика, опубликованное в газете «Кабардино-Балкарская правда» (1943. 19 янв.):

«Будьте прокляты, фашистские изверги!

65 дней мы находились в плену у фашистских бандитов. 65 дней озверелые гитлеровские псы, потерявшие человеческий облик, издевались, мучили и расстреливали ни в чем не повинных советских граждан.

Фашистские звери отобрали у нас всю одежду, белье, постели, кровати, деньги и даже детские вещи.

У 67-летнего старика Ровино Ашировича Шамилова убили жену. Сам он инвалид. На его руках осталось четверо сыновей: Юрик – 4 лет, Шура – 9 лет, Сема – 13 лет и Яша – 16 лет. И несмотря на его мольбы и слезы оставить сиротам хотя бы по одной лишней рубашонке, фашисты забрали все: одеяла, подушки, кровать, теплую одежду, белье, чашки, ложки, оставив семью в одних лохмотьях. Мало того, эти звери приходили каждую ночь к нему в дом и, угрожая расстрелом, требовали деньги и другие ценности. Великое спасибо соседке, русской женщине Маковкиной Вере Кузьминичне, которая, рискуя собственной жизнью, отводила от нас этих громил, уверяя их, что в комнате живут заразные больные.

У красноармейки З. Р. Шамиловой отобрали вместе с вещами последнюю буханку хлеба.

Применяя насилия и угрозы, немцы до нитки ограбили семьи евреев М. Т. Амировой, жены красноармейца, имеющей 6 детей, Н. Р. Давыдовой, Л. З. Ашурова, у которого 10 душ семьи, Т. Ш. Наваховой и многих других.

Во время грабежа фашисты до полусмерти избили прикладом винтовки 72-летнего старика Айзика Ицковича Либмана. Полторы недели лежал он в постели пластом.

Били, грабили, издевались над нами, заставляли выполнять непосильный труд, и все за то, что мы евреи, что мы советские граждане. Таскать блоковые камни, чистить уборные, конюшни заставляли даже 10-летних детей и 80-летних стариков. Семе Шатилову и Савве Дигилову по 13 лет. Когда они после 14-часового рабочего дня не смогли поднять огромный мешок со свеклой, немцы избили их плетками и рукоятками револьверов так, что больше месяца были видны кровавые следы побоев.

Во время чистки конюшни 16-летний Яша Шамилов решил немножко передохнуть. Немец избил его за это плеткой, после чего все тело покрылось кровавыми рубцами.

Красноармейку Циву Пинхасову погнали на работу после тяжелой операции. Во время работы ей стало плохо. Тогда подошел один зверь в немецкой форме и изо всей силы ударил ее сапогом в спину.

На работу обычно выгоняли с 4 часов утра и не отпускали домой до 6–7 часов вечера. Многие не успевали захватить с собой даже куска черного хлеба.

Но и на этом не успокоились фашистские изверги. Вскоре они установили кровавый террор. Ежедневно стали забирать отдельных людей, целые семьи и увозить в неизвестном направлении. Только с приходом Красной Армии мы узнали, что они были зверски замучены. Так были убиты Борис Нисонович Давыдов и его отец. 60-летнюю старушку Новид Мигировну Истахорову связали по рукам и ногам, как бревно, бросили в грузовую машину, отвезли за город и там расстреляли. Семью Ифраимова, состоящую из 10 душ: 70-летней старушки Гогуш, ее дочерей: Нами – 30 лет и Руспо – 20 лет, невестки Зои – 23 лет и 6 мальчиков, внучат от 2 до 12 лет, ночью вывезли за город и всех расстреляли».

Женя Биазрова (девичья фамилия Ашурова)

9 января 1998 г.

Нальчик

– Где и когда вы родились?

– В Нальчике, в 1930 году, 5 марта.

– Сколько вам сейчас лет?

– 68.

– Кто были ваши дедушки и бабушки?

– Родителей отца я не помню, потому что он рано остался сиротой.

А бабушка (по линии матери) ходила по кабардинским селениям, собирала продукты, чтобы нас кормить¹. Дедушку звали Юсуп Ашуров. Бабушкина фамилия была Матаева.

– Ваши дедушки и бабушки были верующими?

– Они все были верующими. В субботу они не зажигали огонь, не готовили.

– Кто был ваш отец?

– Он был членом партии. Сначала он жил в кабардинском селении Баксаненок, потом переехал в Нальчик и участвовал в строительстве трикотажной фабрики. От горкома партии ему дали поручение построить в еврейской колонке магазин, до этого здесь не было магазинов. Это было до войны. Потом, когда началась война, моего отца на фронт не взяли, сказали, что он должен руководить трикотажной фабрикой, ему дали бронь. Но мой отец ушел добровольно.

– Давайте вернемся к довоенному времени. Расскажите о магазине, который открыл ваш отец.

– Это был и промтоварный, и продуктовый. Я потом после войны в этом магазине работала, мне было 14 лет. В 14 лет меня не брали на работу, и мне сделали паспорт, где я была на 2 года старше. У меня на руках были младший брат и сестра, они от голода потом умерли. Мать тогда работала на трикотажной фабрике и получала зарплату, достаточную, чтобы купить 2 буханки хлеба. А когда мне было еще только 11–12 лет, я делала пирожки и продавала. Четверо из детей выжили, а двое умерли. Они похоронены на еврейском кладбище. Потом это кладбище разрушили, яма только осталась и скелеты. Там был похоронен Агару Матаев, фронтовик, танкист. Ему был памятник там установлен, и его снесли.

– Что продавалось в продовольственном отделе магазина? Была там кашерная пища?

– Этого я не помню, я была маленькая. Потом, когда я там работала, помню, что продавали и колбасу, и конфеты. Директором магазина тогда был Эльцфон Шамилов.

– Ваш отец был верующим?

– Да. Детям делали обрезание, и хоть он был партийным, ходил в синагогу. На Йом Кипур, когда выносили Тору, папа всегда любил ее целовать.

– Как звали вашу мать?

– Малкэ Шагабаева.

– Чем она занималась до войны?

– Она была домохозяйкой. Она тоже была верующей.

– Вы отмечали в семье праздники?

– Да, все. И даже когда очень бедно жили, всегда делали мацу. Бабушка привозила муку из Баксаненка, и мама дома делала мацу.

– Какие еврейские блюда готовила мама?

– Кюрзе, дурма, чуду. Хлеб пекли в больших печах.

– К субботе мама пекла плетеный хлеб? ²

– Я не юмню.

– Фаршированную рыбу готовили?

– Рыбу всякую готовили. Фаршированную тоже. Моя бабушка очень вкусно готовила и в пятницу ложила все в кастрюли, ставила в печь, и в субботу все это было очень теплое.

– Была специальная кашерная посуда в доме? ³

– Посуду держали отдельно. Молочное и мясное держали отдельно. На праздник Нисан они доставали отдельную посуду и после этого праздника опять прятали.

– Песни еврейские дома пели?

– Мать не могла петь и бабушка тоже, а я пела.

– Мясо где вы брали?

– У нас всегда резали раввины.

– Кто вас учил горско-еврейскому языку?

– В 10-й школе был такой учитель – Камуил Исаакович Гилядов, он учил. И дома мы на горско-еврейском разговаривали. Мы русский язык тогда не знали. Я своих внуков учила разговаривать на нашем языке.

– Вы помните день, когда в первый раз пошли в школу?

– Я помню, что меня нарядили. Отец тогда жив был, директором фабрики работал. Он тогда в Москву ездил по работе и привез мне красивую одежду.

– Опишите свой дом.

– Дом был на Трудовой улице, саманный – три маленькие комнаты, большой коридор. Когда была война, мы некоторое время прятались в селении Баксаненок, потому что был слух, что семьи коммунистов и евреев убивают. А когда во двор упала бомба и повредила дом, мать сама восстанавливала его.

– До войны сколько человек проживало в этом доме?

– Бабушка, папа и мама и шестеро детей.

– Внешне еврейский дом отличался как-то от других домов?

– Раньше отличался. На входной двери всегда был мозол ⁴ и сейчас есть.

– Раньше на всех еврейских домах был мозол?

– Да.

– Где брали?

– В синагоге. Раньше синагога была там, где сейчас поликлиника, и там был раввин по имени Нахамиль, и мы у него брали. Потом, когда после войны синагогу закрыли, сняли квартиру под синагогу. В 1976 году, когда я купила этот дом, то привела раввина, чтобы он прочитал молитву. Тогда раввином у нас был бухарский еврей. Он дал мне два мозоля.

– Вы ходили в довоенную синагогу?

– Бабушка меня водила. Была очень большая синагога, и очень много людей туда ходило. Потолок был деревянный.

– Синагогу посещали и горские, и европейские евреи?

– Да.

– Европейские евреи жили где?

– И в колонке, и в городе.

– Какие были взаимоотношения?

– Не помню. Помню, что они ходили в синагогу.

– Какие были отношения между евреями и неевреями?

– Очень хорошие. Старались помогать нам, хлеб давали. Женились между собой, евреи на русских и кабардинцах и наоборот. У меня одна сноха кабардинка, другая – русская, третья сноха еврейка. У меня свекровь была кабардинка, а свекор – осетин. Первый муж был осетин.

– Как соблюдался в вашей семье кашрут?

– Папа не покупал в магазине мясо. Отец ездил и покупал живых кур, индюков и баранов и потом приглашал раввина. Тот приходил и резал у нас во дворе, и потом мясо держали в подвале, потому что тогда холодильников не было. Мясо там не пропадало. В подвале хранили и молоко, но отдельно. Куски мяса заворачивали в капустные листья, чтобы оно не пропадало. А молочное хранили в другом месте. Бабушка запрещала держать мясо и молочное в одном месте, а мама была еще более верующая, она даже чай не пила, при этом она говорила: «Может, из стаканов пил кто-то, кто кушает колбасу». Даже когда она со своим сыном жила, она прятала свой стакан ⁵.

– Значит, молоко хранили отдельно?

– Да. Когда были молочные дни ⁶, они делали лапшу. Или молочную кашу.

– А что это за «молочные дни»?

– Были такие дни, когда мясо было нельзя кушать. Я даже сейчас, когда ем мясное, после этого молочное не ем.

– Какие мясные блюда делали? ⁷

– Плов делали. Делали лапшу, как запеканку, ножом резали. Потом готовили плов еврейский с изюмом. Дурма – это голубцы, делали из листьев винограда. Варили курицу, мясной бульон. Пекли пирожки с мясом круглые. Пирожки жарили со свежим луком и яйцами на подсолнечном масле. Назывались чуду. Овощные блюда из фаршированной капусты, на подсолнечном масле.

– А неевреи делали такие блюда?

– Нет. Но они очень любили приходить на наши свадьбы. Это было до прихода Горбачева к власти, потом наши отношения испортились.

– Опишите какую-нибудь свадьбу.

– Мы приглашали музыкантов. Был такой Алхасов. Он вместе с Шабаетовым организовал здесь первый национальный кабардинский ансамбль. С ними была еще одна женщина по имени Гиржи, фамилию ее не помню. Вот эта самая Гиржи ездила по кабардинским селениям и собирала девушек для кабардинского ансамбля. Одна из солисток этого ансамбля еще жива. Но не часто говорят, что кабардинский ансамбль организовали евреи.

– Как проходило сватовство?

– К отцу невесты приходил ильчи – по-еврейски сват, договаривались о калыме, или приданом. Одевали девочке кольцо. Накрывали столы. Назначали день свадьбы. Когда выводили девочку из отчего дома, то матери ее давали что-то вроде выкупа. Потом невеста танцевала, и кто танцевал с ней, давал деньги за право танцевать с ней. Потом, когда девушку выводили со двора, то не пропускали, пока не заплатишь выкуп. Были времена, когда за ночь было по пять еврейских свадеб.

– Кто подбирал невесту для сына?

– Ну, например, моя дочь понравилась одному парню, когда она еще училась в школе. Он был намного старше ее и сказал отцу и матери об этом. Бывает, что родители идут на уступки сыну, а бывает – нет.

– В каком возрасте обычно девочки выходили замуж?

– И в 13 лет выходили, моя мама вышла в 14 лет. Мой сын, например, отдал свою дочь, когда ей было 14 лет. Я даже ругала его. Он потом уехал отсюда, вынужден был, в его двор гранату бросили. Он продал дом и уехал в Израиль.

– Как регистрировали брак? Ведь паспорта не было?

– Они не регистрировали, пока не исполнилось 16 лет. Вторую внучку я отдала, когда ей было 16 лет. Она сейчас в Израиле.

– А когда одевали кольца?

– Сначала на первый день собирались старшие обеих семей и договаривались, а на второй день одевали кольцо и дарили платки. А на самой свадьбе при венчании над молодыми держат хупу. Читают молитву, потом жениху дают рюмку, и он ее разбивает.

– До войны евреи носили какую-нибудь национальную одежду?

– Носили такую же, как и кабардинцы.
– Вы помните день начала войны?
– Нет.
– Вы помните тот день, когда немцы пришли в Нальчик?
– Помню, что бомбили 10-ю школу, там был госпиталь. На второй день, когда немцы вошли в город, мама пришла домой и говорит, что раненых больше не было в госпитале. У нее в руках было два халата, и она сказала, что сошьет нам одежду из них. Мы даже не знали, кто увел раненых, видимо, партизаны. Потом немцы заставляли евреев копать яму, наверное, хотели нас живьем закопать. Тогда жил в колонке, на Осетинской улице, Шабаев, его имени я не помню. Он специально устроил цыганскую свадьбу и пригласил немцев, чтобы те посмотрели и поняли, что мы другие евреи. Потом пришли партизаны. Их Пинхасов привел. Он похоронен недалеко от могилы моей мамы. А его дети все уехали в Израиль, потому что их заставили уехать. Специально делали так, чтобы евреи дешево продавали дома и уезжали.

– Собирали евреи деньги для немцев, чтобы откупиться?
– Этого я не знаю.
– Где вы жили во время оккупации?
– На Трудовой, где мы тогда жили, был большой двор, и там выкопали окопы.

– Опишите эти окопы.
– Копали длинную яму, с двух сторон делали вход, сверху засыпали землей.

– Бывало, что немцы приходили к вам в дом?
– Да, но мама нас прятала. Когда немцы уже здесь были, мама как-то смогла нас увезти в Хасавюрт. Мы месяц прожили там и вернулись в Нальчик после того, как город был освобожден. А когда мы ехали в Хасавюрт в эшелоне, то его бомбили, и мы чуть не погибли.

– А у кого вы жили в Хасавюрте?
– Квартиру снимали.
– Вы платили за квартиру?
– Да.
– Вам кто-нибудь помогал?
– Нет.

– Много евреев смогло убежать из Нальчика?
– Этого я не знаю.
– Немцы гоняли вас на работу?
– Конечно. Мать гоняли и старшего брата, который сейчас в Израиле живет, а меня мать прятала.

– Как вы жили в период после освобождения Нальчика и до окончания войны?

– Плохо жили. Как я вам говорила, мои младшие брат и сестра

умерли от голода. В течение восьми дней оба умерли.

– Как хоронили раньше евреев?

– Без гроба хоронили. Заворачивали в белую простынь и несли на носилках на кладбище, на дно могилы клали доску и на доску мертвого. Потом стали хоронить в гробах, хотя по еврейскому обычаю в гробу хоронить не положено.

– Как сложилась ваша жизнь после войны?

– Я пошла в школу в 4-й класс, хотя бабушка мне говорила не ходить. Есть было нечего, и нам тогда давали паек – небольшой кусочек хлеба. В школе давали. Мама варила и шкурки от картошки. Делала хлеб из отрубей. Потом пошла я в пятый класс, но учиться не смогла и стала печь пирожки и продавать на базаре, одновременно училась в вечерней школе. После окончания 7-го класса пошла работать в магазин. А мой брат учился в школе при заводе, где бесплатно давали одежду, кормили, потом пошел в армию. Затем работал на обувной фабрике. Женился. Сейчас живет в Израиле.

– Расскажите о своей свадьбе.

– У меня свадьбы не было. Мама была бедная, а у евреев есть закон: без приданого не берут замуж, и меня замуж никто не брал. Когда я окончила бухгалтерские курсы, поехала в Грузию, в город Гали, где работала помощницей бухгалтера на плантации. Там вышла замуж за осетина. Тогда не разрешали евреям жениться на людях другой национальности, но потом моя мать с ним помирилась. Один из сыновей не смог работать здесь, потому что его постоянно притесняли преступники, и он уехал в Израиль. Дочь с мужем живут в Краснодарском крае. Тоже вынуждены были уехать.

– Когда вы были замужем за осетином, справляли еврейские праздники?

– Все обычаи соблюдала. И детей воспитала в еврейских традициях.

– Какие языки знают ваши дети?

– Еврейский и русский.

– А осетинские обычаи они знают?

– Нет, муж рано умер, когда мне было только 22 года, а дети здесь выросли.

– Кем был ваш муж?

– Он был военным.

– По какому обычаю его хоронили?

– По-осетински.

– Вы поддерживаете с его родственниками отношения?

– Да, они меня очень любят.

– Кто был ваш второй муж?

– Он был офицером и служил в Германии. Он приезжал в Нальчик. Потом он разбился, испытывая самолеты. Он был из республики Коми. Официально мы с ним не были зарегистрированы.

– Как он относился к вашей вере?

– Уважал.

– Расскажите о ваших детях

– Старший – Алик Андреевич Бназров, живет в Краснодаре с русской женой. Второй сын – Руслан, женат на еврейке. Купил себе дом на нашей улице, но не дали жить, и он уехал в Израиль. Младший сын женился на кабардинке, уехал в Израиль, вернулся, но снова собирается уехать, потому что жить не дают. Дочку выдала за еврея, была хорошая свадьба. Ему тоже не дали нормально жить. Взрывали его дом, и милиция ничего не сделала, чтобы остановить это.

– С какого периода начались эти преследования?

– Точно не помню, где-то с 1990 года. Воровали детей евреев и просили выкуп. Евреи продавали дома, и этого не хватало, чтобы заплатить. Воровали жен, мужчин. Такой случай был. Продал еврей дом, и те, кто купил, прислали бандитов, чтобы эти деньги отобрать. Пытали хозяина дома, чтобы деньги отдал. Вырывали ему ногти на ногах. Он все отдал, и они уехали нищими в Израиль. Делали еще так: пытали горячим утюгом, чтобы документы на дом подписывали для них, и многие подписывали. Я тоже уеду. Меня хотели ограбить, но мне повезло, а милиция, когда приехала, не хотела ничего делать и заставила написать фиктивные показания, чтобы их не наказали. Я пережила сильный стресс после этого.

– Они только евреев грабят?

– Нет, и кабардинцев тоже грабят. Но в основном евреев. Соседей моих ограбили.

– Вы в 1948 году слышали об образовании Израиля?

– Нет.

– Когда вы в первый раз услышали об Израиле?

– Где-то в 1970 году, когда евреи стали получать вызовы из Израиля.

– Есть общественная жизнь в колонке сейчас?

– Очень мало евреев осталось; евреи продолжают уезжать.

– Еврейская община помощь оказывает?

– Синагога оказывает помощь.

– Сейчас в городе живут европейские евреи? Они ходят в синагогу?

– Да. Они на праздники приходят в синагогу.

– В «Товуши» вы ходите?

– Один раз только ходила, когда составляли списки на получение компенсации от Швейцарии.

– Чтобы вы хотели пожелать людям?

– Я бы хотела, чтобы наши евреи жили в Нальчике как раньше. Чтобы все дружно жили.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Многие горские евреи, зная кабардинский и балкарские языки, пешком шли в селения, чтобы обменять на продукты свечки, спички, тапки, галоши, мелкую утварь. Меновая торговля шла вплоть до 60-х гг. XX в.

² В субботу пекли плетеный хлеб. Имеется в виду хала.

³ Кашерная посуда использовалась на Шабат и в Песах. В обычные дни ею не пользовались.

⁴ *Мозол* – так горские евреи называли мезузу. На входной двери дома прибивают узкий длинный футляр, в который вкладывают молитвы: «Шма, Исраэль» и «И будет: если послушаетесь Моих повелений». Перед тем как прикрепить мезузу к косяку двери, просят раввина благословить дом. Входящий в дом рукой дотрагивается до мезузы и целует ее.

⁵ Согласно еврейским традициям, горские евреи не смешивали молочные продукты с мясными и не употребляли их вместе.

⁶ В месяц ава есть скорбные дни, когда запрещается есть мясо, нельзя шить, устраивать свадьбы, играть на музыкальных инструментах. Горские евреи выполняют обряды, связанные с этими днями, но не знают, с чем это связано. 9 ава (август) вавилоняне разрушили Первый Храм (586 г. до н. э.), а римляне сожгли Второй Храм (70 г. н. э.). С точки зрения врагов еврейского народа, разрушить Храм – значит разрушить духовную крепость еврейского народа. Нет еврея, который, приехав в Израиль, не посетил Стену Плача, остаток Храма.

7 РЕЦЕПТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Ягъини – суп мясной

500 г говяжьего мяса, 300 г картофеля, 2 шт. свеклы, 1–2 морковки, 1 лист лавровый, соль, перец по вкусу.

Мясо залить водой не более чем до $\frac{2}{3}$ кастрюли, вскипятить, снять пену. Процедить, вынуть готовое мясо, затем посолить, положить перец-горошек, луковичу целиком, одну-две свеклы, морковь, 3–4 картофелины. Закрывать крышку и варить 30 мин.

Сувлу – гьурмэ (суп с фрикадельками)

Из мясного или куриного фарша сделать фрикадельки величиной с орех, бросить их в кипяток, 1–2 моркови, 1 луковичу, 2 л воды, посолить, поперчить. Варить 20 мин. Перед подачей заправить суп мелконарезанной зеленью.

Щилово (суп постный)

1 луковича, 0,5 л воды, соль, 2–3 спелых помидора, 2–3 картофелины. Вскипятить воду, посолить, положить картофель.

Поджарить в сковороде на 30 г подсолнечного масла нарезанный лук до розового цвета, затем с помидорами всю массу прожарить. Все положить в кипящую воду. Варить еще 10 мин.

Кугъэнболи

Вскипятить воду, посолить.

Отдельно замесить кипяченой водой тесто, раскатать, нарезать квадратики в 1 см и пальцем их придавить, затем бросить в кипяток. Варить 10 мин.

Отдельно пожарить мясо или домашнюю колбасу. Каждую порцию супа полить маслом от поджарки.

Приправа: турши (алычевая приправа), мелкораздавленный чеснок и уксус.

Гъингъэр (квадратики из теста 1х1см)

Потроха, 1 курица, 2 л воды, соль, перец, 1 яйцо. Вскипятить воду, посолить. Сварить курицу и положить гъингъэр.

Гъингъэр — замесить тесто на 1 яйце, тонко раскатать, нарезать квадратами 1х1 см.

Приправа: турши, мелкораздавленный чеснок и уксус.

Гъингъэр (второй вариант)

В кипящую подсоленную воду бросить гъингъэр. Отдельно в сковороде пожарить мясо. Каждую порцию супа полить маслом от поджарки.

Приправа: турши, чеснок, уксус.

Рури – домашняя колбаса

500 г говяжьего фарша, 500 г бараньего фарша, 200 г лука.

Черный перец, соль по вкусу, чеснок. Говяжьи кишки наполнить фаршем, зашить два конца. Сушить в прохладном месте, на сквозняке.

Курзе – пельмени

1 кг мяса (говяжий и бараний фарш), 200 г лука, черный перец, соль по вкусу.

Тесто: 1 кг муки, 1 ст. воды, 1 яйцо, соль на кончике ножа. Замесить тесто, раскатать, нарезать рюмкой, положить фарш и косичкой закрепить. В кипящую подсоленную воду бросить курзе, одновременно помешивая. Варить 15 мин.

Приправа: турши, уксус, рубленный в ступке чеснок.

Дурма

1 кг говяжьего и бараньего фарша, 0,2 ст. риса, соль, перец, 200 г лука для фарша.

Можно использовать капустный кочан, виноградные листья, яичные блины.

Залейте капустный кочан кипятком (чтобы был полностью покрыт) и оставьте на 15 мин., затем отделите листья. Заверните фарш в листья. Сложите аккуратно в кастрюлю, залейте 1 ст. воды, придавите плоской тарелкой, закройте крышкой и варите один час на медленном огне.

Или: виноградные молодые листья кипятите 5–7 мин., затем аккуратно вытащите остудите и заверните в них фарш, сложите в кастрюлю, придавите плоской тарелкой, закройте крышкой и варите 1 час на медленном огне.

Ош – запеканка из риса

1 кг риса перебрать, помыть, сварить в подсоленной воде до первой кондиции. Перемешать рис со стаканом изюма, курагой 200 г, 1 ст. сахара, 10 яиц взбить и влить в массу, 1–1,5 ст. растительного масла залить в массу и поставить на медленный огонь на 30 мин. Перевернуть и опять поджарить.

Гъэдирэплов – запеканка из лапши

1 кг муки, 10 яиц, соль на кончике ч. л., замесить, тонко раскатать, дать слегка подсохнуть, затем нарезать тонкую лапшу. Опустить ее в кипящую подсоленную воду и варить 10 мин. Затем слить воду.

10 яиц взбить, влить в лапшу, добавить 1 ст. изюма, 1 ст. растительного масла, 0,5 ст. сахара и поставить на медленный огонь на 20–30 мин., поджарить, перевернуть и опять поджарить.

Гъологъол – запеканка из мацы

Замочить кусочки мацы теплой водой на 5 мин., слить воду, посолить, 5 шт. яиц взбить и влить в массу. 100 г растительного масла довести до кипения и влить массу в сковородку. Жарить с двух сторон по 10 мин.

Тутуи (лепешка)

500 г муки, соль, вода.

Замесить тесто, раскатать тонким пластом размером в плоскую тарелку, намазать растительным маслом, свернуть жгутом, снова раскатать и положить в сковородку, смазанную растительным маслом. Поджаривать с двух сторон.

Гъэдисэ – халва

Прогреть 1 ст. растительного масла, заправить 2 ст. муки, опять поставить на огонь, постоянно помешивая, снять, охладить, добавить 1 ст. меда или 1 ст. сахара.

Чуду – пироги

Начинка: мясной фарш (500 г говядины и 500 г баранины), соль, перец черный и перец красный по вкусу.

Тесто: 1 кг муки, соль на кончике ч. л., 1 ст. кипяченой воды, замесить тесто. Разделить на 4 части.

Раскатать пласт, разложить на него фарш, концы теста натянуть к середине, оставив середину открытой. Сковородку смазать растительным маслом, положить пирог, верх смазать взбитым яйцом или чайной заваркой и положить в предварительно разогретую духовку. Выпекать до золотистой корки. Вытащить пирог на плоскую тарелку и смазать растительным маслом. Пироги закрыть, дать пропитаться. Затем разрезать на 8 частей.

Чуду-пиёзи (пироги с луком)

Начинка: 6–7 пучков зеленого лука, 5 яиц, соль, перец по вкусу, 0,5 л растительного масла.

Лук нарезать. Белую часть обжарить слегка на масле, смешать с остальной массой лука, залить взбитыми яйцами, посолить, поперчить.

Тесто: 1 кг муки, соль на кончике ч. л., 1 ст. кипяченой воды. Замесить тесто. Разделить на 4 части.

Раскатать пласт, разложить луковый фарш. Концы теста натянуть к середине, оставив середину открытой. Сковородку смазать растительным маслом, аккуратно положить пирог с доски, не нарушив форму. Смазать пирог яйцом или заваркой чая. Выпекать до золотистой корки. Вытащить пирог на плоскую тарелку, смазать маслом, закрыть, дать смягчиться, затем разрезать на 8 частей.

Ливия Дигилова

19 августа 1999 г.

Нальчик

– Как вас звать?

– Ливия Левиевна Дигилова.

– Где и когда вы родились?

– В городе Нальчике, в 1936 году, 28 августа.

– Расскажите о ваших дедушках и бабушках.

– Бабушка Дугай (папина мама) занималась домашним хозяйством и воспитывала детей. Бабушка Бэжей (мамина мама) жила среди казаков, шила им одежду и вышивала. Дед Авнил (папин отец) занимался обменом промышленных товаров на продукты. Возил в селения промышленные товары, обменивал их на продукты.

– Чем занимался отец?

– Отца звали Леви, но все друзья звали его Асланом. Папа родился в 1907 году. До войны работал на мебельной фабрике бригадиром. Когда началась война, ушел на фронт, а в 1943 году мы получили извещение, что он пропал без вести. Проследив путь его части, мы думаем, что он погиб в «харьковском котле».

– В вашей семье еще кто-нибудь работал?

– Да. Мама работала в больнице акушеркой. Она закончила в 1932 году во Владикавказе медицинский техникум. Во время войны мама работала фельдшером в больнице в Нальчике.

– Сколько человек было в семье?

– Дело в том, что перед войной, когда стало ясно, что войны не миновать, все семьи объединились и жили вместе – это наша семья и семья папиного брата Нотона во главе с бабушкой Дугай. До войны дядя Нотон работал в милиции, он погиб на фронте в январе 1945 года, освобождая Польшу. На войне погибли и папин двоюродный брат Ардон с двумя сыновьями Борисом и Шеди. Из нашей семьи никто не вернулся. Все погибли. Тетя Эрув, жена дяди Нотона, до войны и после работала в магазине.

– Где вы были во время оккупации?

– Наша семья не могла эвакуироваться – не было средств. С нами осталась семья моего дяди Маргуна Дигилова, мужа моей тети Марии с семьей. У дяди Маргуна была возможность эвакуироваться, но он не оставил нас. Он сказал: «Я не могу оставить этих детей и женщин, что будет с ними, то будет со мной и моими детьми». Это был замечательный человек, от которого мы, дети всех его братьев – Арона, Аслана, Нотона, получали отцовскую ласку. На войну его не взяли, т. к. он был инвалидом. Когда фашисты заняли Нальчик, мы все три семьи были в одном окопе.

– Что такое «окоп»?

– Это траншея в человеческий рост, накрытая сверху досками и засыпанная землей. Пока фашисты были в городе, все три семьи жили вместе.

– Кто помогал вам пережить оккупацию?

– У нас был сосед Николай Снеговской. Он хорошо знал немецкий язык. Объяснял немцам, что мы не евреи, а особая горская народность. А после освобождения Нальчика его хотели судить как пособника немцев, но мама собрала подписи всех соседей и ходила по судам. Его освободили.

– Как жили после освобождения города?

– Семья дяди Маргуна перешла в свой дом, а наша объединенная семья продолжала жить вместе. Остались бабушка Дугай, мама, тетя Эрув и нас пять человек. Дети Аслана – Галя, Лива, Миня, дети Нотона – Лида и Авил. Жена дяди Нотона тетя Эрув и моя мама Аня жили как две родные сестры, занимались нашим воспитанием. После освобождения Нальчика мама работала в больнице, а тетя Эрув в магазине. По документам тетю Эрув зовут тоже Аней. Их называли Большая Аня и Маленькая Аня. В 1951 году умерла моя мама ¹.

– А как вы жили дальше?

– Мама умерла, а мы продолжали жить вместе. Тетя Эрув стала нашим опекуном. Мы жили трудно, но дружно и продолжали учебу. Тетя Эрув никогда не говорила, что ей трудно. В 1951 году я закончила 7 классов, а Галя – 8. Даже дети из полных семей уходили из школы. У нас была цель: дать детям образование. Когда мы учились в начальных классах, были случаи, что мы с Лидой в школу не ходили, так как не в чем было выходить на улицу. Мама носила в школу наши тетради с выполненными заданиями и приносила с новым заданием.

– А где вы учились?

– Учились все мы в средней школе № 10, в еврейской колонке.

– В семье на каком языке говорили?

– На родном и русском.

– Как относились дома к русскому языку?

– Даже бабушка, плохо владевшая русским языком, старалась говорить с нами на нем. Мы жили и живем в стране, где государственным является русский язык.

– А когда вы пошли в школу?

– Я пошла в школу в 1944 году. В 1943 году меня не взяли, т. к. не было мест в классах – школа была разрушена. Это была женская школа. Директором был Камуил Исаакович Гилядов, а в 1949 году школы объединили, я продолжала учебу в 10-й школе, где совместно обучались девочки и мальчики ².

– А какое хозяйство вы держали?

– У нас был небольшой сад. В саду были разные фруктовые деревья. Бабушка держала кур, уток пока была жива. Она умерла в 1952 году.

– Вы ходили в синагогу?

– Да. Вместе с бабушкой.

– Как праздновали Йом Кипур?

– Резали кур и петухов на каждого члена семьи. Взрослые постились,

ходили в синагогу, слушали молитвы, потом выносили свиток, целовали его и шли домой ужинать.

– Какие советские праздники отмечали?

– Отмечались все советские праздники и дома, и в школе. Устраивались тематические вечера и пионерские линейки.

– Какие интересы были помимо школы?

– У нас был отличный Дворец пионеров. Каких только не было там кружков по интересам! Я с Галей и Лидой ходила в рукодельный кружок, там мы научились всем видам вышивок. С Авилон и Миней ходили в кружок изобразительного искусства. Миня очень хорошо рисовал. Я еще ходила в цветочный кружок, где учили делать из бумаги цветы. Я помню мамину улыбку, когда я ей принесла первую розу, которую сделала сама. Я училась в 4-м классе, мама еще была жива. Все, чему я научилась во Дворце пионеров, в жизни пригодилось. Я шила, вышивала, изготавливала цветы (дополнительный заработок).

– Какие отношения были между детьми?

– Отличные. По национальному признаку не делили. Моими верными школьными друзьями остались русские Галя и Гена Ремневы³.

– Вы знали, как поженились ваши родители?

– Бабушка рассказывала, что свадьба вначале была советской, а потом тайно венчались по еврейским обрядам через несколько лет. Комсомольцам и коммунистам нельзя было выполнять религиозные обряды. Могли снять с работы, исключить из комсомола, выгнать из партии. Но мы все равно соблюдали национальные обряды⁴.

– Помните имена раввинов?

– Да. Шамиль, Нахамиль.

– Вы помните начало войны?

– Помню, когда отцу принесли повестку на фронт. Он пилил дрова, заготавливал на зиму. Я помню хорошо, когда бомбили Нальчик, осколок снаряда упал у самого входа в наш окоп. Тетя Мария и тетя Эрув были на базаре. Они под бомбежкой бежали домой. К счастью, не пострадали.

– Чего боялись вы?

– Грохота немецких грузовиков и немцев, которые заходили грабить.

– А конец войны помните?

– Очень хорошо. К нам рано утром постучала соседка Ноами и сообщила, что кончилась война. Помню слезы взрослых, слезы радости и горя. Радости, что уже не будут умирать на войне, и горя, что не все наши, ушедшие на фронт, вернутся. Все бежали на митинг на площадь перед недостроенным Домом Советов.

– Как складывалась ваша жизнь после войны?

– Я уже говорила, что в 1951 году мама умерла, бабушка Дугай умерла в 1952 году. И нас осталось пять человек с тетей Эрув. Мы все окончили школу. Всю свою жизнь я благодарна ей за то, что она сохранила нас друг для друга, не раскидала по свету. Она выполнила мамину просьбу. После смерти мамы я хотела пойти в интернат, чтобы

семье было легче, но тетя не подписала мои документы. 1 июня 1998 года она умерла. Ее могила стала символической могилой для папы, дяди Нотона и мамы. (Кладбище, где похоронена мама, уже застроено). На ее памятнике 4 фотографии – сама тетя Эрув, мама, дядя Нотон и папа. Ходим к ним, как на братскую могилу. Их всех она объединила⁵.

– Расскажите о своих братьях и сестрах.

– Тетя Эрув выдала девочек замуж и женила ребят по всем правилам еврейского народа. После окончания школы мы с Галей окончили физико-математический факультет КБГУ. Авил после армии закончил технологический техникум. Миня, имея двух детей, с отличием закончил заочно Ростовский техникум легкой промышленности. Лида – торговый техникум и всю жизнь работала в Центральном универмаге. Сейчас живет в Израиле. Галя 20 лет преподавала математику в своей школе. Галин муж – Ошир Григорьевич Лалаев. Про такого человека говорят – «золотые руки». Он шил обувь – от комнатных тапочек до модельных сапог. Имеют троих детей – Белочку, Гришу, Радика. У них шесть внуков и три правнучки. Мой муж – Михаил Моисеевич Черняк, европейский еврей, ученый-физик, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией Высокогорного института. Я в этом же институте проработала 32 года инженером-программистом. У нас две дочери Люба и Вика и внучка Леночка. Люба, закончив физико-математический факультет КБГУ, работает в Ленинграде, в колледже преподает математику. Вика закончила институт стали и сплавов, факультет экономики цветных и редких металлов. Работает по специальности в Москве. Живет с мужем Александром Михайловичем Хохловым и дочкой Леночкой. Дидин муж, Нанах Матаев, – мастер по пошиву обуви. Авил имеет одного сына Антона, двух внуков и одного внука. Они живут в Австралии. Жена Мини – Алла. У них три замечательных сына – Лева, Роберт, Вадик, 6 внуков и один внук. Жена Авила – Оля (русская сноха). Мы все от души благодарны ей за то, что очень хорошо присматривала за тетей Эрув. Мы приходили, помогали, чем могли, и возвращались в свои семьи, а она оставалась с ней постоянно. Семью дяди Арона поднимал на ноги его сын Володя. Он помогал матери поставить на ноги сестер Надю, Нину, Зину и брата Яшу. Володина семья живет в Израиле. Он умер там в 1998 году.

– Что вы знали об Израиле?

– С детства мало что знали. Знали, что мечта всех евреев – вернуться в Палестину. В Иерусалим.

– Были ли в вашей школе учителя-евреи?

– Да. Директором школы № 10 был Семен Аронович Михайлов – замечательный человек, порядочный. Всем нам, кто остался без отцов, был отцом. В школе создавал все условия для учебы. Завуч – Яков Романович Шубаев, лучший математик города. Коллектив, который

собрал Семен Аронович, был замечательный. Учителя были нам как родители.

– Что осталось в памяти от военного детства?

– Однажды мама на речке встретила наших солдат и привела их домой. Это были разведчики. Она их накормила, ответила на их вопросы. Один из них оставил свою шинель и сказал: «Через несколько часов я брошу ее на поле боя, а вам она еще пригодится». Эту шинель носил потом наш Яша.

– Какие отношения между жителями вашей республики?

– Очень хорошие. Мы живем в многонациональном коллективе. Моя дочь Люба училась в КБГУ, у нее подруги: русская Таня Пушкина, кабардинка Лариса Кушхова, балкарка Фатима Отарова. Хотя сейчас они живут в разлуке, но помнят и любят друг друга. Студенты удивлялись их дружбе. Наша республика всегда была спокойной.

– Чего бы вы хотели пожелать молодежи?

– Мира, добра, счастья.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ У горских евреев всегда существовала взаимопомощь. Детей-сирот не отдавали в детские дома. Забирала бабушка или дядя. Все жили вместе. В семье Ашуровых отец покинул семью, трех сыновей. Мать при родах умерла. Дедушка по материнской линии оформляет опеку, но вскоре бабушка умирает, дед слепнет. Воспитывает детей дядя. Однако в нынешнее время, время урбанизации, социальных потрясений, исхода, наблюдаются новые процессы: крушатся семьи, рушатся вековые устои. Появились брошенные дети-инвалиды в детских домах при живых родителях.

² Камуил Исаакович Гилядов был просветителем горских евреев. Родился в 1884 г. в горско-еврейской общине г. Нальчика. Учился в Вильно в педагогическом институте. Вернувшись на Северный Кавказ, К. И. Гилядов в 1907 г. обращается с письмом к атаману Пятигорского отдела Терской области, начальнику Нальчикского округа с просьбой о разрешении ему преподавать древнееврейский язык. После наведения справок о нем ему разрешили занять должность учителя (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 676, л. 30 об). После революции К. И. Гилядов возглавил школу для горских евреев в Нальчике. Издал букварь татского языка. Воспитал тысячи учеников. Знал ивритом, идишем, татским, русским языками. К. И. Гилядов вошел в историю Кабардино-Балкарии как просветитель своего народа.

³ В средней школе № 10, где большинство детей были горские евреи, т. е. школа располагалась в районе компактного проживания горских евреев, обучались также русские, осетинские дети. Все жили очень дружно.

⁴ Начиная с 50-х гг. строго запрещалось проводить свадьбы по еврейским традициям, но почти все продолжали их соблюдать.

⁵ В Налъчике первое еврейское кладбище располагалось выше парка. Его застроили индивидуальными домами, не известив общину. Второе кладбище, в районе компактного проживания евреев, разрыли, памятники разбили. Планировалось построить многоквартирный дом, но дом не построили. В течение четырех лет продолжался вандализм, по требованию еврейского центра культуры «Товуши» котлован зарыли, посадили на этом месте деревья. В настоящее время есть два кладбища.

Борис Ашуров

20 августа 1999

г. Нальчик

– Назовите себя, где и когда родились?

– Я, Борис Шанеилович Ашуров, родился 13 марта 1931 года в городе Нальчике КБР.

– Связано ли ваше имя с кем-то из родственников?

– Мое имя не связано с кем-либо из родственников.

– Кто были ваши предки?

– Мои дедушки и бабушки были очень благородные люди, предельно религиозные, постоянно посещавшие синагогу и справляющие все еврейские религиозные праздники. Дед по матери был сыном известного по тем временам Хануко Ханукаева. Бабушки были из рода Алхасовых и Амировых. Все, кроме бабушки по отцу – Тейло, пережили немецкую оккупацию.

– Кто был ваш дед по отцу, где он работал?

– Дед по отцу, Леви Захарович, много лет работал в балкарском селении Гунделен, а затем в Нальчике занимался кустарным промыслом. Бабушки были домохозяйками.

– Где вы жили?

– До 1936 года мои предки жили в турлучном доме на своем участке (ныне территория обувной фабрики), а затем переселились на улицу Садовую, где построили саманный дом из трех комнат.

– Чем отапливали ваш дом?

– Дома отапливали дровами и шелухой подсолнечных семян. Для этого приспособляли печи под форсунки.

– Какие улицы были в колонке, их названия?

– Из улиц тех времен в колонке помню: Рабочая, Пролетарская, Горшечная, Садовая, Надречная, Надгорная, Осетинская, Крестьянская, Красноармейская, Кладбищенская, Трудовая.

– Кем были ваши родители?

– Мои родители – Шанеил Левиевич и Хава Иосифовна Ашуровы. Отец был кожевником, а затем заготовителем. Мать – домохозяйка.

– Сколько детей было в вашей семье, каковы обязанности старшего?

– В семье было пятеро детей (четыре сына и одна дочь). Я был старшим. Обязанностей у старшего, как таковых, не было.

– Какая обстановка была в семье?

– Взаимоотношения между родителями и детьми были самые благожелательные, но после смерти матери в 1943 году контроля за детьми особого не было, и мы росли по своим «детским» законам того времени, но в пределах существующих норм поведения.

– Какие праздники отмечали в семье?

– В семье отмечались исключительно все еврейские праздники с особой торжественностью и соответствующей подготовкой. Готовились национальные блюда, обычные для того времени: чуду, курзе, ош, дур-

ма – и обязательно пекли хлеб в специальной печи – курук (во дворе).

– Ходили ли вы в синагогу?

– Родители в синагогу ходили с детьми на праздники, а постоянно ходили отец и дед.

– Как отмечали субботу?

– Суббота была выходным днем. Не зажигали до вечера свет, не пользовались спичками и т. д., к вечеру отец читал молитву и была вечерняя трапеза.

– Какие еврейские традиции соблюдались в семье?

– Соблюдались все еврейские традиции в семье.

– Как проходили свадьбы?

– Свадьба проходила почти как и сейчас. Раввин благословлял молодых под хупой, а затем, вечером, при свете зажженных свечей, невесту вели домой к жениху. Во время пиршества мужчины и женщины садились за столы раздельно.

– Как отмечали Пасху?

– Пасху отмечали на самом высоком уровне. Отец готовил бузьгльу и после молитвы торжественно раздавал всем, положив на кусочек мацы, а затем был торжественный ужин без водки и других напитков, но домашнее сухое вино было всегда.

– Как вы выбрали себе жену, были ли случаи, когда родственники вступали в брачные отношения?

– Я женился по своей собственной воле. Родственники по линии матери нас познакомили, мы встречались некоторое время, а затем было сватовство. После окончания институтов мы поженились. Случаев, когда женились родственники, в колонке было немало.

– Что вы знали о фашизме?

– О Гитлере, фашистах я слышал и читал очень много. Описывать не буду, т. к. имеется огромное количество литературы разных периодов.

– Что вы помните об оккупации?

– Об оккупации помню все. 28–29 октября 1942 года немцы осуществили бомбардировку некоторых объектов города (район химзавода, 6-й школы и др.) и огромными колоннами въехали в город. Они двигались по улице Осетинской в направлении Орджоникидзе. Штаб в колонке находился в зданиях нынешнего центра «Товуши» и в угловом доме (ул. Рабочая – Горшечная). С первых дней начали грабить население с помощью своих пособников из местного населения. Особенно свирепствовали румыны. Брали все. На углу Рабочей – Горшечной наполнили полностью крытую машину («черный ворон») людьми, отвезли в Хасанью на переборку картофеля, а затем всех расстреляли. Там были и евреи. Мне удалось улизнуть в самом начале пути. Об этих эпизодах рассказал мой внук Юра Иванченко, ученик 7-го класса 10-й школы, в газетах в статье под названием «Беги сынок, беги»¹.

– Как выглядели немцы?

– Немцы выглядели самодовольными. Элегантные офицеры вели себя как армия освободителей.

– Как сложилась ваша дальнейшая жизнь?

– Моя дальнейшая жизнь сложилась следующим образом. В 1950 году закончил 10-й класс 10-й школы города Нальчика и поступил в Саратовский автомобильно-дорожный институт им. В. М. Молотова. Окончив институт, полтора года проработал в автотранспортном предприятии Нальчика, а затем перешел преподавателем специализированных дисциплин в Нальчикский политехнический техникум. С 1984 года был назначен заведующим дневным отделением техникума, а с 1985 года и по настоящее время работаю заместителем директора техникума (сейчас политехнического колледжа КБГУ). Отличник приборостроения СССР, заслуженный работник народного образования КБР. Имею почетные грамоты Минприбора СССР, Минрадиопрома СССР.

– Как складывались отношения с местным населением?

– Отношения с местным населением были и есть самые хорошие.

– Собираетесь ли вы в Израиль?

– В Израиле у меня дети (сын и две дочери) с внуками и один правнук. Я не еду в Израиль, так как считаю, что в моем возрасте нет возможности для адаптации в тех условиях, да и климат для меня неблагоприятен. В окружении местного населения Израиля я буду чувствовать себя как «пришелец» за чужим добром, видеть недоброжелательность. Здесь я общаюсь с огромным количеством моих выпускников, имею с ними самые теплые отношения. Я получаю удовлетворение от моей работы, где со мной считались и считаются.

– Ходите ли вы в синагогу?

– В синагогу сейчас не хожу.

– Какие обрядовые мероприятия посещаете?

На похоронах, свадьбах всегда бываю (когда об этом мне известно). Я считаю, что являюсь полноправным членом общины и хотел бы, чтобы общиной руководили всегда честные и порядочные люди.

– Ваши пожелания?

– Всем желаю мира и добра.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Горские евреи во время Великой Отечественной войны на оккупированной территории стали жертвами Холокоста. В тех населенных пунктах, где местное население доносило немцам, что это еврейское население, фашисты их расстреляли. В селах Менжиновск, Богдановка евреев постигла трагедия. Горские евреи Нальчика чудом уцелели. Причины этого чуда до сих пор исследуются. Воспоминания очевидцев, приведенные в данной книге, красноречиво говорят о событиях тех лет.

Если бы немецкие оккупанты пробыли бы еще месяц в Нальчике, еврейскую общину постигла бы та же участь, что и в других местах.

В книге «Горские евреи» (Иерусалим: Москва, 1999) говорится: «В Нальчике евреи были коренными жителями и местное население спасло евреев. 6 декабря 1942 года в КБ был создан Национальный совет, во главе которого

оккупационные власти поставили адвоката Семена Шадова. После войны Семен Шадов рассказывал в беседе с проф. Александром Далиным, изучавшим тот период: «Когда меня избрали главой Национального правительства Кабардино-Балкарии, я создал комиссию, которая должна была распустить колхозы и раздать землю крестьянам. Тогда ко мне, как к главе правительства, обратилась делегация горских евреев во главе с господином Шабаетовым. Они сказали мне, что части СС и СД составили списки всех горских евреев, обязывают их носить желтую звезду Давида, унижают их честь и достоинство, и они опасаются, что их, как евреев, ждет физическое уничтожение. По этому поводу я обратился непосредственно к фельдмаршалу фон Клейсту, находившемуся в Кисловодске, и его представителям в Нальчике. Мне подтвердили, что СС и СД готовятся к уничтожению горских евреев в Нальчике и окрестных населенных пунктах. Я заявил немецкому командованию, что горские евреи – это таты, они являются такой же, как и прочие горцы, народностью Кавказа и подобны кабардинцам и балкарцам.

Я рассказал, что горских евреев здесь никогда не унижали: есть немало смешанных браков горских евреев с кабардинцами, осетинами, балкарцами, у горских евреев сходные с другими народностями Кавказа традиции, образ жизни, одежда и культура, они говорят на татском языке, который не имеет ничего общего ни с идишем, ни с ивритом, и на этом же языке говорят и другие племена на Кавказе.

Я потребовал тщательно изучить этот вопрос, прежде чем принимать решение об их судьбе. По моему настоянию была создана комиссия для изучения этого вопроса. Я представил ей подробную справку с историческими выкладками, доказывающую, что горские евреи – одна из народностей Кавказа. Члены этой комиссии лично посетили квартал горских евреев в Нальчике, убедились в том, что образ жизни жителей этого квартала не отличается от образа жизни соседей.

Был предпринят ряд других мер, направленных на спасение горских евреев от уничтожения. В результате командование СС и СД согласилось, что горские евреи – это кавказская народность – таты и они не отличаются от других племен Кавказа.

Приказом фельдмаршала фон Клейста от декабря 1942 года горские евреи были объявлены кавказским племенем, что отменяло составление на них списков для расстрела. Они освобождались от обязательного ношения желтой звезды Давида».

Воспоминания тех, кто пережил муки ада, чья жизнь каждый день висела на волоске, показывают, что в рассказе С. Шадова есть правда.

На суде, состоявшемся в марте 1963 года над военными преступниками, служившими в карательных айнзацгруппах, некто Вольфганг Рейнхольде свидетельствовал: «Я занимался в основном горскими евреями. На основании литературы на русском и других языках я подготовил справку, что это племя татарского происхождения».

Фашисты колебались, но в декабре начали рыть рвы с тем, чтобы полностью уничтожить общину. Поступил приказ от Эйхмана уничтожить всех горских евреев. Наступление советских войск помешало реализовать план.

Вот что писал в Кабардино-Балкарской правде от 14 июля 1999 г. в статье

«Шашлык для непрошенных гостей» Б. Желобок: «В пятидесятые годы я работал начальником особой инспекции Министерства внутренних дел республики. Однажды, это было в 1955 г., меня вызвал министр Я. А. Щербаков и, передавая лист бумаги, сказал: «Разберитесь и доложите».

Это была анонимка. В ней неизвестный автор сообщал, что в период временной оккупации Нальчика немецко-фашистскими войсками житель города Нальчика Маркел Авгадулович Шабаев был связан с гестапо. Он развлекал фашистов, выполнял их приказания. После освобождения Нальчика от гитлеровцев был арестован, но, как указывалось в анонимке, его необоснованно освободили, а брат его, Давид Шабаев, работает начальником архивного отдела МВД. Анонимщик требовал привлечения Маркела Шабаева к уголовной ответственности за связь с немцами, а его брата Давида Шабаева уволить из органов внутренних дел. Факты, содержащиеся в анонимке, я тщательно проверил, составил справку и представил полковнику Я. А. Щербакову. Что же показала проверка?

28 октября 1942 г. фашистские войска захватили Нальчик. Через несколько дней гитлеровцы потребовали от всех евреев Нальчика пройти в гестапо специальную регистрацию и носить на груди шестиконечную звезду. Маркел Шабаев, горский еврей по национальности, хорошо понимал, что эта регистрация нужна оккупантам, чтобы выявить живущих в Нальчике евреев с целью их уничтожения. В тревоге за жизнь своих соплеменников пошел на отчаянный шаг. В лохматой барахловой шапке и черкеске, с тремя седобородыми горскими евреями он явился в гестапо. Через переводчика заявил, что в Нальчике проживает несколько тысяч татов – народность иранской группы. Некоторые их ошибочно называют горскими евреями. Но они никакого отношения к евреям не имеют. У них свой язык, близкий к иранскому, свои восточные обычаи и традиции. Исповедуют ислам. Просил не регистрировать татов как евреев. Руководство гестапо решило провести проверку. Для этой цели оно вызвало в Нальчик специалиста по иранской группе языков и временно освободило жителей колонии от регистрации в гестапо. В то же время был расклеен приказ коменданта Нальчика с требованием: всем евреям явиться с вещами на сборный пункт. Маркелу Шабаеву и его добровольным помощникам удалось сообщить жителям горско-еврейской колонии о грозящей им опасности.

Прибыв в Нальчик, специалист по иранским языкам вызвал Маркела в гестапо, где провел с ним беседу. Она велась на татском языке. Немецкий специалист интересовался историей, религией, жизнью и бытом горских евреев. Он вместе с офицерами гестапо посетил горско-еврейскую колонию. Маркел Шабаев и его помощники продемонстрировали представителям фашистских властей татские национальные танцы, во многом похожие на танцы других народов Кавказа, показали жилища, из которых заранее были убраны кровати, столы и стулья. Постельные принадлежности уложены на деревянные полки. На вопросы немецкого специалиста хозяева домов отвечали, что спят на полу, едят тоже на полу, сидя на циновке. Шабаеву удалось разыскать старого горского еврея, который много лет прожил в кабардинском селении и хорошо был знаком с заповедями ислама и Кораном – священной книгой мусульман. Он со знанием дела отвечал на вопросы немецкого специалиста о религии.

которую якобы исповедовали таты. Для непрошенных гостей были приготовлены блюда татской кухни.

Гестаповцы давали задание Шабаету собрать в колонии постельные принадлежности, теплые вещи, кухонную утварь и сдать в гестапо. В условиях смертельной опасности для горских евреев нельзя было не выполнить это требование фашистов. Все, что делали Маркел Шабает и его помощники, было подчинено одной цели: спасти свой народ от расправы.

Гитлеровцы в период своего хозяйничания в Нальчике грабили жителей, зверски убивали ни в чем не повинных людей. Среди убитых было около сорока горских евреев.

Немецкий специалист несколько раз приезжал в горско-еврейскую колонию, чтобы лучше разобраться в национальной принадлежности ее жителей. Сделать свой вывод фашистский ученый не успел. 4 января 1943 года советские войска выбили оккупантов из Нальчика. Через некоторое время за связь с немцами Маркела Шабаета арестовали, но разобрались, и он был освобожден.

Мужество Маркела Шабаета, проявленное им в период фашистской оккупации Нальчика, спасло горских евреев от уничтожения. Шестьдесят семь дней находились фашисты в Нальчике. Каждый день подвергаясь смертельной опасности, Маркел Шабает вел неравную борьбу с гитлеровцами и вышел победителем, спас более пяти тысяч женщин, детей, стариков от расправы фашистских палачей. Его имя должно быть занесено в список сынов и дочерей Кабардино-Балкарии, внесших большой вклад в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками».

Раиса Шамилова (девичья фамилия Симахова)

12 января 1998 г.

г. Нальчик

– Как вас зовут?

– Раиса Рахманиновна Шамилова.

– Ваша девичья фамилия?

– Симахова.

– В каком году вы родились?

– В 1927 году, 25 октября.

– Где вы родились?

– В Нальчике.

– Вы что-нибудь знаете об истории своей семьи, фамилии?

– Немного знаю. Раньше в Нальчике никто не жил. Наши старшие приехали, как рассказывают, со стороны Махачкалы. Их было четыре человека на конях. А кабардинский князь тогда жил в Заюково. Они спросили его разрешения обосноваться в Нальчике. Он им сказал: «Выкорчуйте лес и живите». Наши предки были кожевниками, и им сказали: «Вот там как раз есть река, приезжайте и живите». Так евреи и стали жить колонией, отсюда и произошла еврейская колонка.

– Вы знаете, как звали этих четверых?

– Я мало что об этом знаю. Одного звали вроде Шамиль. Другого звали Зарвайль. Других не помню ¹.

– Откуда вы это знаете?

– Мне отец рассказывал. Наши деды рассказывали. Даже сейчас, когда идут разговоры о том, кому принадлежит земля, мы говорим: «Мы раньше всех здесь были».

– Что вы знаете о своих дедушках и бабушках?

– Дедушек я своих не видела. Бабушку одну только видела. Мне было 7 лет, когда она умерла.

– Рассказывали вам о том, чем они занимались?

– Кустарями были.

– Как звали отца?

– Рахман.

– Чем он занимался?

– Мой отец выделял кожу. Потом работал на заводе, у одного врача помощником. Потом стал торговать, ездил по селам. Мы стали жить в селении, в Хамидии. Отец стал заготовителем. Вместе со своим двоюродным братом.

– Вот вы сказали, что жили в селении. А в Нальчике был у вас дом?

– Да. Отцовский дом. Соседи, пока нас не было, следили за ним. Дом находился на улице Иллазарова. Так эта улица сейчас называется.

– А как раньше называлась?

– Горшечная ².

– А почему ее так называли?

– На этой улице жили горские евреи из Дагестана. Они горшки делали.

– Когда вы поехали жить в селение?

– Мне было лет семь.

– Можете описать этот дом?

– Две комнаты, коридор. Двор был, корова. Этот дом мы построили, когда вернулись из селения, а до этого мы жили в Нальчике на квартире. На Трудовой улице.

– Сколько комнат вы занимали на квартире?

– Одну комнату.

– А хозяйство какое-то тогда было, когда жили на квартире?

– Нет, ничего не держали.

– А мама чем занималась?

– Она была домохозяйкой. Мужчины нас обеспечивали. Женщины наши не работали.

– Пока вы жили в Нальчике, чем ваш отец занимался?

– Ездил по селениям, подрабатывал.

– Надолго уезжал?

– На неделю, две.

– А чем он обычно торговал?

– Я этого не помню, я же маленькая была. А до этого он работал на заводе. Получил там травму и после выздоровления стал торговать.

– А мать чем вас тогда кормила?

– Мы в основном делаем пирожки с мясом, пельмени – кюрге.

– Были особенные блюда, которые отличали еврейскую кухню, например, от кабардинской?

– Например, голубцы – дурма по-нашему. С мясом, с капустой пироги в духовке. Мы готовили молочные блюда отдельно от мясных.

– А какие-то сладости делала мама?

– На праздники всегда сладкие блюда готовили.

– Когда жили на квартире, справляли еврейские праздники?

– Всегда справляли. Когда мы уже переехали в свой дом после селения, до войны еще, мы жили одним двором с двоюродными братьями отца. Два его брата потом на фронте погибли. Во время Пасхи мы пекли – у нас была большая печь, как русская. На пол стелили большой ковер и скатерть. Тогда готовили мацу на праздник, билю – не знаю, как это у вас называется. Это и сейчас делают.

– А что это такое?

– Смешивают яйца, мацу, яблоки, орехи. Это было первое блюдо. Готовили голубцы. Старший из трех братьев брал мацу и по кусочку всем давал. Сначала читали молитву. Отец мой мог читать. Наливали вино и на улицу ставили. Потом всегда на Пасху варили яйца. Все собирались в одну комнату и праздновали Пасху.

– Была специальная посуда на Пасху?

– Да. Ее хранили на чердаке или в шкафах. А у кого не было специальной посуды, те кипятили обычную посуду.

– Как дом готовили к Пасхе?

– Все белили. Все стирали. Даже одеяла стирали. На речку носили и там стирали.

– В течение скольких дней ели мацу?

– Восемь дней.

– А хлеб?

– После восьми дней.

– А если хлеб оставался перед праздником?

– Выносили на улицу и раздавали или курам отдавали. Раньше строго соблюдали, а потом молодежь стала придерживаться этого обычая от силы два или три дня, и снова приносили хлеб домой.

– Вы сказали, что отец читал на иврите. Откуда он его знал?

– Он учился. У моей мамы отец был раввин, и его брат был раввин. Он учил людей ивриту. Даже давали дипломы, по-еврейски это называется достур. Мой отец не получил его, потому что до конца не доучился. Там мой отец и научился ивриту³. Даже потом, когда мы жили в селении, мы праздновали и отец читал молитву.

– Были в доме книги на иврите?

– В доме матери моего отца было очень много книг. Тогда ведь не разрешали держать такие книги, и они их прятали.

– Были какие-нибудь репрессии против религиозных людей в то время?

– Были. Люди рассказывали. Я ходила в нашу синагогу, где теперь поликлиника. Очень красивая синагога. Двухэтажная. Я ходила туда вместе с отцом. На все праздники мы ходили. Особенно на Йом Кипур. А потом синагогу отняли, где-то в 30-х годах не разрешали.

– Не разрешали или забрали здание?

– Не разрешали ходить в синагогу.

– А против раввинов были репрессии?

– Были репрессии в 1918 году, когда их выселяли. Когда они вернулись, синагогу отняли. Потом купили небольшой домик.

– Как вы отмечали Йом Кипур?

– На каждую душу резали кур. Женщинам кур, мужчинам петухов. Вечером зажигали свечи и садились кушать, затем ходили в синагогу. А после этого пост до другого вечера.

– Какие свечи зажигали на Йом Кипур?

– У нас есть специальные свечи, которые мы зажигаем. Даже мои внуки и те держали пост, в синагогу ходили.

– Европейские евреи жили здесь?

– Жили. И до войны жили, и после войны. Приходили в нашу синагогу. У них была отдельная комната.

– То есть у них была своя служба, а у вас своя?

– Да.

– А кто у них проводил службу?

– У них специального раввина не было. Кто постарше, тот и читал. Я помню одного еврея, звали его Захар. Он приехал сюда, кажется, из Москвы. Там он познакомился с горским евреем, и тот ему рассказал, что в Нальчике живут евреи, и он приехал сюда. Он очень хорошо Тору

знал. И он тоже читал европейским евреям молитвы. И таких много было.

– Как выглядела внутри синагога?

– Очень красивая была. Наверху были купола. Двухэтажное здание.

– Что стало потом в этом здании?

– В этом здании потом, во время войны и после войны, была скульптурная мастерская, делали памятники вождям. Там еще и военные находились.

– А где люди стали собираться?

– Сложились и купили дом на Осетинской улице.

– Вы говорили, что, когда вам исполнилось 7 лет, вы переехали в селение. А почему?

– Отец там работал.

– Как селение называлось?

– Хамидие. В Терском районе.

– А где там вы жили?

– На квартире.

– Кто были хозяева дома?

– Кабардинцы. Там ни одного еврея не было. Имена хозяев я уже не помню. Жили мы очень хорошо. Нас все уважали. У отца моего там был магазин. Он торговал саванами и веревками. Когда кто-то умирал из кабардинцев, приходили к нему, и он им это продавал. Мы там даже молочное не покупали. Ему сметану приносили, теплое молоко. Все бесплатно. Яйца тоже не покупали. А когда началась война и моего отца забрали в 1942 году на фронт, мы решили вернуться в Нальчик в свой дом, нам дали две подводы, лошадей. Загрузили вещами, пшеницей, сам председатель колхоза положил мешок муки, барана, флягу масла, и они нас привезли до самого дома. Мы жили с кабардинцами очень хорошо.

– Вы знали, как поженились ваши родители, они рассказывали вам?

– Мой отец засватал мою маму, когда ей было 16 лет. Он на 10 лет ее старше.

– Они знали друг друга до свадьбы?

– Нет. У нас до свадьбы мало кто друг друга знает. Но я, например, своего мужа знала до свадьбы. Вот надо парню жениться. Ему выбирают девушку, узнают про ее семью. Хорошая чтоб семья была. Хорошие люди. Предлагают его маме, она ходит, смотрит и если нравится, то сватают. А у них и не спрашивали. Женились, и очень хорошо жили. Мой отец очень хороший. Не потому, что был моим отцом, а потому, что был просто очень хороший.

– А маму как зовут?

– Бари.

– А какая мебель была в доме?

– Очень давно, когда я ходила в гости к маминым родителям, то видела, что мебели почти не было в доме. Спали они на полу. Был у них такой – зух назывался, что-то вроде полки, куда складывают постельное

белье. Была печка большая, русская, на которой спали. А по центру был котел. Вот так раньше жили люди.

– А где хранили вещи?

– Вешали, наверно, где-нибудь. Шифоньеров не было. Даже столов не было, на полу кушали.

– А готовили на чем?

– Ну, наверно, что-то было.

– А вы готовили что-нибудь? Маме помогали?

– Конечно. Когда мне было лет десять, я уже маме помогала готовить. Стирала, белила. Маме тогда было очень трудно. В то время у моего родного дяди умерла жена. У них было двое детей, а потом, прямо перед смертью жены дяди, у нее родился мальчик, и он остался на воспитании моей мамы. У моей мамы как раз родилась третья девочка, и она кормила грудью и свою дочь, и этого мальчика, а я все время помогала ей. Дети моего дяди выросли без отца, потому что он потом ушел на фронт, вернулся раненым, а затем куда-то поехал и пропал.

– Как звали вашу сестру?

– У меня были две сестры. Одну звали Таня. Она умерла еще до войны, маленькой, заболела воспалением легких. Мать не успела даже врача вызвать, как ребенок умер. Вторая сестра уехала в Израиль. Живет там. У нее сын и дочь. Ее зовут Надежда.

– Вы помните, как в первый раз пошли в школу?

– Конечно! Пошла я в школу, когда мне было 8 лет. Училась хорошо. Была старостой класса.

– Как звали учительницу?

– Кажется, Нина Гавриловна. Моя первая учительница.

– В семье на каком языке говорили?

– На татском.

– Были у вас книги на татском языке?

– Книг не было, но что-то вроде букваря было.

– Какая азбука была?

– Как русская, но чуть-чуть по-другому.

– Папа и мама могли писать по-еврейски?

– Нет, не могли. Папа только на иврите мог.

– Вы ходили в школу в Нальчике или в селении?

– Сначала в Нальчике, а потом и в селении, училась на кабардинском языке, но для меня специально один урок давали на русском языке.

– То есть в той школе не было русского языка?

– Тогда не было.

– А в Нальчике на каком языке велось обучение?

– На русском. И на татском в нашей школе.

– В основном дети каких национальностей учились в школе?

– В 10-й школе в основном были евреи. Были и русские, кабардинцев не было. Например, на нашей улице в основном жили только евреи, только семей пять или шесть было русских.

– Когда преподавали татский язык, русские дети ходили на эти уроки?

– Нет. У нас был отдельный класс.

- Еврейские праздники в селении отмечали?
- Да.
- А субботу?
- Нет. Мы в субботу работали. Ведь было советское время.
- Мама в субботу готовила пищу?
- Да. Стирать не стирали, в баню не ходили, а готовить готовили.
- А как отец к этому относился?
- А что было делать, такое было государство.
- В субботу школа работала?
- Да, в субботу тоже учились.
- Вы знали о том, что происходит в мире? Что Гитлер пришел к власти?
- Да.
- Откуда?
- Мой отец был грамотный. В 1939 году он говорил: «Вот, война финская началась».
- А о Гитлере говорили что-нибудь?
- Нет.
- А о репрессиях знали?
- Об этом ничего не говорили. Единственное знаю, что раввина выслали, что кого-то раскулачили. Это был наш родственник. Он был мясником еще до революции. Когда он вернулся, пошел работать в государственный магазин мясником. Потом его забрали на фронт.
- Вы помните день, когда началась война?
- Конечно. Мы были тогда дома, в селении. Все говорили: «Война, на нас немцы напали!»
- Было желание куда-нибудь уехать?
- Даже в голову не приходило.
- В каком году забрали отца на войну?
- В 1942 году.
- Вы помните, как отца забирали на фронт?
- Вызвали его, мы проводили.
- Вы помните, куда его проводили?
- Мы проводили его до селения Плановское. Там был районный центр.
- Что отец сказал на прощание?
- Что отец мог сказать? Жалел нас. Он поручил своей старшей сестре присматривать за нами.
- Вот вы приехали в Нальчик, как вы жили до прихода немцев?
- Жили нормально. У нас была пшеница, мать на мельнице переработала ее в муку. А потом до прихода немцев тетя наша уехала и забрала нас с собой в Старый Лескен. У нас тогда с собой было много вещей из кожи, материалы всякие. Было много запасов, которые остались от отца, мама меняла их в селении.
- Почему вы решили уехать из Нальчика?
- Мы думали, что немцы придут в Нальчик, а до селения не дойдут.
- А вы знали, что немцы придут?

– Да. Они уже в Баксане были.
– Что вы взяли с собой в селение?
– Все, что необходимо. Единственное – мама забыла взять фотографии, и не осталось ни одной фотографии отца, чтобы детям показать.

– Когда вы приехали в это селение, там были уже немцы?

– Нет. Мы там жили уже месяц или 15 дней. Тетя на одной квартире, мы на другой. Тетя там встретила лейтенанта, с которым вместе работала в Ростове на заводе. Он стал приходить к ней в гости, она ему суп готовила из фасоли. Как-то раз приехал к ней на лошади. Моя мама там была. Они собирались поехать в другое селение, поменять вещи на продукты. А уже был такой разговор, что немцы вот-вот войдут в селение. Все собирались спрятаться в окопы. Я прибежала туда и говорю маме: «Никуда не уезжайте. Немцы придут». И тут самолеты налетели. Лейтенант вскочил и говорит: «Это немецкие самолеты» – и убежал. Стали бомбить. Мы с мамой огородами пришли к себе на квартиру. А там уже все в окопах. И мы тоже пошли в окопы. И все время мы находились вместе с кабардинцами. И когда немцы вошли, моя мама сказала мне: «Иди и живи с кабардинцами». Мы в одном доме жили с ними, у них одна комната, и у нас одна. «Я боюсь, – говорит, – за тебя». Мне тогда было 15 лет. Жили мы хорошо с ними.

– Когда пришли немцы, были приказы явиться евреям?

– Нет, в селении такого не было, кабардинцев они не трогали, ведь это было кабардинское селение. Был один момент. Нужны были дрова, и мы пошли с двоюродным братом и его сестрой в лес. И там, в лесу, мы увидели этого лейтенанта мертвым на земле. Видимо, когда он убежал в лес, его поймали, отобрали лошадь и убили.

– Вы знали, что немцы делают с евреями?

– Всего мы не знали, но знали, что евреев убивают. Я вам вот что расскажу. У матери моего мужа был брат коммунист. Он был сиротой, работал на чулочной фабрике, потом конюхом. Он был очень умным, учился и постепенно стал министром пищевой промышленности. 15 лет проработал министром. И вот эвакуировался из Нальчика, и многие такие люди уезжали из Нальчика.

– Откуда вы знали, что немцы убивают евреев?

– По слухам.

– Когда немцы вошли в селение, вы боялись?

– Нас не выдали. Моя мать все документы сожгла. На случай, если проверят документы, а мы евреи, и нас убьют. Мы остались без документов. Когда потом мы вернулись в Нальчик, снова сделали все свои документы.

– Вспомните какой-нибудь эпизод из того времени?

– Был случай, когда немцы уже уходили. Над селением летали самолеты, и мы думали, что это американские или английские. Немцы стали говорить: «Америка помогает Советскому Союзу». И наш сосед говорил: «Там, наверно, еврейская девушка сидит, в самолете». А одна кабардинка доложила немцам: «Там евреи живут». И вот один немец

пришел к нам и говорит: «Вы юде?» А мы ни слова сказать не можем. Он ничего не сказал. Этот немец работал у них ответственным за провизию. И нам всего приносил. У него вагончик был, где содержался весь провиант. Когда он уехал, нам многое оставил. И нас не выдал. Когда до этого многие немцы заходили, они говорили, что вы не виноваты. Вы хорошие люди. Вот Сталин и Гитлер. Пусть они передерутся. Зачем нас всех мучают. Немец один рассказывал мне: «Я столько лет воюю, я неженатый, меня забрали в 18 лет».

– На каком языке вы разговаривали?

– Он говорил на ломаном русском, и я его понимала. Был еще такой случай. Они достали свинину. Кабардинцы свиней не держали. Ну, в общем, где-то достали. Двое немцев пришли, одного звали Ганс, другого – Милле. Они попросили у меня кастрюлю сварить мясо. А я говорю: «Не дам. Мы же свинину не едим». Они просят: «Рая, дай!» Ну они все же взяли. Потом они принесли обратно и дали мне конфет в коробках. Поблагодарили.

– А вы слышали, что происходило в Нальчике?

– Нет. Когда мы уже вернулись в Нальчик, моя мать пошла к младшему брату отца. Они недалеко от нашего дома жили. Как потом выяснилось, они слышали, что в селении Псыгансу 12 евреев убили, и думали, что нас тоже убили. Так вот, она подошла к его дому и постучала. Он спрашивает: «Кто это?» Ну, мать сказала, и он бросился к ней и спрашивает: «Как там мои дети, живые?» Он нас так называл.

– Помните, как немцы уходили из селения?

– Помню. Перед Рождеством одни немцы ушли, другие пришли. Я тогда была в доме у тети, там елку наряжали. И в этот дом пришли эсэсовцы, у них другая одежда была.

– В чем была разница?

– Они были в черном. Зашли, накрыли стол и стали кушать. Потом взяли такую длинную конфету и дают мне: «Возьми, – говорят, – Рая». Раздали всем остальным по одной штуке. Потом зашел какой-то немец, что-то сказал, и они все быстро собрались и ушли. На другой день зашли румыны. Мать их покормила и выпроводила. Больше никого не было.

– Откуда вы знали, что это румыны?

– Мы знали, что это румыны. У них другая одежда была: зеленая пилотка, немного другая, шинели зеленее. Немцы богаче одеты и такие аккуратные были. Мылись и брились каждое утро, белье всегда было чистое. Потом они ушли. Утром мы выходим – и никого нет. Зашли партизаны. Потом пришла регулярная армия. Среди офицеров был один капитан-еврей. Спросил: «В этом селении евреи есть?» Ему сказали, что есть две семьи. Он пришел к нам. Мы накрыли стол. Он что-то добавил. Просил сказать, выдавал ли нас кто-нибудь. Мы сказали: «Нет». И про то не сказали, когда нас выдали. Меня ведь тоже выдали.

– А когда вас выдали?

– Мы как-то с девочками ходили за терном. Мы шли по степи, а рядом проходила шоссейная дорога. И там, на дороге, стояла машина и

один эсэсовец. Машину чинили, рядом с ним стояли три русских парня лет шестнадцати-семнадцати. Эти русские недалеко от нас жили. Они что-то сказали этому эсэсовцу. И тот показывает жестом подойти к нему. На меня показывает. Говорит: «Подойди, ты еврейка. Что, солдат русских ждешь?»

– На каком языке он говорил?

– На русском. Он был, по-моему, русский, хоть и в немецкой форме, СС. Потом мы ушли. Видим, подвода с силосом. И девочки говорят: «Али, возьми Раю на подводу. Ребята выдали ее немцам, и она боится». Привез он меня домой. И я там сказала, что меня выдали, что я еврейка, и наверное, к нам придут и заберут. Но, слава Богу, не пришли. Но об этом случае я тоже капитану-еврею не сказала. Мы не знали, что может опять случиться, и нас могли убить.

– Когда пришли наши войска, что потом было?

– Мы вернулись домой.

– Сразу вернулись домой?

– Нет, через месяца два. Вернулись домой, и я узнала, что тут, в Нальчике, было с евреями. Что кого-то убили, заставляли работать, как грабили евреев. Узнала, что наших евреев спасли кабардинцы. Они говорили немцам, что это не такие евреи, показывали наши люльки, похожие на кабардинские. Кабардинцы нас защищали. А потом пришел приказ Гитлера: «Уничтожить всех. Что черная собака, что белая – все одно». И был приказ явиться всем на улицу Красивую. А через день наши вошли. Не успели немцы.

– И вот вы вернулись в Нальчик?

– Пошла работать в засолочный цех, потом на химкомбинат. Вышла замуж.

– А вы знали, что с отцом?

– Конечно. Пришло извещение, что он без вести пропал. А потом приехал дядя с фронта и рассказал мне.

– Где погиб отец?

– В Сталинграде. Мой отец после ранения приезжал в Нальчик. Потом обратно уехал. Его поставили старшиной в штрафной батальон. Когда он уже был в Сталинграде в окопе, туда пришел один еврей и узнал моего отца. Они обнялись. А потом туда же попал еще один еврей, наш сосед. Они тоже поприветствовали друг друга очень тепло. Потом началась бомбежка, и этого мужчину ранило в руку. Его увезли в госпиталь, и он поехал домой. Потом мой двоюродный дядя приехал, и я пошла его проведать. И тот человек тоже там был. Вот он и рассказал мне о том, что отец погиб. Он сказал, что окоп, где был отец, бомбили и никого в живых не осталось.

– А извещение вам потом пришло?

– Да. Извещение, что пропал без вести.

– Что-то получала мама от государства?

– Да. Пока мне не исполнилось 18 лет.

– Что вам давали?

– Деньги.

– Как вы вышли замуж?
– Мы с ним соседями были. Он мне сделал предложение, но я сначала ему отказала. Он был младше меня. Но потом все-таки я вышла за него. Свадьба была.

– А как проходила свадьба?

– В то время тяжело было. Но фата была, хупа была.

– А что такое «хупа»?

– Белый крепдешинный платок привязывали за четыре угла и ставили нас под него. Раввин читал, и кетубу давали. У меня до сих пор сохранился. Мы очень хорошо жили. У нас только один ребенок родился, и мужа забрали вместо армии в Тырныауз. На шахту. У него уже был призывной возраст, 19 лет. Ему пришла повестка, и из 200 человек выбрали 17 на работу на шахту в Тырныауз. Сказали, что вместе с семьей он будет жить и работать там. Муж мой радостный был, не понимал, куда его направляют. А потом пришел мой дядя и сказал, что туда нельзя, он там может умереть. Муж пошел в военкомат, хотел сделать отсрочку, но не смог. И вот его забрали на шахту, и он там 10 лет бурильщиком работал.

– А почему 10 лет, ведь так долго не служили?

– Служба была четыре года. А потом мы привыкли, и получал он хорошо. Он был очень хороший работник, и его не отпускали. А потом, когда я носила уже четвертого ребенка, у меня были сердечные приступы, и из-за меня его отпустили. Уже тогда врач ему советовал уехать. У тебя, говорит, что-то с легкими не в порядке. Вернулись мы в На́льчик. Он стал заготовителем работать, яблоками занимался. Ему становилось хуже. Стал обращаться к врачам. Долго скрывали от него его болезнь. Не хотели платить пенсию. У нас всегда была бюрократия. Потом его отправили в Ростов на обследование. Но там ему тоже не сказали о его болезни. Каждый год ему становилось хуже. Когда ему стало совсем плохо, ему дали III группу инвалидности. А потом I группу.

– А что за заболевание у него было?

– Силикоз легких. Он так и жил, и мучился. Лет пять очень мучился. За месяц до смерти очень болел. Часто вызывали «скорую помощь». Он весь стал черным. Он знал, что умрет. А у меня тоже в это время были сердечные приступы. Я 20 дней с постели не вставала. Потом в один день мне стало лучше, и я встала. Во дворе была. Муж на улице в шахматы играл с соседом. Вдруг сосед забежал во двор и говорит, что моему мужу очень плохо. Потом муж зашел во двор и вырвал кровью, потом еще и еще. Он сел на стул, и дочь держала его голову. Так и умер на руках у дочери. Ему был 51 год.

– Сколько у вас детей?

– Было четверо, сейчас трое. Вторая дочь умерла, когда ей было 45.

– Расскажите о своих детях.

– Первая дочь, Роза, очень хорошо училась. У нее было заболевание крови, здесь ее не могли вылечить и дали направление в Ленинград.

Положили ее в Институт переливания крови и сделали операцию. Потом мы вернулись, и она пошла в школу. Она закончила 11 классов и вышла замуж в 17 лет. Скоро ей будет 50. Рожала она не здесь, а в Израиле, потому что здесь ей говорили, что рожать нельзя после той операции. Там тоже были опасения. Но она родила нормально. Девочку. А вторую девочку родила здесь. Тоже боялись, что будет кровотечение, но все прошло нормально. И вот теперь у меня два правнука и две правнучки. Кроме этой дочери, у меня еще сын. Его зовут Исай. Родился в 1953 году. И еще один сын, родился в 1956 году, сейчас живет в Канаде.

– Когда рождались мальчики, им делали обрезание?

– Да. На 20-й день делали.

– А почему на 20-й?

– В то время так делали.

– А как проходило это?

– Раввин делал. Было много гостей. Раввин читал молитву. Все проходило в доме. Устраивали праздник. Церемония проходила так. Клали ребенка на подушку, читали молитву и спрашивали: «Кто берет ребенка?» Кто-то говорил: «Я». – «Сколько заплатишь?» Он говорил цену. А кто-то другой называл большую цену. В общем, как бы торговались. Кто давал больше, брал ребенка на руки, и на его руках делали обрезание.

– А еврейское совершеннолетие как-то отмечали?

– Вы имеете в виду Бар-Мицву? Нет. Тогда мы не знали этого. Уже внукам я своими силами сделала. Тогда мы уже знали.

– А до этого не делали?

– Нет. При Советской власти многие обряды не соблюдались. Мы делали только обрезание, а тринадцатилетие не отмечали. Не знали.

– А свадьбы как у детей проходили?

– Очень хорошие свадьбы были. У старшей дочери была очень богатая свадьба. У внучек тоже.

– Как проходит церемония свадьбы?

– Много гостей приходит. Накрываем столы богатые. Раввин читает молитву. Дают кетубу.

– То есть у всех ваших детей есть брачный договор?

– Конечно. У всех моих детей есть такой брачный договор. Когда мой младший сын поехал в Канаду в гости, он решил там остаться. Когда просто приезжаешь в гости, то о национальности не спрашивают. А потом, когда ты решишь остаться, то надо доказать, что ты еврей, потому что даже неевреи говорят, что они евреи. Когда он должен был пройти последнее интервью, его спросили: «А как ты докажешь, что ты еврей?» Я как раз была у них в гостях. И тогда мы показали его кетубу. Его пересняли и положили в документ как доказательство, что он еврей.

– То есть благодаря этому брачному контракту сумели доказать, что они евреи?

– Да.

– Скажите, а вы знали, что происходило в стране в 50-е годы? Например, дело врачей?

– Да. Мы тогда жили в Тырнаузе. Паника была, что врачи-евреи хотели убить Сталина. Стали ненавидеть евреев. У нас еще не так, а в других местах, мы слышали, что евреев даже из трамваев выбрасывали. А в Тырнаузе друзья говорили моему мужу: «Мы не дадим тебя в обиду». Нас не трогали.

– А были еще случаи антисемитизма?

– Раньше были. Когда выходили на улицу, могли крикнуть: «Эй, жид!»

– Это было в Нальчике?

– Да. Например, когда мы с мужем и друзьями вместе ходили в кино, могли подойти русские парни – кабардинцы так не делали – и отнять у нас деньги. Или когда в магазине стояли в очереди, могли оскорбить, сказать: «Жида, жидовские морды». Это было в 70-х и даже в 80-х годах. Сейчас этого уже нет. Сейчас даже говорят: «Вы, евреи, самый главный народ».

– Приходилось вам когда-нибудь утаивать свою национальность?

– Да. Но я не люблю скрывать. В то время много ездила, торговала. Привозила хорошие товары. Как-то раз, когда один таксист спросил меня о национальности, я ему говорю: «А кого больше всех в мире ругают, и кто самый умный?» Он отвечает: «Евреи». Вот, говорю, я еврейка. Один раз был такой случай. Мой сын болел почками, и я его повезла в Ашхабад. Там говорили, что лечат эту болезнь. От Ашхабада еще надо было на поезде ехать. Когда мы приехали, то там встретили одну женщину, которая предложила нам квартиру, и мы остановились у нее. Муж ее в тот день был в Ташкенте, когда он вечером вернулся, то сказал, что в Ташкенте украли мальчика. Были слухи, что украли еврея и взяли его кровь, чтобы делать мацу.

– Это в каком году было?

– Где-то лет 27 назад. Мне стало так неприятно, и я говорю: «Я из Нальчика, там евреи живут и мацу делают, такого никогда не было. Это неправда. Не верьте». И мне очень страшно стало. А потом я положила сына в больницу. Там врач один был бухарский еврей. Он нам помог. А в той семье, где мы жили, я так и не сказала, что мы евреи. Первый раз скрыла. И даже тут говорили, что евреи убивают детей, чтобы кровь в мацу добавлять. Даже некоторые кабардинцы.

– Вы слышали что-нибудь о том, что произошло в стране после смерти Сталина?

– Нет.

– А как вы жили в это время, при Хрущеве?

– Плохо жили. Были очереди за хлебом.

– А чем вы занимались?

– Работали. Кустарями работали.

– А разрешали так работать?

- Нет. Мы скрывали.
- А было, что преследовали за это? Отнимали?
- Да, было. И отнимали, и сажали.
- В какие годы это было?
- В шестидесятые. Выделывали шкуры. Меха. Продавали.
- А было, что милиция приходила к вам?
- Было.
- Было, что отнимали у вас?
- До этого не доходило. Откупались.
- Когда вы вернулись с шахты, вы где жили?
- В отцовском доме. Потом построили этот дом.
- Строили на какие деньги? Ссуду брали?
- Нет, строили на свои деньги. Нанимали людей.
- Вот вы говорите, что 25 лет назад ваша сестра уехала в Израиль.

Трудно было уехать?

– Нет, в те времена почему-то нетрудно было уехать. Был массовый отъезд. Приехали тогда сюда два грузинских еврея и агитировали всех. Сестра согласилась уехать, а я не захотела. Сначала им было тяжело, но сейчас они на пенсии и очень хорошо живут. У них свой дом, участок.

- Вы были у них в гостях?
- Да, три раза.
- Первый раз когда поехали?
- Сразу после прихода к власти Горбачева, в 1989 году.
- А сейчас вы про Израиль что-нибудь знаете? Читаете про Израиль?
- Да, я сейчас много знаю и ездила туда. Знаю, как живут там люди.
- Сами не собираетесь туда переезжать?
- Пока нет.
- Почему ваш сын уехал в Канаду?

– После прихода к власти Горбачева стало трудно работать. Сын был реализатором, а на дорогах появились рэкетеры. Стали отнимать товар. Двое детей моей сестры тогда переехали из Израиля в Канаду и прислали моему сыну вызов в гости. Он уехал и остался там. Если мы сможем, то тоже поедem в Канаду.

- Вы говорили, что ваш внук в Америке?
- Да. Он там на заводе работает.
- Чтобы вы хотели пожелать будущим поколениям?
- Чтобы все жили дружно. Чтобы евреев не обижали. Чтобы все народы жили хорошо.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Среди первых, прибывших в Кабарду, был Ильё Ашуров. Кабардинский князь нарек его сына именем Габарлей. Кабардинцев горские евреи называют «чергези» от слова «черкес».

² Улицы в колонке: Горшечная (на этой улице жили горские евреи и несколько семей кумыков, которые изготавливали горшки). Трудовая, Рабочая, Саловая, Подгорная, Надречная, Крестьянская, Осетинская. После войны Горшечную улицу переименовали в честь Героя Советского Союза Исаи Иллазаровича Иллазарова (1920–1944), участвовавшего в обороне Москвы, в боях на Курской дуге, под Витебском. В сентябре 1944 г. в боях за освобождение деревни Керкели в Латвии он погиб. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. И. И. Иллазарову было присвоено звание Героя Советского Союза. Школа № 10 г. Нальчика, где учился герой, и улица, где он родился и вырос, носят его имя.

¹ Учить иврит власти запрещали, приходилось учить тайком, но чтобы читать молитвы, необходимо было владеть языком. Шестнадцать столетий евреи, будучи в диаспоре, говорили на языке народов, среди которых они жили. Горские евреи – на татском наречии фарси. В 90-е гг. появилась возможность изучать иврит, петь песни на иврите. С 1992 г. иврит изучается в школе № 10 г. Нальчика. Для детей это иностранный язык, т. к. нет языковой среды, но дети с интересом учат.

Илишо Ашурова (девичья фамилия Матаева)

8 января 1998 г.

Нальчик

- Где и когда вы родились?
- В Нальчике. В 1918 году.
- Кто был ваш дедушка по линии отца?
- Звали его Захарий, он ездил по городам, в Москву, Баку, туда-сюда и привозил товары, продавал, у нас были большие дома ¹, покрытые железом. Для деревянных домов он привозил из Москвы бревна.
- Он работал в строительстве?
- Нет, он для своего дома привозил.
- А товары он привозил для торговли?
- Да. В доме был хороший большой магазин, с навесом.
- Это был его собственный магазин?
- Да. И дом был у него, и двор.
- Магазин находился на первом этаже жилого дома?
- Да. Магазин с навесом.
- А кто работал в этом магазине? Семья или наемные рабочие?
- Мать моя работала, и дедушка работал, и бабушка работала. У нас была прислуга. Я ничего сама не видела, так говорили. Дом я видела, магазин видела, но как торговали, не видела.
- А что потом стало с этим магазином? При Советской власти?
- Развалилось все. Ничего не осталось. Потом тот двор мы продали и купили вот этот двор.
- Чем занимался ваш отец, как его звали?
- Доду Захарович Ашуров.
- У нас сады были, большие сады. Отец возил яблоки и груши в Пятигорск и продавал. Когда ехал обратно, заболел воспалением легких и умер. Так мне сказали.
- Сколько вам было лет, когда умер отец?
- Полтора годика.
- В семье, кроме вас, были еще дети?
- Трое, кроме меня. Я была последним ребенком.
- Назовите своих старших.
- Братья Абрам, Ельзо и сестренка Женя.
- Ваша семья была религиозная?
- Да. Синагогу посещали регулярно.
- Ваши детские впечатления от посещения синагоги?
- Раньше совсем по-другому было, и не говорите. Людей полно было в синагоге. На Подгорной улице была синагога. Большая, высокая, двухэтажная. Дедушка мой помогал строить.

- Это ваш дедушка построил синагогу?
- Да. Он деньги дал, и люди строили. Так мне сказали. Синагога была кирпичная.
- Эту синагогу посещали только горские евреи или европейские евреи тоже?
- Европейские евреи посещали тоже.
- А раввин был один?
- Нет, раввинов у нас было много. Самый старший был Шаулов. Саади. Потом был Амиров.
- Эти раввины служили и для горских, и для европейских евреев?
- Да. Раньше европейских евреев здесь много не было.
- Европейские евреи жили вместе с вами?
- Дома покупали и жили.
- Вы в Нальчике жили в еврейской колонке?
- Да.
- А европейские евреи?
- И в колонке жили, и в городе.
- Какие были взаимоотношения между европейскими евреями и горскими?
- Хорошие. У моего брата жена – европейская еврейка. Они уехали в Америку.
- Их образ жизни как-то отличался от жизни горских евреев?
- Я не помню, я тогда маленькая была.
- Какие отмечали праздники?
- Хануку проводили, потом масленицу. Потом Пасху.
- Пурим как праздновали?
- Делали сладости.
- Кто готовил угощение на стол?
- Мать.
- Какая традиционная пища была?
- Хадиса.
- Опишите, как делается.
- Хадиса делается из муки. Пережаривается в масле мука, потом туда мешается мед. Режется, как конфеты, очень вкусно.
- Фаршированную рыбу готовили?
- Да.
- Регулярно или на праздники?
- Почему? Как рыба была, так и готовили.
- Как соблюдался кашрут – правило употребления пищи? Были ли специальные люди, которые объясняли, как надо готовить в соответствии с еврейскими обычаями? Мясо, например?
- Конечно. Если я не понимала, ходила, спрашивала, мне объясняли.
- А мясо где вы брали?

– В магазине. Был специальный магазин. Раввин резал и продавали.
– Еврейский магазин в колонке?
– Да, еврейский. Кашерный.
– В вашей семье готовили национальные блюда горцев, кабардинские?

– Нет.
– А какие были отношения с кабардинцами, балкарцами, русскими?
– Мы очень дружны были. И сейчас мы живем хорошо.
– Вы помните день, когда вы в первый раз пошли в школу?
– В школу я пошла с 6 лет. Сначала меня не брали. У меня дядя был комсомолец, он пошел, договорился с директором, Василием Ивановичем. Был здесь учебный городок. Меня отдали туда, два класса я училась там. Потом поехала в Пятигорск. Приехала на каникулы, мать заболела, и я больше не поехала. Без матери осталась.

– Кто заботился о детях? Вот, умер отец, умерла мать?..
– Сами жили. Потом старший брат женился, и мы жили с ним. В семье старшего брата. Старший брат нас и вырастил.

– Вы продолжали учиться?
– До седьмого класса училась, больше не смогла.
– Вы учились в какой школе, в еврейской?
– Да, здесь училась. В 10-й школе.
– Вы помните день 22 июня 1941 года – начало войны?
– Конечно.
– Опишите ваши воспоминания.
– Переполох. Меньшого брата забрали, он потом в Киеве был. И там его убили. Вдвоем с товарищем шли. В него попали, а товарищ убежал.

– Что вы делали, когда началась война?
– Мужа забрали до войны на действительную службу, я была одна с ребенком и сестренкой.

– Расскажите, как проходила свадьба, она проходила по еврейским традициям?

– Какая свадьба у нас была? Ничего у нас не было. Просто зарегистрировались, и все. При колхозе это было, мы же в колхозе работали, в Ставропольском крае. В Богдановке. Муж там был.

– А кто регистрировал ваш брак?
– Там был двоюродный брат мужа, он регистрировал. Он тоже Ашуров.

– Он занимал какую-то государственную должность?
– Да, он специально регистрировал.
– А как вас зарегистрировали, вам же было 15 лет – несовершеннолетняя, у вас же паспорта не было?

– Когда мне стало 16 лет, я приехала домой, паспорт взяла и тогда зарегистрировали.

- Как вы познакомились со своим мужем?
- Я его даже не знала².
- Кто договаривался о свадьбе? С вашим братом договаривались?
- Да.
- В Нальчике вы жили в семье мужа или отдельно?
- Жили в Богдановке, в колхозе работали. Приехала зимой, холодно было. Топки у них нет, да так плохо живут. «О Боже мой! – думала. – В какую семью я попала!» Плакала. Ну что ж, жили.
- Семья вашего мужа была из горских евреев или европейских?
- Горские.
- В Богдановке как горские евреи жили по сравнению с нальчикскими евреями?
- Хорошо. Делились всем.
- А материальное положение?
- Плохое. У нас в семье было 11 человек. Все работали. Старик, свекор мой, такой хороший мужчина, бедный, мне его и сейчас жалко, и мать была такая хорошая. Мать, отец и я – мы саман резали. Продавали и этим питались. На трудодни в колхозе ничего не давали. Вы, наверно, сами знаете. Плохо было в колхозе. Когда уже ожили, начали жить как люди, немец подошел. Чтобы он провалился.
- В Богдановке люди пытались соблюдать традиции, кашрут?
- Конечно, соблюдали, несмотря на бедность.
- Была там синагога?
- Комнатка была маленькая. Что может быть в селе?
- Когда пришли немцы?
- Немцы пришли в октябре. Октябрь, ноябрь и декабрь 42-го года они были в селе. Подошел 1943 год. Ночью, слышу, стреляют. Муж был дома. Он спит крепко, я сразу встала, прислушалась – стреляют, везде стреляют. Что такое? Разбудила я его. Он: «В чем дело?» Я говорю: «Стреляют». А он говорит: «Боже мой, куда я вас дену? От немцев куда я вас дену?» Он думал, что немцы детей наших убивают. Потом он встал, пошел, посмотрел кругом, видит, что стреляют. Зашел домой и говорит: «Наши пришли, наши!» А они с горы пришли. С той стороны, где вода течет. Потом люди говорят: «Пинхасов!» Пинхасов – это еврей. Он дядя моего мужа, полковником тогда был. Потом муж зашел домой и говорит: «Хаскиль приехал, Хаскиль. Хаскиль привел людей. Наши идут, наши!» А Хаскиль спрашивает: «Евреи живые есть?» Я говорю мужу: «Приведи его сюда». А он: «Нет, ребят много, надо их накормить». Маленькую телочку резали, и у нас пекут такие круглые лепешки из кукурузной муки, отдала им 5 или 6 лепешек. Говорю: «Забери, и телочку забери». Так я и не видела Хаскиля. Он не смог к нам зайти. Потом они пошли дальше.
- Это были партизаны или регулярные части?

– Все вместе. Стрельба была такая, не дай Бог! Что только мы не пережили!

– Во время оккупации вы в каком доме жили?

– Здесь, в этом доме.

– Кто с вами жил еще?

– Я, муж, дочка моя и сестренка, больная которая.

– Как вы жили при немцах? Приходили к вам немцы?

– Еще как! Я всегда сестре говорила: «Давай уйдем, а то придут и заберут работать». Она больная, не идет и не идет. Не кушает. Потом зашел немец и говорит: «Арбайтен, арбайтен!» Кричит на нас, а я с ребенком. Два года дочке. Пошла я с ним. Он идет по дворам, на нашей улице осетины живут и грузины. Он заводит меня к осетинам. Разве осетины перед немцем возьмут моего ребенка? Не берут. «Не будем смотреть», – говорят. Идем к грузинам, они тоже не берут. В общем, в три-четыре двора мы зашли, никто моего ребенка не хочет брать и меня отпустить, чтобы идти к ним работать.

– А почему они не хотели брать вашего ребенка? Потому что вы еврейка?

– Конечно. Они же убивали евреев.

– Они боялись или просто не хотели общаться с евреями?

– Боялись. Потом немец обратно пришел ко мне, забрал веник, лампочки выкрутил – в общем, что ему надо было, то взял. А моего ребенка отдал бабушке, что напротив жила. Она взяла девочку, и мы пошли. Пришли, смотрю – там все мои сестры. Говорят: «Мы давно уже здесь работаем». Потом подходит ко мне тот, кто меня привел: «Подметай, подметай». Думаете, я ему подмела? Чтоб он сдох, если не сдох. Я даже не тронула. Потом начинает меня щипать, щипать. Я говорю: «Иди к черту! Собака ты, а не человек. Зачем ты меня щиплешь? Что я тебе сделала?» Постояла, постояла, уже ночь подходит. Говорю девочкам: «Ой, наверно, они нас убьют. Кто о моем ребенке будет заботиться?» Потом темно стало, и я убежала. Вот так первый раз я попала к ним на работу. Больше не попадала. Утром рано встаю, дверь закрываю и ухожу. Мой дядя раньше был красным партизаном. Его осетин предал немцам. Пришли, забрали моего дядю. Потом он вернулся, а в доме забрали все, что у них было. Остались пятеро детей и бабушка старая моя. Они потом пошли к своему брату, на Пятигорскую улицу. И там не могли быть. Обратно пришли домой. Пришли немцы и дядю снова забрали, увели и убили. Его не нашли, даже мертвеца не отдали. Что вам еще рассказывать, сколько наших они убили! На дороге из Прохладного памятник стоит. Столько людей они там убили!

– Вы знали об этом расстреле в то время или узнали после окончания войны?

– Мы не знали, кто там похоронен, но знали, что убивали людей. У моего дяди сноху забрали и троих детей. Когда уже немец ушел, ту яму раскопали – там и кабардинцы, и балкарцы. Мой дядя возвращался оттуда, а я туда шла. Наверно, я бледная была. Он говорит: «Шура, вернись, немедленно вернись домой!» Не дал мне идти. И я пришла домой. Мужчины даже ходить не могли, до того было жалко детей. Маленьких – ну зачем их убивать?!

– А этих людей убивали потому, что они были евреи, или они попались вместе с другими?

– Да, я думаю так.

– В еврейской колонке были обыски, облавы?

– Конечно!

– Это было связано с тем, что на работу выгоняли, или по другим причинам?

– Не знаю, мы даже из комнаты не выходили ночью.

– Кроме того случая к вам немцы приходили?

– Конечно. В один вечер стучит кто-то. Я говорю: «Арон, встань, кто-то стучит». Он поднялся скорей. Стоит какой-то высокий немец. Подошел к моему мужу, а муж какую-то справку ему показал. Он повернулся и ушел. В другие дома заходили, бывало, что убивали, грабили. Что хотели, то и делали.

– Как потом уводили на работу? Немцы заранее объявляли или ходили по домам?

– Вытаскивали из дома и уводили на работу. Каждое утро. Я больше не пошла, дверь закрывала и уходила.

– Чем вы занимались?

– Семью ведь надо было кормить. Ходила на базар. Покупала банок 5 кукурузной муки. Здесь купишь, там продашь.

– Какие деньги ходили?

– Наши, советские.

– Несмотря на оккупацию ходили советские деньги?

– Да. Раз я пошла на базар, думаю, что-нибудь продам. В кармане у меня было 4 пачки спичек. Один ко мне подходит и говорит: «Не продавай, тебя сейчас поймают». Спрятала. Но жить-то надо. Отошла. Другой спрашивает: «Спички продаешь?» Я говорю: «Да». – «Сколько стоит?» Не успела ответить, как другой подошел, взял за шиворот и потащил в администрацию базара. Смотрю, грузин. «Ты чего сюда пришла? – спрашивает. – Еврейка, ты чего сюда пришла?» Я говорю: «Я такая же нацменка, как и ты. Я что, не похожа на тебя? Что вам от меня надо? Я такой же человек, как и ты». А он говорит: «Что ты продавала?» – «Я ничего не продавала». – «Штраф с тебя 100 рублей». – «Откуда у меня такие деньги?» – «Иди, принеси свой паспорт. Если не принесешь, то тебя убьют». Я пошла, взяла сто рублей – последние

деньги. Отдала ему и попросила вернуть свой паспорт. Я сказала: «Возьми эти сто рублей, если ты такой бедный». А он мне говорит: «У тебя миллионы есть». Я ему отвечаю: «Пусть у тебя столько будет, сколько у меня». Взяла паспорт и ушла.

– А почему он не разрешал торговать? Это же рынок?

– Нам Советская власть не давала спекулировать.

– Но рынок же был при немцах, так почему не разрешали торговать?

– Не разрешали.

– Так фактически выполнялись советские законы?

– Да.

– В вашем паспорте какая национальность была записана?

– Еврейка.

– Чем муж занимался во время оккупации Нальчика?

– Он ничего не делал.

– Его угоняли на работу немцы?

– Нет. Я вам про него расскажу. Он был на фронте. Его ранили. Он пошел к начальнику и попросил: «Ради Бога, немцы пошли на Кавказ, а мои дети, родители, братья на Кавказе. Пустите меня дня на три-четыре. Я пойду их предупрежу, чтобы они убежали, а то немцы их расстреляют». Его отпустили. Он пришел после немцев на пятый день. Он шел одной дорогой, а немцы – другой. Он пришел в Курской район Ставропольского края. Недалеко от Богдановки – в четырех километрах. Там жили армяне. Он пришел к ним. Его увидели, бросились к нему и ну его целовать и обнимать. Они друг друга знали, ведь рядом, он их ребят учил камень обрабатывать. «Заходи, покушай!» – «Нет, я кушать не буду, только скажите, в Богдановке живут?» А они говорят: «Не дай Бог, не иди в Богдановку. Там убивают». А в тот день как раз убивали.

– То есть как раз в тот день был расстрел?

– В тот день. Он лег спать, потом пошел в Богдановку. Он пришел на могилу, посмотрел, поплакал. Дома стояли пустые, никого нет. Потом он пришел на четвертый день домой. Смотрю, заходит. «Ой, – говорю, – Арон, откуда ты взялся?» – «Меня, – говорит, – отпустили и справку даже дали». Он никому не сказал, что в Богдановке евреев расстреляли. Три месяца он был дома и ничего не рассказал.

– В какой форме он пришел? Что за одежда на нем была?

– Весь оборванный. Он же все время шел пешком. Гражданская одежда на нем была. Потом пошел в военкомат, его сразу же взяли, отправили учиться. В танковые части.

– Так это было еще до прихода немцев?

– Нет, немцы уже ушли, ночью. В начале 1943 года они ушли.

– Давайте уточним. Ваш муж отпросился из госпиталя, он фактически был первым свидетелем расстрела евреев в Богдановке. Он был первым, кто увидел следы этого расстрела?

- Да.
- Он пришел в Нальчик, когда немцев уже не было?
- Нет, через 4 дня после них.
- То есть он где-то 4 дня пробыл?
- Пробыл с армянами.
- Значит, пробыл там с армянами и пришел в Нальчик, когда немцев уже не было?
- Не было. А пошел он, повинился. Мол, не смог я помочь, убили всех, и его послали в танковую часть учиться. Проучился и пошел на фронт.
- Носили ли евреи какие-нибудь опознавательные знаки – желтую звезду Давида? Нарукавные повязки?
- Нет. Не носили. Нас спасли кабардинцы, можно сказать. Нас убили бы, оставили на Новый год, чтобы убивать. Тут были такие мужчины, они одели их в золото, чтобы нас не убивали. А нас должны были на Новый год убить, всех записали. Мою сестру забыли записать, и я бегу за ними и кричу: «Слушайте, сестру мою не записали!» Думала, для хорошего, а они – убивать.
- Немцы составляли списки евреев?
- А как же. В каждый дом заходили и писали. Вот эти подарки, которые им давали, они нас и спасли. Они должны были нас еще раньше расстрелять.
- То есть кабардинцы как бы выкупали евреев у немцев? Я правильно понял?
- Да. И кабардинцы давали, нас защищали. И наши все собрали, давали им. Одели каждого солдата. Лошадь им дали. Со всей сбруей, из золота. Вот так мы живыми остались.
- То есть еврейская община тоже отдавала деньги, ценности?
- Да, конечно. Община помогла.
- Об этом узнали вы после войны или знали тогда?
- Мы знали тогда, но не знали, когда будут убивать.
- Откуда взяли эти ценности?
- Наверно, собирали. У нас ничего не было.
- Когда немцы приходили составлять списки, они записывали туда всех – и детей, и стариков?
- Всех до единого.
- Это какой период был примерно?
- Осенью они пришли и все время записывали.
- То есть регулярно составляли списки?
- Да, регулярно, пока всех не записали.
- А они записывали со слов ваших или проверяли, сколько в комнате находится человек? Или паспорта проверяли?
- Нет, паспорта они не проверяли. Смотрели, сколько есть человек, и записывали.

– А если они приходили и дверь была закрыта, не было попыток сломать дверь?

– Кто тогда закрывал ворота? Все было открыто. Да, я забыла вам сказать. Соседка была у меня. Пришли немцы грабить. А я стояла у себя во дворе. Забора не было, мы его сломали для топки. Так немец говорит: «Дайте ковры» – и еще что-то. Они: «У нас ничего нет», а дочка их говорит: «Нету ничего, иди посмотри». А сестра ее говорит по-нашему: «Ой, чтобы я умерла, я два ковра положила в яму, спрятала». Видимо, он понял. Пошел и нашел два ковра. Сестра к себе тянет, и он тянет. Цирк был настоящий.

– Но ведь сестры разговаривали между собой по-еврейски?

– Да. А потом за ним пришел еще один длинный немец. Забрал эти ковры, они пошли в другой дом, третий и так до конца. Мне было удивительно, как он понял.

– Были случаи, когда с немцами кто-то сотрудничал – кабардинцы, русские?

– Были.

– А горские евреи могли сотрудничать с немцами? Были такие случаи?

– Нет!

– А как вообще вы общались с немцами? Вы же не знали немецкий язык?

– Нет, мы разве с ними разговаривали? Не дай Бог!

– Как вы их понимали? Ну, например, они приходили забрать на работу?

– «Ком, ком, арбайтен», – они говорили. Мы научились этим словам.

– Это понятно, ну а если вот он требует ковер?

– Ну я уже не знаю, как это было.

– Ну а что в первую очередь немцы забирали?

– Не знаю, у меня ничего не было. У того, у кого было, брали.

– А было ли ограничение на передвижение? Вы могли выходить за пределы колонки?

– Конечно.

– А на работу гоняли неевреев? Допустим, кабардинцев?

– Всех гоняли. Правда, я не знаю, я один раз только была. Я пряталась. У меня девочка, ей два года было.

– А что было с синагогой во время оккупации? Немцы не разрушили синагогу?

– Не знаю, я не ходила туда. Наверно.

– Во время войны вы в синагогу не ходили?

– Не ходила.

– Во время оккупации вы пытались соблюдать традиции?

– Как могли, так и жили.

- На осень приходится Рош Ашана, и вот...
- Ничего мы не делали. Всю войну ничего не делали. У кого что было, чтобы делать? Хоть бы на чурек достать!
- На территории еврейской колонки немцы постоянно проживали?
- Нет. Они были в городе.
- То есть они приходили эпизодически?
- Да.
- Конкретно на территории вашей колонки была комендатура, штаб?
- Был штаб здесь, на углу. На Подгорной, то есть на Рабочей улице.
- Немецкие офицеры проживали в еврейских домах?
- Нет, они здесь не жили, они в городе жили. Где хорошие дома.
- А там они выселяли кого-то или просто могли жить с ними?
- Как это было, не знаю.
- А что случилось с европейскими евреями Нальчика?
- Многие уехали. Я сама отправила свою сноху с тремя детьми.

Мужа ее убили на фронте, в Киеве.

- А почему вы не уехали?
- Нам не с чем было ехать. Все, что у нас было, мы для снохи собрали и отправили ее.
- Почему семья собрала деньги, чтобы отправить именно европейскую еврейку, у вас ведь были другие родственники с детьми?
- Мы не хотели ехать. «Что будет, то и будет», – мы так говорили. А европейских они вообще не любили и не любят. Не знаю, может, сейчас хорошо относятся в ФРГ.

– То есть получается, европейские евреи не доверяли немцам, они точно знали, что их могут убить?

- Да.
- А вы это понимали?
- Конечно! А мы договорились друг с другом и не поехали.
- А были такие случаи, что богатые евреи, у которых был транспорт, уехали?
- У кого было, те эвакуировались.
- То есть часть горских евреев убежала?
- Конечно.
- Когда немцы заняли Нальчик, были ли случаи массовых казней?

Допустим, коммунистов?

– Не знаю. Я никуда не ходила, я боялась ребенка своего осиротить. Только иногда на базар ходила. Меня тот грузин в тюрьму забрал бы, если бы я ему сто рублей не дала.

– А вот кроме этого случая вы еще сталкивались с таким отношением к вам, как к еврейке, со стороны, например, кабардинцев, русских, которые говорили: «Вот вы еврейка, вас надо убить».

– Нет.

– А вы посещали своих родственников во время оккупации здесь, в Нальчике?

– Ни к кому не ходила. Вот дядя неправильно сделал. Им надо было прийти ко мне, они бы остались живые. Соседи их предали – осетины. Когда у них все забрали, им надо было у меня жить. Я жила тогда в доме снохи, европейской еврейки, которая уехала, а этот дом стоял пустой.

– Как себя вели немцы в последние дни пребывания в Нальчике? Изменилось ли что-нибудь в их поведении?

– Они в куче все были.

– Усиления грабежей не было?

– Нет.

– Как вы жили после освобождения Нальчика?

– Как жили? Ходила на базар, спекулировала, кормила детей. Муж был шофер, комбайнер в колхозе.

– Вы, как жена военнослужащего, получали пособие на ребенка?

– Нет, ничего не получала, это теперь стали давать.

– Когда немцы ушли из города, синагога открылась?

– Конечно.

– И она работала все это время?

– Да.

– То есть никто не мешал работать синагоге?

– Нет.

– А чувствовалось какое-то изменение отношения евреев к своей вере, может, стало меньше верующих?

– Одинаково. У нас одинаково. Всегда мы верили в Бога.

– Вам не приходилось сталкиваться с такими разговорами: «Бог не защитил евреев, почему он допустил такое?»

– Нет. Значит, так надо.

– Сами вы синагогу посещали регулярно?

– Да.

– Раввин был тот же самый?

– Трое, четверо их было. Был Шаулов, мой дядя по маминой линии. Брат моей бабушки.

– Вы его хорошо знали? Вы можете о нем рассказать?

– Очень хороший был. Придет он домой, курицу режет. Никогда копейку не возьмет.

– Какой дом у раввина был? Он как-то отличался?

– О, он очень бедный был. Он ничего не мог сделать. Он честный был, никогда лишнюю копейку не брал.

– Дом еврея чем-то отличался от дома нееврея? Можно было по внешнему виду отличить?

– Вот, например, дядя мой был все время на квартирах.

– То есть у него не было собственного дома?

- Был. Он отдал его сыну, а сам пошел на квартиру.
- Он был главным раввином Нальчика?
- Да.
- В вашем доме была мезуза? Молитва, запаянная в стеклянную трубочку или металлическую, которую прибавляли к косяку двери еврейского дома?
- Конечно! И сейчас есть.
- А как широко это было распространено?
- В каждой семье.
- Когда немцы приходили, они ведь видели мезузу?
- Пускай смотрят. Откуда они знают? Они знали, что ли? У них ведь такого не было.
- Была ли какая-нибудь религиозная утварь в вашем доме? Семисвечник? Специальная посуда для праздника?
- Да. Кашерная отдельно. У моей матери на каждой тарелке надпись, что это кашерная. Ярлычки на каждой тарелке. Дедушка привозил. Из Москвы.
- Он это привозил еще до революции?
- Да.
- И это сохранилось у вас в семье?
- Нет.
- А что с ней случилось?
- Разбилась.
- Вы в других семьях видели кашерную посуду?
- Нет, не видела.
- А у вас была?
- Да. Дедушка везде ездил. Привозил. Интересная была посуда, с картинками.
- А как выпекали мацу?
- Была специальная женщина. Несли туда муку, и она нам пекла.
- Это было при синагоге?
- Да нет, в своей квартире.
- То есть вы несли свои продукты, и она в своем доме выпекала для всех?
- Да. А сейчас, может, отдельно построили, не знаю.
- Со стороны Советской власти не было препятствий для изготовления мацы?
- Нет. Даже эта женщина кабардинцев нанимала, и они нам пекли мацу. Помогали хозяевам. Хорошие кабардинцы.
- А была в Нальчике миква?
- Что это?
- Бассейн для омовения.
- Нет. Какой бассейн? Баня была.

- А отдельно для омовения женщин не было?
- Не знаю. Нет.
- Субботу вы праздновали?
- Конечно. Каждую субботу. Теперь не все люди празднуют субботу.
- Где вы брали свечи?
- Всегда дома были.
- До войны вы в магазине покупали? Или в синагоге?
- Не помню.
- Был специальный магазин на территории еврейской колонки?
- Раньше не было.
- А после войны?
- Да.
- А как вы встречали солдат, вернувшихся с войны?
- Никто не возвратился. Кто возвратился? Я даже не знаю. Вот мои родственники. У моего дедушки было три брата, он четвертый. Из одной семьи ушли четыре человека. Никто не вернулся. Из другой семьи ушли двое. Нету. Из другой – трое. Нету. Чему нам радоваться? Радости у нас не было.
- Ваш муж когда вернулся в город после войны?
- Он брал Будапешт.
- Какое у него было звание? Он был рядовой?
- Он был старшина в танковой части.
- Когда он вернулся, он рассказывал, как было на фронте?
- Конечно.
- А когда он впервые рассказал о расстреле в Богдановке?
- Он нам не рассказывал.
- Даже когда вернулся из армии?
- Нет. Когда он ушел в армию, нам пришла телеграмма, что всех убили в Богдановке. А он не рассказывал.
- То есть вы узнали без него?
- Да, он думал, мы все умерли.
- А когда потом вы узнали? Он вам потом говорил?
- А потом что? Когда он приехал, что говорить?
- Какие были взаимоотношения у вашего мужа на фронте с неевреями?
- Они были как братья. Они любили друг друга.
- Ему никто не говорил: ты, мол, еврей?..
- Нет.
- Как протекала мирная жизнь?
- Он как приехал, пошел в военный городок работать. Его один европейский еврей туда устроил. Мы пайки получали каждый месяц. Так и жили.

– Он там работал гражданским специалистом?

– Да. Он получал зарплату – 1100 рублей. Легче стало жить. В 1953 году шел на работу и попал под машину. Получил получку, дал мне 600 рублей, покушал и ушел. Вечером в 10 его нет. Я сказала сыну: «Папы нет, пойдем искать». Нигде его не было. А он там лежал на земле.

– Еврейская община вам как-то помогла?

– Помогла похоронить.

– А чем вы занимались?

– Ничем не занималась. Пенсию мне сделали на детей. Этим жили. Потом пошла на работу на обувную фабрику. И денег нет, и работы нет. Четыре года работала. Потом работу бросила и пошла на базар торговать. Дом построила. Пенсию клала на книжку, для детей. Вот так и жила.

– Расскажите о детях.

– Старший сын у меня в Москве живет. На машине работает. Второй здесь живет. Дочка старшая живет в Израиле. Четвертая тоже в Москве. За русского замуж вышла. Двое маленьких детей, мальчики. У старшего сына жена русская.

– Как вы относитесь к тому, что у сына жена русская?

– Сначала я не хотела. Он пришел из армии, остался в Москве. Живут себе. Дачу свою имеют. Сначала ему было плохо. Я ему говорила: «Поехали домой». Не захотел.

– А ваши сыновья – они религиозные?

– А как же!

– И тот, который в Москве?

– Он ходит в синагогу.

– А как русская жена относится?

– Да кому она нужна?

– Она не соблюдает еврейские традиции?

– Нет. Дочка у них одна. Ей было два месяца, когда я ее привезла сюда. Они оба молодые были, им некогда было. Я вынынчила. Когда ей было два года, отвезла.

– А как вы внуку воспитывали? По еврейским традициям?

– Да. Она и вышла за еврея. Я ее замуж отдала, здесь и свадьбу играли.

– А где она сейчас живет?

– В Москве. У них уже двое детей. Сын свою четырехкомнатную отдал зятю, а сам двухкомнатную квартиру купил и там живет.

– А внучка ваша восприняла еврейские традиции? Она считает себя верующей?

– Конечно.

– А язык она знает?

– Конечно. Мы же ее учили, но сейчас начала забывать.

– Расскажите еще о каких-нибудь родственниках, у вас же много родственников?

– У моего дяди остался один мальчик. Он летчик-испытатель. Живет здесь, в Нальчике. Жена его умерла.

– В 1948 году было образовано Государство Израиль. Вы тогда об этом слышали?

– Вы знаете, тогда не слышала. Это было в 1954 году, я была на базаре. Там, где гостиница Россия, был базар. У меня две тяжелые сумки в руках – детей кормить надо. Я в черном тогда была, траур. Муж три месяца как умер. На базаре, он длинный такой, издалека одна женщина кричит: «Эй, девочка!» Подошла ко мне и спрашивает: «Ты Ашуровская?» И плачет. Я говорю: «Откуда ты меня знаешь, Ашуровых много». – «Нет, – говорит, – я тебя узнала. Когда твой отец умер, тебе полтора годика было». А я не знаю ее. Она потом говорит: «Ты четвертая, да?» Я подтвердила. Оказывается, она у моего дедушки жила. Он ее воспитал, вырастил, замуж отдал. Она искала кого-нибудь из этой семьи. Я спросила, как она меня узнала. Она говорит: «Ты похожа на своего дедушку». Потом она мне рассказала, как жила у дедушки, как моей бабушке помогала. Приходила, стирала, гладила. В пятницу приходила, помогала готовить на субботу. У них такая печь была большая, туда в пятницу еду клали и печь замазывали, чтобы теплая была. Она приходила, печь замазывала. Потом шла в магазин дедушки, я сама не знаю, что там продавали, и она там брала все, что захочет. А ей всегда говорили: «Бери больше, для детей бери». Вот такие были дедушка и бабушка. Сама эта женщина старая такая, в морщинах. И потом она мне говорит: «Скоро перед вами откроется счастье. Ты бери своих детей и езжай в Израиль. Первая езжай. Дети твои вырастут грамотными». Дура я, что не поехала. А то один 7 классов окончил, другой – 6, третий – 8. Что это такое? И я малограмотная.

– Вы почувствовали на себе государственный антисемитизм при Сталине?

– Да. У жены моего брата было четверо братьев. Они жили в Богдановке. Он работал в школе директором. У них там что-то такое получилось, его забрали и убили. Сталин убил. За что? Я все время Сталина проклинаяю. Зачем он такого человека убил? Я когда приехала в Богдановку, дядя меня ругал: «Зачем ты сюда приехала, уезжай!» Это было в 1939 году, когда его убили.

– Когда в 1953 году умер Сталин, как вы к этому отнеслись?

– Плакала я за ним. Потом вспомнила, что он сделал. Я почему плакала? Потому что подумала: кто теперь над нами будет?

– Для вас было неожиданностью, что Хрущев говорил на XX съезде?

– Вот этого я не знаю.

- Как вы к Хрущеву относитесь?
- Не знаю, не помню я его.
- Вы сейчас ходите в синагогу?
- Нет, у меня ноги больные. В праздники хожу. В Йом Кипур хожу.
- В центр «Товуши» ходите?
- В центр ходят мои дети. Танцевать ходили.
- Вы любите еврейские песни, поете их?
- Уже забыла, не помню. С какой радости нам было петь, сиротой росла. Когда я могла успевать петь?
- С учетом вашего опыта, что бы вы хотели пожелать потомкам?
- Чтобы были люди счастливыми, чтобы не мучились, как мы. Чтобы все народы были дружными, чтобы не было войны.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Дома горских евреев в первой половине XX в. были невелики, крыши плоские. Стены из плетня. полы земляные. Только у немногих были деревянные полы, что говорило о зажиточности семьи. Во дворе строили печи, в которых пекли хлеб. В 70-е гг. XX в. колонка меняет свой вид. Появляются двухэтажные дома, современные, с ухоженным двором. Вырисовывается социальное неравенство среди членов общины. Сакли чередуются с виллами. С 90-х гг. горские евреи вынуждены покидать свои дома и уезжать в Израиль.

² До сватовства девушка не встречалась с будущим супругом. Выбирали родители или старший брат. Если обратить внимание на свадебный обряд, то в нем можно проследить сходство с обрядами соседних народов. Игры во время свадебных вечеров, рассаживание за столом отдельно мужчин и женщин, подарки – подобное наблюдается у кабардинцев и балкарцев. В 60-е гг. у горских евреев невеста надевала европейское платье. За столом усаживали мужчин и женщин вместе. Были налицо модернизация обряда, упрощения, но главные элементы, связанные с еврейскими традициями, остаются в силе. Более того, выехав из Нальчика, горские евреи в Израиле, США продолжают соблюдать обряды в том виде, в каком они проходили в г. Нальчике.

Яков Шамилов

11 января 1998 г.

Нальчик

– Когда вы родились?

– 5 декабря 1930 года.

– В каком городе?

– В Нальчике.

– Сколько вам лет?

– Исполнилось 67.

– Вы знаете, почему вам дали такое имя – Яков?

– Я не знаю. Дело в том, что и у матери, и у старших моих родственников имена русские. Родители меня так называли.

– Вы что-нибудь знаете о своих бабушках и дедушках?

– Мой дедушка работал в райпотребсоюзе заготовителем. Ездил по селениям и менял промышленные товары на сельхозпродукцию. И еще выделял кожу.

– Что потом стало с этим производством?

– При Советской власти все забрали и дедушку посадили на два года. Забрали лошадей, коров. Организовали здесь еврейский колхоз.

– Дедушка отсидел эти два года?

– Он отсидел 8 месяцев только.

– Вы сказали, что здесь был еврейский колхоз. Вы что-нибудь подробно о нем знаете?

– Я не помню, я был маленьким.

– Кто-нибудь из родственников работал в этом колхозе?

– Я не знаю, не помню.

– Чем занимались ваши родители? Как их звали?

– Отца звали Эрзо, он тоже работал заготовителем.

– Долго обычно отец отсутствовал?

– Недели полторы. Каждую субботу его друзья-кабардинцы приезжали из селения и останавливались у нас. Они приезжали на базар. Мать их всегда гостеприимно принимала. У нас тогда было большое хозяйство. Мать держала кур, лошадей, коров. В общем, хозяйство было большое.

– Как маму звали?

– Феня.

– Родители ваши где-нибудь учились?

– Она в детдоме была. Ее мать и отец умерли в один день.

– От чего они умерли?

– Мать не знает. Она была тогда в детдоме. Она говорила, что ее родители заболели.

– Когда она была в детдоме, она училась там?

– Наверно, училась. Она была грамотная. Отец тоже был грамотный.

– На каком языке говорили дома?

– На еврейском.

- Вы помните, какие блюда она готовила?
- Она готовила курицу, ее резал раввин. Делала голубцы. Тонко резала яйца и добавляла в фарш. Еще тонко резала тесто, как макароны, и делала запеканку. А хлеб пекли тоже сами в печах. Она готовила все дни, кроме субботы. В субботу не работали.
- Какие сладости делали?
- Когда у нас был Пурим ¹, тогда делали пироги с повидлом, с орехами. Сладости готовят. Через месяц Пасха – и делают мацу. Сейчас нам присылают из Москвы, а раньше пекли сами.
- Раньше как-то готовили дом к Пасхе?
- Стирали одежду, чистили дом.
- А если хлеб оставался в доме к Пасхе?
- Я уже не помню, но, наверно, отдавали курам.
- Какие еще еврейские праздники вы помните до войны?
- Ну я помню Пурим. Потом мы отмечали Йом Кипур. Резали по одной курице на человека. Для мужчин резали петуха, для женщин – курицу. У нас было семь человек в семье, и столько резали кур. И сейчас так делают. Потом еще был Новый год.
- Как отмечали Новый год до войны?
- Вот это я не помню.
- А еврейский Новый год отмечали?
- Мы отмечали Йом Кипур. Резали петуха, кур.
- Семья ходила в синагогу?
- Вся семья ходила. Синагога была на улице Нагорной. Как сейчас ее называют, я даже не помню.
- Вы помните, как выглядела синагога?
- Большая была. Кирпичная, метров двенадцать.
- Сколько этажей, помните?
- Один этаж. Внутри была очень большая. Много народу могло поместиться. Висели большие люстры. Выносили сверток – Тору, и его все целовали.
- Вы помните, как выглядел ваш дом?
- Дедушка и бабушка жили в одной комнате, а мы, пятеро детей, мать и отец, – в другой комнате спали на земляном полу. Деревянных полов не было. Глиной мазали.
- А мебель была?
- Я даже не помню. По-моему, кровати, появились потом. Клади доски, на доски ковер, и на этом все спали.
- Кто строил этот дом?
- Дед моего деда.
- Чем топили дом?
- Дровами.
- А кто строил печь?
- Еврей строил.
- Где хранили посуду и одежду?
- Не помню.
- Вы помните, какой у вас был двор?

– Двор был большой, с садом. Много фруктовых деревьев – алыча, яблони, груши, черешни. Овощи были. Картофель. Была своя сметана, молоко, яйца.

– А что покупали?

– Я даже не помню. У нас все свое было.

– А одежду где покупали?

– В магазинах все было, и очень недорого.

– Вы помните день, когда пошли в школу?

– Я не помню точно день, но помню, что в школу ходил только два года. Потом началась война.

– На каком языке вели уроки в школе?

– Один час у нас был на горско-еврейском, все остальные предметы на русском.

– В какие игры играли?

– В казаки-разбойники.

– Ваша семья по достатку какой считалась?

– Все жили хорошо.

– Отец что-нибудь рассказывал о селениях, в которые ездил?

– Нет. Знаю только, что когда создали колхозы, люди стали жить плохо.

– Родители как-то обсуждали эти проблемы дома?

– Нет.

– Сколько вы держали скота?

– У нас были три лошади, много коров, кур. Отобрали во время организации колхозов в 1928–1930 годах. Перед войной у нас уже ничего не было. Была кукуруза, и мать носила ее на мельницу.

– До войны как вы узнавали новости? Было радио?

– И дома, и на улице было большое радио. Каждую субботу люди собирались вокруг и слушали. Не у всех было радио.

– Газеты дома были?

– Этого я не знаю.

– Вы помните тот день, когда объявили войну?

– Этого я не помню. Я даже не помню, как отец уходил на войну. Я помню только с 1942 года.

– А что вы помните из этого года?

– Помню, как объявили, какие города захватили. Помню, как уже в конце 1942 года мы шли на базар, дошли до Кабардинской улицы, но налетели самолеты и начали бомбить. Мы вернулись домой и спрятались.

– Куда вы шли в тот день?

– На базар.

– Базар работал тогда?

– Да.

– Где вы прятались во время бомбежки?

– У нас были готовы траншеи, там и прятались. Сверху было накрыто деревьями.

– Что было внутри траншей?

- Теплые вещи. Сухое сено.
- Вы помните, как вошли немцы в город?
- Мы были на улице и видели, как они въезжали на мотоциклах с люльками. Их было по пять-шесть человек на мотоцикле. Мы быстро вернулись домой, боялись, что нас они могут убить.
- А почему вы так думали?
- Мы ведь слышали, что они убивают евреев. Но они никого не трогали. Тут недалеко у них был штаб. Там они жили и питались. Требовали прийти с паспортами. Моя мама тоже всегда на работу ходила.
- Как забирали на работу?
- Говорили собраться в определенном месте. Приказ отдавали полицейские, которые на них работали.
- Что-то конкретное против евреев было тогда, во время оккупации?
- Пока они были здесь, они заходили к нам три-четыре раза ночью. Но у нас ничего не забрали.
- А были, кроме горских евреев, другие евреи?
- Европейские тоже были в городе.
- Во время войны или после?
- Во время войны их мало оставалось. Они уехали до этого. У них не было здесь собственных домов. Они были эвакуированные из больших городов.
- Они рассказывали вам о том, что происходило в их городах?
- Мы не спрашивали.
- Мама рассказывала, какую работу их заставляли делать?
- Что говорили, то и делала.
- Кого регистрировали в штабе?
- Только евреев. Когда мы разговаривали между собой, они не могли понять, на каком языке мы говорим. Это ведь был не тот еврейский, какой они слышали до этого.
- К вам в дом приходили проверять, кто вы и что вы?
- Нет. Они два-три раза приходили просто посмотреть, и все. Потом заборы стали ломать, им дрова нужны были.
- Был ли какой-нибудь страх?
- Конечно, был. Мы думали, что нас убьют.
- А отец был тогда дома?
- Нет. Он был на фронте. Дед был дома. Отец ушел на фронт в начале войны.
- Что случилось с отцом на войне?
- Пришло извещение, что погиб. А дедушка умер в 1944 году. Когда немцы пришли ломать забор, он не разрешал, и они бросили на него забор и сломали ему руку. Детей не трогали. Во всяком случае, нас не тронули и я не слышал, чтобы на нашей улице они детей трогали. Про других не знаю.
- Как был освобожден город, вы помните?
- Они ночью ушли, мы даже не знали, что ушли. Утром, когда встали, не увидели ни одного немца. Где-то в 6 утра около магазина я увидел наших солдат. Когда ушли немцы, мы еще долго плохо жили, потому что кушать было нечего. Хлеб был по карточкам. На базаре все было,

но мы не могли купить. Мы были все маленькие, никто не работал. Правда, потом я начал работать на базаре в магазине. Я знал по-кабардински. Все, что просили, то и делал. Помогал продавать. Мама тоже пошла работать на макаронную фабрику. А мамин брат работал тогда министром пищевой промышленности.

– Как его звали?

– Арон Шамилович Шамилов. Перед оккупацией он эвакуировался в Киргизию.

– А вы с ними не могли уехать?

– Они нас с собой не взяли потому, что он не один уехал, а вместе со всем министерством. Даже во время войны мать немцы спрашивали, партийная она или нет. Все знали, что ее брат был партийный и занимал большой пост. Но все нормально закончилось. Потом дядя вернулся и опять стал министром.

– Как вы поженились со своей женой?

– Я женился в 1949 году. Ее родная тетя как-то пришла ко мне и рассказала о ней. Она сказала, что ее племянницу очень многие сватают. И она меня спросила, не хочу ли я на ее племяннице жениться. Я сказал, что я еще не собираюсь жениться. У меня тогда своего дома еще не было. Мы жили в доме, который до войны, в 1938–40-х годах, отец построил. Он тогда взял ссуду у государства. Дом он строил со своим братом. Под одной крышей жили, и дом оставался недостроенным. Только лет 20 назад мы его достроили. В общем, пошел я советоваться к своему дяде министру насчет женитьбы. Дядя поехал в ту семью. Зашел. Я сам спрятался, не заходил. Они сразу дали согласие. А я сказал: «Я еще не давал согласие. Хочу сначала посмотреть на невесту». Когда ее увидел, сразу согласился. Мы сразу свадьбу не делали. Три года так жили. В 1953 году я поехал работать на шахту. Когда заработал деньги, вернулся, сыграли свадьбу. Потом я ее тоже забрал на шахту, в город Тырныауз. Мой старший брат тоже там работал. Можно сказать, что мой старший сын там родился.

– Вы помните, как проходила свадьба?

– Позвали всех знакомых и родственников. Зарезали корову. Приходили в гости и давали деньги по двести, триста рублей. У нас такой обычай.

– Где вы регистрировались?

– Там же, где и работал.

– По еврейским законам регистрировались?

– Да, есть бумаги.

– А что там написано?

– Ну, кормить и содержать жену несмотря ни на что.

– Как проходила свадебная церемония?

– На ней была фата. Потом в 12 часов ночи меня отвели к ней, чтобы узнать, она девственница или нет. Когда нас оставили одних, я узнал, что она была девственница. Вынесли простынь с кровью как доказательство, что она на самом деле была девственница².

– Сама еврейская свадьба проходила в синагоге или дома?

– В доме.

– Раввин приходил?

– Да. Он читал молитву. Я должен был повторять, что он говорил. Потом дал рюмку, и я должен был ее разбить.

– Зачем надо было разбить рюмку?

– Это значило, что ночью я должен был лишить ее девственности³. Потом на второй или третий день мы уехали на шахту, и там я тоже сделал вечер.

– А там где вы жили?

– Государство предоставило нам квартиру, в бараке.

– Долго вы работали на шахте?

– Я там еще три года потом работал. Вернулся в Нальчик в 1955-м или в 1956 году и стал работать заготовителем. Меня оформили на работу в течение одного дня. Фамилия моя была известная. Мне дали деньги под отчет, и я стал работать. До 1993 года я работал заготовителем. У меня много наград за хорошую работу.

– Вы знали, что происходило в государстве в 40-е и 50-е годы? Про обвинения против евреев?

– Нет. В то время у меня была одна задача – прокормить семью.

– А кто-нибудь из ваших родственников пострадал?

– Моего дядю сняли с поста министра в 1955 году.

– А почему?

– Ну, говорили, что в Москве врачи что-то сделали против Сталина, и его сняли после того, как пришла телеграмма из Москвы. Его назначили потом директором на пивзавод. Вот что я знаю, а с другими ничего такого не происходило.

– Сколько у вас детей?

– Было три сына, один умер. Один живет со мной, другой отдельно. Старший сын работал со мной в лесхозе. Потом он открыл трикотажный цех. Сейчас занимается бизнесом. Он женился, и у него один сын и одна дочь. Она сейчас в Америке. Второй сын, самый младший, живет со мной. Его зовут Рудик.

– А как зовут вашу жену?

– Лиза.

– Чем она занималась?

– Она работала на чулочной фабрике. Вязала кофты.

– Вы знали раньше об Израиле, о его истории?

– Мы даже не знали, что такое Израиль.

– Когда впервые узнали?

– В 1971 году я брата провожал. Двоюродного. Он до сих пор там живет. Работал на военном заводе. Сейчас на пенсии.

– А почему он тогда уехал?

– Даже не знаю.

– Как относились к этому люди тогда?

– Нормально, я не слышал, чтобы кто-нибудь его осуждал. Потом другие стали уезжать. Мой родной брат продал дом матери и тоже уехал. Сестры мои тоже уехали. Я не хочу ехать никуда. Я кабардинский язык знаю, и возраст у меня уже преклонный. Они меня голодным не

оставят. Получал хорошую пенсию, 440 рублей. Жена получает пенсию 300 рублей. Мне нечего в Израиле делать.

– А вы ездили в гости туда?

– Не ездил.

– Что бы вы хотели пожелать людям?

– Чтоб никогда не было войны. Желаю, чтобы все люди жили спокойно.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ *Пурим*. В 3404 г. (356 г. до н. э.) в месяц Нисан над евреями нависла угроза полного уничтожения. События происходили в Персии, где жили предки горских евреев. Пурим – это праздник единства евреев. В горско-еврейской колонке он был одним из главных. Пекли сладости, раздавали соседям, дарили подарки. Все друг друга поздравляли и говорили: «В следующем году в Иерусалиме».

В еврейских семьях девочек называли Шушан, по имени города, где праздновали 15 адара, т. к. евреи 13-го и 14-го расправились с врагами. Сохранились легенды об Эстер, которая с помощью Бога спасла народ. И в ее честь называют девочек, только не Эстер, а Истырь, с восточным акцентом.

² У горских евреев сохранился до наших дней обряд по поводу акта дефлорации как показателя непорочности невесты. Возраст невесты 12–15 лет. И хотя от сватовства до свадебного обряда проходило от трех месяцев до года и больше, но вступать в брачные отношения запрещалось до свадьбы. Если девушка не сохранила целомудренности, это объявлялось гостям, и жениху предоставлялось право – вернуть невесту в родительский дом или простить ее.

³ Ответ Якова Шаилова подчеркивает факт, что многие горские евреи, исполняя обряды согласно исторической памяти, не знали, что означает тот или иной обряд. Обычаи передавались из поколения в поколение.

Лена Симахова (девичья фамилия Амирова)

10 января 1998 г.

Нальчик

– В каком году вы родились?

– В 1930 году, 26 июня.

– Сколько вам сейчас полных лет?

– 67 с половиной.

– В каком городе вы родились?

– В Нальчике.

– Расскажите о своих дедушках и бабушках, если знаете о них.

– Про дедушку ничего не знаю, он давно умер, а бабушка работала все время заготовителем, в то время, когда я еще была девочкой; отец тоже все время работал.

– Как звали бабушку?

– Бабушку звали Шахал.

– А что она заготавливала?

– Она собирала продукты, у нее был товар, обменивала, снова брала другой товар.

– Вы знали, чем занимались дедушки и бабушки до революции?

– Не знаю.

– Чем занимался отец?

– Отец работал на кожзаводе.

– Как звали отца?

– Натон.

– Какого он года рождения?

– 1907 года.

– В чем заключалась его работа?

– Он выделывал кожу.

– Как много работали люди на заводе? Сколько часов отец отсутствовал?

– Утром отец уходил в семь часов, в три-четыре приходил.

– В доме кто-нибудь работал, кроме отца?

– Мать до войны работала. На трикотажной фабрике. С восьми утра до трех.

– Как звали маму?

– Иоди.

– Кто занимался детьми дома?

– Мама оставляла на золовку или на свою мать. Когда я подросла, стала за младшими смотреть. И в школу ходила, и за детьми смотрела.

– В каком доме вы жили?

– Мы жили в среднем доме, раньше он был турлучный, а потом саманный.

- А что такое «турлучный»?
- Из плетней, их связывали и заливали глиной. А потом в 1935 году построили саманный дом. Саман – это сделанный из глины блок.
- Сколько было комнат?
- Была одна кухонька, спальня, один зал и коридор. Отапливали то дровами, то шелухой. В двух комнатах у нас была печка.
- Какая мебель была в доме?
- Старая, кровати деревянные и железные. Столик и стулья.
- Семья по доходу какой считалась?
- Средняя семья.
- Сколько человек было в доме?
- В этом доме жила моя тетя, отцасестра. И нас было четверо детей у отца. В этих трех комнатах мы все жили.
- Какое-то хозяйство держали?
- Бывало, держали. Когда мать перестала работать, отец купил коров, лошадь. Он в воскресенье ездил к бабушке моей в селение.
- Где вы брали продукты?
- Продукты брали в магазине, на базаре.
- А свое хозяйство держали?
- Своего не было. Дворик был маленький. Вот корова была, молоко, и во дворе мелочь всякую сажали.
- Вы ходили на базар до войны?
- До войны не ходила. Я училась. А во время войны мне приходилось ходить на базар. К нам приезжали гости из селения. Оттуда, где жила моя бабушка. Они привозили то муку, то чеснок, то яблоки. Я, будучи ребенком, брала это, выносила на базар и продавала.
- А в магазин ходили до войны, видели, какие магазины были?
- Конечно, видела.
- А что обычно в магазине покупали?
- Хлеб брали обычно, сметану, сахар, конфеты, печенье. Мясное в магазине не брали, потому что мясо у нас специально раввин резал, и мы всегда брали у раввина. У меня отец был верующий, и мы с базара не имели права брать мясо.
- За коровой кто ухаживал?
- Мама ухаживала.
- А пасли ее где?
- В Вольном Ауле был пастух, и все туда выводили. Мать водила, а когда я повзрослела, я водила.
- Вы ходили в синагогу, ваша семья?
- Отец ходил постоянно. Мы, дети, на праздники всегда ходили.
- Какие праздники?
- В основном ходили на Йом Кипур¹ и на Пасху.
- Как проходил Йом Кипур? Подробно можете рассказать?

– Конечно. До войны я ходила, а после войны не стала ходить, потому что и в доме что-то, и дети пошли. А тогда бабушка – она была верующая – из воска делает свечку, и были специальные места, где ставили эти свечки. И я всегда ходила и гордилась, что бабушка моя сделала так.

– Кроме этого, что еще особенного было в этот день?

– Читали мы в синагоге, слушали молитвы. Бабушка держала пост. Я тоже лет с десяти им подражала. К вечеру, когда был особый обряд, все приходили в синагогу и потом шли на речку. Там молились Богу. И сейчас так делают, когда праздники.

– Как Пасху отмечали?

– Пасху отмечали дома. Отец ходил в синагогу, а мы дома. За неделю до этого делали уборку по еврейскому обычаю.

– Как обычно делали уборку?

– По обычаям, с чердака брали новую посуду для Пасхи, а всю старую бабушка прятала. Хлеб носили. Строго было, и во дворе бабушка запрещала кушать хлеб.

– А если дома оставался хлеб?

– Уносили.

– Куда уносили?

– Или корове давали, или куда-то девали. Факт, что дома ни куска хлеба не было. Даже обычную посуду убирали или в сарай, или еще куда-нибудь.

– Что готовили на Пасху?

– Бульон готовили. Рис добавлять бабушка не разрешала. Мясное или курица. И мать у меня всегда готовила рыбу фаршированную. Снимала кожу, наполняла ее фаршем, и вот это было у нас на первую ночь, на Пасху. И маца на столе. Яички варили. Кроме того, готовила, не знаю как на еврейском, у нас говорят берлю – яички, яблоко, орехи, туда мацу добавляли, пряности, и все это она перемалывала и клала на стол.

– Когда сидели за столом, о празднике что-нибудь рассказывали?

– Нет, не рассказывали.

– А какие-нибудь еще праздники помните? Какой был любимый праздник?

– В основном, что отмечали, – это Пасха и Йом Кипур, Рош Ашана.

– А как Рош Ашана отмечали?

– Ставили фрукты на стол и что-нибудь необычное. Бабушка говорила, что надо поставить семь разных продуктов: горький лук, голову, рыбу, тыкву – ну, в общем, чтобы было семь продуктов. И все это надо было макать в мед. Я спрашивала бабушку: «Ну хорошо, яблоко будем макать, а как лук макать?» Она говорила: «Нет, по обычаю надо все макать».

- Какие-то подарки делались?
- Нет, подарков не было.
- Как проходил субботний день?
- Отец на работу в субботу не ходил. Огонь бабушка не зажигала, обычно печь зажигали мы. Старшие не зажигали.
- Как пища готовилась к субботе?
- Готовилась как обычно. Что-то особое не готовили.
- А как питались в субботу?
- Мы, дети, обычно разогревали пищу. Бабушка рассказывала, что до этого, давно, близко никого не подпускали к печи. Кто-то с улицы, нееврей, приходил, ему платили, и он зажигал.
- Вы помните свой первый школьный день?
- Мне было 8 лет, школа была рядом, сумку мне мама купила, тетради. Точно так же, как мы сейчас детей провожаем, так и меня проводили.
- На каком языке было преподавание?
- На русском, и был урок татского языка один раз в неделю. Когда я училась до войны с первого до пятого класса, Камуил Исаакович Гилядов преподавал татский язык.
- В семье на каком языке говорили?
- На татском.
- В этой школе, кроме еврейских детей, кто еще учился?
- Были и русские, и кабардинцы, и осетины. Кто жил недалеко от этой школы, те и учились.
- Еврейский язык кому преподавали?
- Преподавали тем, кто желал. Независимо от национальности.
- Сколько дней учились в неделю?
- С понедельника до воскресенья.
- А в субботу?
- Учились.
- Как родители к этому относились?
- Никак. Раз положено, значит, положено. Это сейчас стали в субботу не учиться. С тех пор как поменялось все, и теперь, когда школа обеспечивается Израилем, или не знаю что... в субботу не учатся².
- Какие советские праздники отмечали?
- Все.
- Как это проходило?
- Как всегда. Праздник – надо на парад идти, дети собирались в школе и шли на парад. Делали утренники для малышей и вечера для старшеклассников. Делали все как положено.
- Какие были отношения в школе между детьми?
- Очень хорошие. Тогда не знали, кто еврей, кто русский, кто кабардинец. Очень дружные были.

– Какие были интересы помимо школы? Чем занимались дети в свободное время?

– Были детские игры всякие. Водили на экскурсии.

– Куда обычно водили?

– Учитель по географии возил на экскурсии в Приэльбрусье.

– Вот вы что делали в свободное время?

– Когда приходила из школы, делала уроки, смотрела за младшими.

Больше ничего не было.

– Пионеры, октябрюта в школе были?

– Были. Я была пионеркой. Были кружки.

– А вы посещали какие-нибудь кружки?

– В школе – нет, а во Дворце пионеров посещала танцевальный кружок.

– Какие танцы вы учили?

– В основном кабардинские танцы.

– Вы сказали, что у вас были братья. Расскажите о них, чем они занимались до войны, сколько им было лет?

– До войны старшему было года три-четыре, его звали Миша. Он пошел в школу только после войны. Другой совсем маленький был. Третий во время войны родился, в 1943 году, и умер, когда ему было два года.

– Скажите, рождались мальчики, и по еврейской традиции...

– Сразу делали обрезание³.

– На какой день делали?

– Привезут из больницы, и на девятый-десятый день делали.

– Как это проходило?

– Домой собирали гостей, раввин приходил, делал обрезание. Потом ребенка и мать уводили в другую комнату, а гости сидели, гуляли, пили.

– До войны вы были на еврейской свадьбе?

– Вот отдали мою тетю замуж, я села вместе с ними в фазтон и поехала кататься по городу. Тогда машин много не было.

– Вы знали, как поженились ваши родители?

– Мои родители поженились не по воле моей матери. Она не хотела выходить за отца замуж. Семья родителей моей матери жила в Кизляре, там их раскулачили. Он приехал с семьей сюда. Потом дедушка женился на другой женщине из-за того, что у них не было мальчика, были все девочки. Родился мальчик у нее, и мачеха была в том же доме, и мать родная. Мать была очень спокойная женщина, вроде ее не обижала, а мачеха была родственницей моего отца, и она заставила выйти мать замуж. Мать хотела тогда учиться, она окончила только 5 классов, была очень способная в учебе. Они ей не разрешили учиться и выдали за моего отца. Развестись они не имели права.

– Значит, у вас были две бабушки?⁴

- Две. Со стороны матери.
- Как их звали?
- Одну Сара, другую Шеней.
- Как жили родители, их отношения друг к другу?
- Жили они неплохо. Сказать, что у них была особая любовь, нельзя, но жили они нормально. Шума не было, скандалов не было.
- Приходили гости в дом?
- Друзья отца приходили, посидят. Особенно в воскресенье. Дружное было время.
- Вы знали, что происходило в мире, в Германии, кто там пришел к власти?
- Нет, я не знала.
- А в школе?
- В школе тоже в основном ни о чем не говорили. Мы только историю Древнего мира, нашу историю учили. А так всего этого не было. Нам никто не говорил.
- А о том, что немцы могут напасть на Советский Союз, что-нибудь говорилось перед войной?
- Нет. Я только помню финскую войну. Почему помню, потому что ходила с соседями очередь занимать за хлебом. Знала, что где-то война, потому с хлебом перебои.
- С вами тетя жила, чем она занималась?
- Она работала продавщицей, воду продавала, кондитерские изделия – в магазине работала.
- Кроме горских евреев, жили европейские евреи в городе?
- Европейские евреи во время войны эвакуировались и приехали к нам. В отцовском доме они жили несколько месяцев и потом еще у свекрови. К ним приехали. Приняли мы, а месяца через три или два они уехали, и мы не знали куда. О тех, которые жили в отцовском доме, мы больше ничего не знали, а с теми, кто жил в доме моей свекрови, мы лет 20 или 30 переписывались. У них была одна девочка и двое мальчиков. Мы с ними очень дружны. Муж у нее был на фронте. Лет 6 или 7 назад наша переписка прервалась.
- Вы помните, как выглядела синагога?
- Синагога была очень красивая. Было очень много народа. В этой синагоге было два отдела. Один отдел – комната отделенная. Из этой комнаты, когда я проходила, – а я ходила только на праздники, – плач слышался. Женщины плакали. Целый день они сидели и плакали. Потом я как-то спросила у отца: «А что они плачут?» Он говорит: «Сегодня такой день, Судный день, они просят у Бога, чтобы все было хорошо у них в этом году». Тогда я узнала, что в праздник Йом Кипур надо плакать и просить что-то у Бога.
- А кто там плакал, какие евреи?

– Европейские евреи, это была отдельная комната для европейских евреев. А остальное было для наших, горских.

– А другие службы для европейских евреев где проходили?

– Там же.

– А раввины какие у кого были?

– Я точно не помню, какие у кого были раввины. Я этим не интересовалась.

– А здание синагоги какое было?

– Очень красивое здание. С красивыми куполами, с рисунками.

– Помните имена каких-нибудь раввинов?

– Почему не помню? Они все были моими родственниками. Нахамиль Амиров. Шамиль Амиров. Был Менахем. Тоже Амиров. Был еще Ифраимов. Имя не помню. Да, Израиль. Это все до войны. После войны Нахамиль и Шамиль. Они очень долго служили.

– Скажите, а кто резал птицу, мясо?

– Раввины резали.

– Вы помните начало войны? Опишите этот день.

– Я была в школе, прихожу, и мне родители говорят: «Началась какая-то война». Я спрашиваю: «Какая война?» Мне говорят: «Германия напала на Советский Союз». Мы все были настороже. Не знали, что нам делать. Потом мы слушали радио, где что происходит, как она идет. Когда она дошла до нас, мы решили уехать. Эвакуироваться. У нас был родственник-коммунист Амели Амиров. Мы с тетей были молодые. Он пришел к нам и говорит: «Вы не слышали, что они издеваются над девушками, убивают детей? Мы эвакуируемся». Он говорит родителям: «Если вы не хотите эвакуироваться, дайте мне этих девушек увезти». А отец говорит: «Если сможем, уедем, а если нет, то что с нами случится, то и с ними. Не могу я детей с вами послать». И он нас не отпустил. Потом, когда война стала близко, отец решил уехать. Давайте, говорит, соберемся и уедем. Кто куда едет, туда и мы уедем. Главное – на лошади. Куда мы могли на лошади и подводе уехать с такой семьей?! Доехали мы до селения Аргудан, где моя бабушка работала, и тут у нас лошадь заболела. Потом нам кабардинцы сказали: «Никуда не уезжайте, если не дай Бог что – мы вас спрячем. Будете жить у нас».

– Когда вы собирались уезжать, что вы взяли на подводу?

– Ничего, кроме постели.

– А еду?

– Много ли на эту подводу можно было взять? Немного еды и немного денег.

– Вот вы говорили, что кабардинцы сказали, что будут вас прятать. А почему вы думали, что придется прятаться?

– По радио ведь передавали, что убивают евреев. В таком-то месте

столько-то евреев убили, что коммунистов убивают, и все такое. И они сказали: «Оставайтесь, куда вы едете? Мы сохраним вас, спрячем по домам. И никто не будет знать, что вы евреи, если мы сами не скажем, а это мы не скажем». И вот таким образом мы остались в селении Аргудан. С того дня, как немцы пришли, и до того дня, как они отступили.

– У кого вы там жили?

– Мы жили у Камбачоковых.

– Большой у них был дом?

– Да, у них было комнат шесть-семь. Они нам выделили две комнаты.

– Вы в этом доме были весь период оккупации?

– Мы пробыли там два-три дня и потом с бабушкой приехали в Нальчик, нам надо было кое-что забрать. Приехали в Нальчик, и тут же стали бомбить. Немцы зашли. Я с бабушкой тут осталась, а семья в Аргудане. В то время как мы оттуда уехали, бомбили Аргудан, и одна бомба упала в их двор. Разбило окна, двери. Осень была. И теперь нам ехать туда, а мы боимся. Тут в еврейской колонке кабардинец жил недалеко. Он работал с моей бабушкой на заготовке. Он говорит: «Знаете что? Я запрягу свою лошадь, и вас двоих отвезу». И он нас отвез в Аргудан. Приехали туда и видим, что все разбито. И мы стали жить на другой квартире.

– А вы помните, как немцы входили в Нальчик? Вы присутствовали при этом? Как это проходило?

– Конечно. По-над речкой заходили. И главное – брат мой двоюродный вышел на улицу. Самолеты летят. А были слухи, что это американские самолеты, Америка помогает СССР. Он стоит во дворе и кричит: «Американские самолеты!» И тут как начали нас бомбить! Вот тебе и американские самолеты... Мы вместо того, чтобы в окопы лезть, в подвал залезли. Все на базаре, как раз воскресный день был, потом они прибежали, нас из подвала вытащили и в окопы забрали.

– Как выглядели окопы?

– Рыли длинную траншею, сверху клали доски и сыпали землю, в самом краю оставляли что-то вроде прохода с двух сторон.

– А внизу что?

– Земля.

– А как долго можно было находиться в такой траншее?

– Сколько нужно было, столько и сидели.

– А продукты?..

– Когда переставали стрелять, старший выходил и приносил из дома.

– А спали как?

– На полу там, прямо на земле. Но мы там долго не были. Когда уже немцы зашли, мы вышли из этих окопов.

– И вот вы вернулись в Аргудан...

– Мы вернулись и поселились в другом доме, прожили месяца два. Там у них было три комнаты. Потом еще соседи собрали всех детей, завели их в нашу комнату. Мы все в одной комнате жили. А этих кабардинцев тоже выгнали к нам в нашу комнату, и поселился какой-то начальник в доме. Черт его знает, кто он такой был. И утром мы только слышали: «Хайль, хайль». А дети младшие говорили: «Гавкает там кто-то» – и смеялись. Мы не знали, что такое «хайль». Это был какой-то начальник. К нему солдаты приходили, и он им что-то объяснял. И как раз под Новый год я сидела, штопала и зашел один немец. Он бросил мне свои носки, а я боюсь, ничего не говорю. Свое отложила и начала его штопать. Потом он приносит свою одежду. Бросает моей тете и показывает: «Стирай». А она возьми и скажи: «Мыло дай». Он что-то сказал, накричал и ушел. Потом моя бабушка зашла, и я ей сказала: «Немец зашел, дал мне носки штопать, а Хундуз дал одежду стирать, а она у них мыло попросила. Он начал кричать». А бабушка говорит: «Ты что наделала, ты детей моих погубишь, как тебе не стыдно! У меня же мыло ящиками». А бабушка для заготовки брала это мыло. Потом немец зашел и говорит: «Я тебя знаю, ты с еврейской колонки!»

– На каком языке он говорил?

– На русском. У нас тут была немецкая колонка, в Александровке ⁵, он оказался из этой немецкой колонки. Потом через день-два они пришли пьяные, кричали, орали на каком-то языке. А мы спрятались в уголке, и эти кабардиночки с детьми. Потом пришла соседка, у них двери были сквозные, и говорит: «Давайте мы вас поодиночке уведем». Они же обещали, что нас сохранят. Это было ночью.

– А чего боялись вы?

– Как же не боялись, они же кричали, били вокруг все.

– А кабардинцы?

– Они вывели через заднюю дверь отца моего и мать. А хозяйка наша мою тетю спрятала. У нас были такие высокие кровати, она сняла матрацы, положила туда тетю и накрыла этими матрацами. Спрятала, потому что они ее искали. Потом они немного успокоились. Хозяйка стала караулить у дверей, а муж ее увел меня и мою тетю. Довели они нас до речки. Между речкой и нашим домом был другой дом, и они нам показали дорогу и сказали: «Поживите пока там». И мы пришли в этот дом.

– А братья ваши где находились?

– Они еще оставались дома. И их соседи всех тоже забрали. Всех отвели в окопы в дом Камбачоковых. И отец, и мать, все были в этом окопе. А мы с тетей пошли к этим соседям. Пришли мы туда, а там тоже плачут. Тетя моя по-кабардински понимала и спрашивает: «Что случилось?» А там днем что-то взорвалось и убило мальчика. Этот мальчик в другой комнате. И мы начали плакать. Не знаю, то ли из-за

этого мальчика мы плакали, то ли от страха. И наутро мы слышим, как бабушка кричит через речку, зовет нас. Я открыла дверь и говорю: «Хундуз, нас бабушка зовет». И бабушка кричит: «Не бойтесь, идите, никого нет!» И мы пошли в те же окопы. Эту ночь мы просидели в этих окопах. А наутро, в пятницу, она говорит: «Я пойду домой, кушать вам принесу». Она хотела выйти из окопа, но немцы ее обратно затолкали. Там у них танки, оружие всякое. Она вернулась и говорит: «Там столько немцев, будем сидеть тут и никуда не выйдем». Потом ближе к обеду отец вышел, там кабардинцы были, хозяева наши. Они говорят, что по трассе едет много машин, и военные, и штатские. И отец говорит: «Нам тоже надо уходить. Кто знает, может, немцы опять придут. Давайте уедем к себе домой». Он запряг лошадей, посадил нас на подводу, взял кое-что из продуктов. Вышла соседка и говорит: «Нет, Натон, детей в такую дорогу я не отпущу». Схватила лошадь за вожжи и говорит: «Нет, никуда я детей не отпущу».

– Кабардинка?

– Да. «В эту войну, – говорит, – куда ты с детьми поедешь?» «Нет, – отвечает отец, – поедем». Тогда она наполнила подводу продуктами, мешочек с мукой там был. Этот мешок, как назло, оказался дырявым. Вышли мы на дорогу, а там столько народу, и солдаты немецкие, и гражданские. Мы едем, и мука сыпется. Доехали до какого-то селения, начали нас бомбить, и мы в это селение зашли. Посередине улицы у нас там сломалось колесо. Вышел старик-кабардинец, завел лошадь во двор, подводу туда закатили вместе с отцом, и эту ночь они держали нас у себя. Наутро мы снова выехали на дорогу, там было еще пять или шесть подвод кабардинских, и остановились перед въездом в Нальчик в Вольном Ауле ⁶. А зарево такое, будто что-то горит. Мужчины решили отвязать лошадей и сначала проехать по мосту, посмотреть, может, заминировано или еще что-нибудь. И они поехали, тут же мост близко, на Советской улице. Они проехали до моста, увидели, что проехала машина, поняли, что все нормально, вернулись, запрягли лошадей, и мы поехали дальше. Мы проехали мимо здания МВД, это где сейчас здание поликлиники, и мимо нее по узкой дороге поехали прямо в колонку. Приехали мы, а тут были слухи, что нас повезли немцы убивать. Оказалось, что встретились до этого один кабардинец на лошади и еврей, и когда еврей спросил: «Как там в селении?» – кабардинец ответил: «Аруз (так называли мою бабушку) и ее семью немцы убили». Тот еврей вернулся и рассказал, что нас убили. Они уже собирались устроить поминки – все это в течение одного дня. И тут они нас увидели. Сразу набежали, мы и двинуться не могли. Потом мы поселились у дяди. В нашем доме тогда жили наши соседи. У них дом развалился, и они переселились к нам. На другое утро русская соседка, которая жила напротив, стучит нам в окно: «Даша, Даша, партизаны зашли. Немцев

нету». А тетя говорит: «Не верьте ей, она нарочно говорит. Не выходите».

– А почему не верить, почему она нарочно должна была это говорить?

– Она немножко с немцами была связана.

– Что значит «немножко связана»?

– Ну, она водила по еврейским домам, показывала, где евреи живут.

– А откуда это известно?

– Евреи видели это. Она заходила с немцами в еврейские дома, и там все грабили и уносили. И не выпускала нас тетя. Потом двоюродный брат вышел, и все были на улице, пришли партизаны. В Вольном Ауле они. И давай все туда бежать. Вот все, что я помню о войне.

– Как дальше складывалась жизнь?

– Отца забрали восстанавливать Сталинград на 8 месяцев, потом его активировали, он был инвалид, эпилептик. Приехал он. Фабрика начала работать. Молодежь пошла на обувную фабрику работать. Отец пошел обратно на свое место работать, на кожзавод.

– Вот вы говорили, что ходили на рынок?

– То, что кабардинцы привозили, я возила на рынок и продавала.

– А что вы продавали?

– Муку, кукурузу. Мне уже 12 лет было. Я в школу сразу пошла, не в нашу, а в другую. В ту не пускали, говорили, что заминирована. Напротив магазина было общежитие, там открыли несколько классов, и там я училась. И так мы жили до окончания войны.

– А конец войны помните?

– Как не помню?! Все стучали в окна: «Война кончилась, война кончилась!» Девтора кричала, взрослые плакали.

– Вы сказали, что во время войны сюда приехали европейские евреи, вы знали, что происходило с европейскими евреями здесь, в Нальчике?

– Понаслышке, по радио, в кино показывали. В Нальчике нет, я не знала.

– Как складывалась ваша жизнь после войны?

– Я окончила 7 классов. Пошла на курсы стенографии. Потом работала, вышла замуж.

– А как сватали?

– Меня сватали очень многие, но я не хотела ни за кого выходить замуж. Я с будущим мужем росла в одном дворе, мы любили друг друга.

– А вы могли выбирать?

– Конечно!

– Какая свадьба у вас была?

– Не очень богатая свадьба. Раньше свадьбу играли неделю. Дня три-четыре у моих родителей играли, потом три-четыре у мужа.

– Как она проходила?

– Раввин приходил. Приносил хупу – на четырех палках накидка, красивая, разукрашенная. Жениха и невесту заводили под нее, и подружку невесты, и друга жениха. Раввин читал и в конце давал рюмочку жениху и невесте, кольца одевали. Жених обязательно должен был разбить эту рюмочку.

– Почему он ее разбивал?

– Этого я не знаю. После свадьбы я работала в Министерстве коммунального хозяйства машинисткой. Там мне сыграли комсомольскую свадьбу.

– А какая была комсомольская свадьба?

– Ну, собралась молодежь, всего 32 человека.

– На еврейской свадьбе что-то дарят жениху и невесте?

– Жениху и невесте дарят близкие родственники, а так дарят деньги.

– По религиозному закону какой документ выдается?

– Выдается кетуба – так по-нашему называется. Такой большой лист, со штампом. Раввин пишет золотыми буквами.

– У вас сохранилось?

– Есть.

– А что написано в этом документе?

– Я не понимаю, что там написано.

– Но вам говорили?

– Ну, что мужчина должен беречь жену и все такое.

– Сколько у вас детей?

– Пятеро.

– Расскажите о них.

– Старший сын Валера Симахов. Он закончил Краснодарский политехнический институт. Я женила его, как он закончил учиться. Он приехал, ему было 24 года. Женили как? Сама захотела эту девушку. По телефону ему сказала. Он на последнем курсе был. «Я тебя, Валера, хочу женить». – «Как женить, без меня меня женить? На ком ты меня хочешь женить?» Сказала ему, что это подружка Аси, его сестры. Ну он мне и говорит: «Знаешь что, Лен (он меня Лен называет), кого хочешь бери, а я привыкну».

– Сколько лет было невесте?

– Ей было 20 лет.

– Как вас дети называли?

– Старший называет меня Лен, а остальные – мама. Женила я его, у них уже шестеро детей. Двое из них тоже с дипломами. Четыре девочки замуж вышли. Первый сын еще закончил заочно экономический в Москве. Жена его литератор. Сейчас они живут рядом со мной. За ним идет дочь – Анастасия. Она закончила школу, пошла в медицинское училище, на зубо врачебное отделение. Старший их с отличием закончил мелиоративный институт. Он женился недавно, девочка родилась. Они

тоже в Нальчике живут. Третий сын учился в техникуме в Москве. Окончил учебу, и его забрали в армию. Тоже женили его. Тоже сама выбирала. Я всем выбирала сама. Понравится – женись, а не нравится – даю им выбор. Но они все согласились с моим выбором. Ему дали направление в Подмоскowie. Жили они там 12 лет. Потом я перевела их в Нальчик, сделала обмен квартиры в микрорайоне «Искож». Другой сын тоже учился в Москве. Четыре года он там прожил. Приехал сюда, и его женила. А последний сын учился в Ставропольском винном техникуме. В армии он не был. И его женила, и они тоже жили тут. Сейчас он в Америке, а тот, который перед ним, – в Израиле.

– Все свадьбы по каким правилам справлялись?

– И по русским, и по еврейским. С раввином и советским загсом.

– Как вы общаетесь с детьми, которые в Америке и Израиле?

– Летом приезжала сноха с двумя детьми. Сын не смог приехать, у него работа. Расходы очень большие – приехать из Америки.

– Кем он там работает?

– Он работает бригадиром в цеху. Швейный цех. Дает работу рабочим. Когда кто-нибудь из рабочих не выходит, он сам заменяет их.

– А сын, который в Израиле?

– Было ему очень тяжело сначала. Теперь он взял ларечек, его дочь мы выдали замуж еще до того, как они уехали. Потом он вернулся, несмотря на то, что у него там квартира. Он ее там сдал. Ну сейчас все вроде налаживается у сына.

– Так у вас сейчас все дети здесь, кроме одного?

– Нет, двоих.

– Так этот сын не приехал, он в Израиле?

– Да, дочка его приехала с зятем. И две дочки старшего сына тоже в Израиле.

– Почему возникло желание уехать у детей?

– Все связано с работой. Не было работы для младшего, не мог работать. У Рашида тоже не получалось, не знал, как концы с концами свести. Я уже не могла им помочь. Они все продали и уехали.

– Вы вообще знали что-нибудь об Израиле до того, как уехали дети?

– Знала. Моего отца семья уже лет шесть как там. Я была один раз в Израиле.

– Когда вы впервые узнали об этом государстве?

– 22 года назад туда уехал очень близкий приятель моего деверя. Он звонил, приезжал несколько раз, звал, говорил, что, правда, там тоже не очень легко, но будете дышать свободно. С работой для старших будет тяжело, а для молодых попроще. Кто, мол, из молодых хочет, приезжайте, мы поможем.

– А почему они тогда уехали?

– У него отец пропал еще в войну, и ему кто-то сказал, что его отец

находится в Израиле. Он поверил и уехал. Но, оказывается, все это было неправда. Он остался там.

– Как отнеслись тогда к тому, что человек уехал в Израиль, как-то изменилось отношение к вам?

– Нет, ничего, все хорошо.

– А вот о событиях, которые проходили в Советском Союзе после войны, например, дело врачей, вы о них что-нибудь слышали?

– Нет, не слышала я ничего.

– Как вы реагировали на смерть Сталина?

– Все ревели: и взрослые, и маленькие.

– А потом, когда стала известна правда?

– Вот мне, например, не верится. Потому что тогда жизнь была совсем другая, не то что сейчас. Хотя жили тяжело, люди бедно жили, но зато жили спокойно. На хлеб было всегда. Мне как-то не хочется верить. Может, вот так оно и было, но мне не хочется верить.

– Как жили тогда люди разных национальностей?

– Жили бедно, но спокойно.

– Отношения между людьми какие были?

– Очень дружные. Например, евреи и кабардинцы очень дружно жили. Мы жили, как одна семья. Например, по соседству у нас и кабардинцы жили, и осетины. Например, друзья сына, кабардинцы, в наш праздник приходят и поздравляют нас, стариков. Праздник русский – он всегда приходит и поздравляет.

– А вы какие-нибудь кабардинские праздники отмечаете?

– Нет.

– А вы знаете культуру Кабардино-Балкарии?

– Знаем, конечно, знаем.

– Чем занимается ваш муж?

– Он на пенсии.

– А занимался чем?

– Все время на фабрике обувщиком работал.

– Какую обувь шили на этой фабрике?

– Шлепки шили, туфли. Он компрессорщиком был. Сразу после войны работал там грузчиком. Четыре года. Проработал там 38 лет.

– А дома шили?

– Шили шлепки, бурки, чувяки. Бывало, мы дома шили. Мы сами выделывали кожу. Украдкой шили. Выходила на базар и прятала, чтобы милиция не забрала.

– А почему боялись?

– Не разрешали тогда.

– А где брали кожу?

– На базаре. Сырую брали и дома выделывали.

– Много так приходилось шить?

- По силе возможностей. На житье хватало.
- Были случаи, что милиция...
- Были. Забрали у нас. Потом я все документы детей собрала, пошла, показала, объяснила. Мужа осудили, а товар забрали. Нет, его не посадили, но товар не отдали нам.
- Много было товара?
- Порядочно. Где-то месяца на три-четыре.
- Как это происходило, вот они пришли...
- Были, наверно, какие-то слухи, как раз я строилась, дом еще не достроила. Двое их было. У них документы были на обыск.
- А где у вас все это хранилось?
- В доме, мы ничего не прятали.
- Вот вы говорили, что взяли ссуду и строили дом. Что это за ссуда была?
- ГорФО давал ссуду рабочим на стройку. Это было где-то в 1949 году, до рождения моего сына. 10 тысяч рублей. До 1952 года я построила. Мне Министерство коммунального хозяйства помогло при постройке и транспортом. Дали мне кое-кого и из рабочих. Считаю, они мне построили дом.
- А какие проценты были?
- Не помню. Я тот дом продала, рассчиталась полностью за ссуду и купила времянку. Потом купила этот участок со всеми материалами на те деньги, которые остались от того дома. И этот дом я строила 12 лет.
- А кто строил?
- Рабочие. Мы с мужем.
- Ваши пожелания?
- Хочу, чтобы к людям вернулись те добрые отношения, которые были между нами раньше.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Накануне Йом Кипура (День Суда) горские евреи брали петуха (для мужчины) или курицу (для женщины, а если она беременна – и курицу, и петуха) и шли в синагогу для совершения обряда капарот – искупления. Если нет птицы, брали рыбу. Кстати, петухов и кур принято отдавать нуждающимся. Часто оставляют птицу в синагоге с тем, чтобы служители синагоги сами отдали нуждающимся. Бывают случаи, когда кабардинцы приносят птицу для «искупления», этот обычай переходит из поколения в поколение.

² В годы перестройки центр «Товуши» установил контакт с Посольством Государства Израиль с просьбой помочь в изучении иврита. Министр образования КБР поддержал нас в этом направлении. «Язык – это нить, на которую нанизаны многочисленные сокровища народной души, и надо

собирать эти сокровища по душам» (Х. Г. Тхагапсоев). Центр «Товуши» командировал педагога из школы на курсы иврита. Министерство образования Израиля совместно с Министерством образования Кабардино-Балкарии составили и подписали договор о преподавании в государственной школе № 10 иврита, традиций, истории еврейского народа. В школе стали отмечать праздники. Все это стало реальным благодаря росткам демократизации общества, новым законодательным актам Российской Федерации и КБР. В субботу дети не учатся.

³ В еврейской общине мальчикам обряд обрезания (брит-мила), т. е. удаления крайней плоти у младенцев мужского пола, обычно совершал раввин. Это по иудаизму означает «завет между Богом и народом Израиля». Горские евреи строго соблюдали этот обряд, несмотря на запреты со стороны властей. Позже, когда не стало раввина, прибегали к помощи хирургов. Читали молитвы, накрывали стол. Обряд имеет смысл национальной традиции.

⁴ По традиции, если в семье не было детей или рождались одни девочки, то приводили вторую жену. Жили вместе, в одном доме. До 60-х гг. XX в. в Нальчике были такие семьи. В семье горских евреев мальчик – продолжение рода. Рождение его – праздник в семье. В одной еврейской семье рождались одни девочки, и мать, родив пятую, взяла на воспитание и мальчика. Врачи объявили, что родились сразу двое детей. Девочек считали «чужим товаром» – они уходили в другую семью. Отношение родителей к рождению мальчика или девочки было таким же, как и у других народов Кавказа, среди которых горские евреи жили веками.

⁵ В пределах г. Нальчика были расположены две колонки (колонии): еврейская, где компактно проживали горские евреи, и немецкая. Немецкая колония отличалась своей зажиточностью, чистотой и порядком.

⁶ Селение Вольный Аул располагалось сразу за р. Нальчик, по другую сторону от еврейской колонки. Общение между кабардинцами и горскими евреями было тесным.

Гучи Мотаева (девичья фамилия Мотаева)

6 января 1998 г.

Нальчик

- Когда и где вы родились?
- В 1929 году, в Нальчике, 30 июля.
- Сколько вам на день интервью лет?
- 68.
- Что вы помните о своих бабушках и дедушках?
- О бабушках и дедушках ничего не помню. Об отце и матери помню. Когда отца забрали на фронт, мне было 12 лет. Мать ходила на работу, а я была дома с четырьмя детьми. Было трудно. Нечего было есть. Через два года пришло извещение, что отец пропал без вести. Когда немцы заняли Нальчик, мы почти два месяца сидели в окопах. Мать меня боялась выпускать, потому что нас забирали на работы.
- Назовите имя своего отца.
- Риханой Равиноевич Мотаев.
- Чем он занимался до призыва в армию?
- Он был рабочим на фабрике. Грузчиком. Я помню, как мы сидели за столом все и праздновали Пасху. Всегда делали мацу дома.
- Ваши родители знали какой-нибудь язык, кроме татского?
- Нет, мать не знала, а отец знал и кабардинский, и балкарский.
- Кто научил ваших родителей соблюдать еврейские религиозные традиции?
- Наверно, дедушка или бабушка.
- Они что-нибудь рассказывали о дедушках или бабушках?
- Рассказывали, что они хорошие были. У моего отца родители рано умерли, и он остался сиротой.
- Назовите имя матери.
- Бефи Илоновна Мотаева.
- А девичья фамилия матери?
- Ашурова.
- Чем занималась мать?
- Была домохозяйкой.
- У вас было образование?
- Нет. Раньше мало у кого было образование. Мне некогда было учиться.
- Сколько в семье было детей?
- Нас было пятеро. Я была старшая.
- Ваша семья жила в еврейском районе?
- Да. Почти все соседи были евреи, а сейчас уже мало осталось. Из каждой семьи по одному представителю осталось. Остальные уехали в Израиль.
- Какие были взаимоотношения в тот период между евреями и неевреями?

– И до войны, и после войны нас дразнили. Даже когда по улице шли. Русские ребята бросали камни. Правда, от кабардинцев и балкарцев такого не было. И когда пришли немцы, русские показывали дома, где живут еврей. Говорили, чтобы у нас забирали вещи. Были и такие соседи.

– В Нальчике до войны была синагога?

– Да.

– Ваша семья посещала синагогу?

– Этого я не помню.

– Вы в школу пошли до войны?

– Да, я пошла в школу в 1939 году. Потом я заболела и перестала ходить.

– Вы помните 1 сентября 1939 года, когда вы пошли в школу?

– Нет. Я помню, что только один раз ходила на елку в 10-ю школу, и все.

– Это была обычная школа или еврейская?

– Обычная, но большинство ходило туда евреев. Потому что рядом жили и школа была в колонке.

– А специально татский язык там преподавали?

– Нет. Специально не было.

– А преподаватели были русские или еврей?

– Евреи. В первом классе меня учил Камуил Исаакович. Дедушка Светланы Ароновны Даниловой.

– Во внешкольные часы были какие-нибудь мероприятия? Может, какие-нибудь праздники отмечали?

– Тогда этого не было, это сейчас есть. Или боялись, или еще что-то, но тогда не было.

– Взаимоотношения в школе между евреями и неевреями какие были?

– Нормальные. Дружно жили.

– 1 сентября 1939 года – это еще и начало Второй мировой войны. Вы помните этот день?

– Нет.

– Вы помните, может, в школе говорили или где-то еще, о преследовании евреев нацистами, когда они пришли к власти в Германии?

– Нет, про это я не слышала. У нас в доме таких разговоров не было. Мать утром уходила и вечером приходила, а я была с детьми. Кто нам это мог рассказать, если старших не было? Некому было нам рассказывать.

– А вот ваши соседи, пожилые люди, они пытались научить детей еврейским традициям?

– Нет. Это сейчас только стали учить. Тогда боялись.

– Вы помните день 22 июня 1941 года?

– Да. У нас на Рабочей улице было радио. Когда объявили о войне,

пришел отец домой и сказал: «Вот, началась война. Что мы будем делать?» Мать начала плакать и говорить, что ей делать с пятью детьми? Кто будет помогать? А отец молча сидел, потом сказал: «Наверно, я уеду и не вернусь». Он так и не вернулся.

– Как бы предчувствовал?

– Да.

– Много мужчин из еврейской колонки было призвано в армию?

– Да, очень много. Из некоторых семей ушло по три-четыре человека. У моей матери два брата погибли. В город, где служил один из ее братьев, зашли немцы и в первый же день его повесили. Хорошего мы от немцев не видели. Это сейчас они стали хорошими.

– С начала войны и до занятия Нальчика немцами были попытки эвакуироваться?

– Нет, я этого не слышала. Не могу сказать.

– Как проходила оккупация города? Ваша первая встреча с оккупантами?

– Это были румыны. У них шапки были другие, и потому помню, что это были румыны. Назывались они карательным отрядом.

– Как вели себя румыны в Нальчике?

– Как они могли себя вести? Плохо.

– А как они отличали евреев?

– Наверно, им кто-то показывал. У нас немало было таких, кто подсказывал им. Мы ночами не спали. Два месяца мы сидели, даже не раздеваясь на ночь. Боялись. Если какая-то машина проезжала по улице, мы думали, что это за нами.

– Немцы отличали евреев потому, что они жили в одном месте?

– Кто его знает. Мы не знали.

– Румыны сразу пришли в колонку по пути в город или сначала зашли в город, а потом пришли в колонку?

– Румыны пришли в город и тут не останавливались. Мы их почти не видели. Потом сразу пришли немцы. Они приходили и забирали всех на работу.

– А были случаи со стороны немцев по регистрации евреев?

– Нет, не было.

– То есть просто угоняли на работу?

– Да, просто гоняли на работу.

– А вас тоже угоняли на работу?

– Меня мать прятала.

– То есть на работу забирали эпизодически?

– Да. Каждое утро приезжали и забирали.

– Значит, если кто-то успевал спрятаться, его не брали?

– Да. А кто не успевал, того брали.

– А они как-то фиксировали, кто в тот день работал?

– Это я не знаю, я ведь не ходила на работу. Я ни разу не ходила.

– А мать забирали на работу?

- Нет. Тогда моему младшему брату было только 6 месяцев, и ее тоже не забирали.
- А на работу гоняли всех вместе: и евреев, и неевреев?
- Да. Но большинство было евреев. Можно сказать – одни евреи. У нас были соседи русские, и я не видела, чтобы их гоняли на работу.
- Во время оккупации в еврейской колонке жили неевреи – русские, кабардинцы?
- Да. Некоторые из кабардинцев прятали наших евреев.
- А вы лично были свидетелем того, что кто-то конкретно прятал?
- Свидетелем я не была, но слышала.
- Вы слышали об этом во время войны или после?
- И во время войны, и после войны.
- Были ли случаи сотрудничества с оккупантами местного населения?
- В основном русские помогали. Они были полицейскими и показывали, в каких домах живут евреи.
- А в патрулировании отдельных участков города полицейские принимали участие?
- Бывало.
- Они носили такую же форму, как и немцы?
- Да, мы узнавали, что они русские, когда они начинали говорить по-русски. И кабардинцы. Бывало, их узнавали по пилоткам, в которых были маленькие кинжалы, – тогда мы узнавали, что это кабардинец или балкарец.
- Их отношение к евреям отличалось от отношения, например, русских?
- Да, они жалели. Не отнимали. Другие заходили и требовали деньги или золото. А кабардинцы заходили, просто стояли и не отнимали ничего.
- Евреи носили какие-нибудь опознавательные знаки, например, звезду Давида?
- Этого я не видела. В колонке у соседей я не видела ни у кого.
- Чем занималась ваша семья во время оккупации?
- Жить-то надо было. Мололи кукурузу, жили своими запасами.
- Кто-нибудь из ваших соседей-неевреев помогал вам?
- Нет. Нам никто не помогал.
- Немцы проводили какие-нибудь облавы с целью угнать в Германию или расстрелять?
- Нет. Я этого не слышала.
- Вы могли бы описать какой-нибудь типичный день?
- Сидели возле печки. И все. Куда было деваться? На улицу выходить боялись. И мать никуда не пускала. Или в окопах прятались, или дома сидели. Ночью мы не спали.
- Где вы прятались, когда приходили немцы? Были специальные места?

- Нет, специальных мест не было. То на чердаке, то в окопах.
- А эти окопы вы сами выкопали?
- Да. Были укрыты сверху. Сверху не было видно. Они даже не знали, что есть окопы. И от бомбежки мы там прятались, когда немцы еще не зашли.
- Первые немецкие бомбежки вы помните?
- Да. Было воскресенье, и моя мать была на базаре. Мы сидели во дворе и видели, что самолеты летят. Когда начали бомбить, мать спряталась на русском кладбище. Вечером она вернулась, села и заплакала. Мы вообще думали, что мать уже не вернется, потому что сильно бомбили.
- Немцы грабили дома, когда приходили и в доме никого не было?
- Да, грабили. Что было, то и забирали. Вплоть до матрасов у нас все забрали. Мы на земле спали.
- А где прятали продукты?
- Продукты они не забирали. Им только вещи нужны были. В основном требовали деньги и золото.
- О каких-то случаях массовых расстрелов в Нальчике во время оккупации вы слышали тогда?
- Нет.
- Помимо еврейской колонки, евреи проживали в других частях города?
- Да. Жили и в городе, и в еврейской колонке. Много было евреев, а сейчас очень мало осталось.
- Их положение как-то отличалось от положения евреев, которые жили в колонке?
- Конечно, отличалось. Мы очень дружно жили, всегда друг другу помогали, не как другие.
- Это после войны, а вот во время войны?
- Ничем не отличалось. Все мы друг друга знали, и у всех было одинаковое положение. Все знали, что и где происходит с евреями.
- А каким образом передавалась эта информация, ведь ни радио, ни газет тогда не было?
- Мы узнавали друг от друга. Вот и сейчас все, что случается, мы знаем без радио и газет.
- Как дети вели себя во время войны? Ведь это дети, и они хотят поиграть?
- Все равно играли, выходили на улицу и играли.
- Что-нибудь о партизанах вы слышали во время оккупации? Были партизаны?
- Были. Когда они Нальчик освободили, пришли из леса голодные, оборванные, и моя мать их кормила.
- Это были партизаны из местного населения или солдаты, которые остались?
- Этого я не знаю.

- Среди них были кто-нибудь, кого вы знали?
- Нет.
- Кто они были по национальности?
- Не могу сказать, не знаю.
- Какие-то активные действия со стороны партизан вы помните?
- Нет.
- Во время оккупации взрослые пытались соблюдать еврейские традиции?
- Нет. Не до этого было.
- Как происходило освобождение, и кто вас освобождал? Когда это было?
- Четвертого января освободили Нальчик. Я видела, как немцы уезжали на машинах.
- Те из местного населения, кто сотрудничал с немцами, бежали или остались?
- Не знаю.
- В город первыми вошли регулярные части или партизаны?
- Партизаны.
- Как это происходило?
- Они пришли со стороны реки. Мы тут недалеко живем, и видели, как они шли пешком через реку, встречали и обнимали их. Мы с родителями ходили, и потому я помню.
- Партизаны вошли в город, уже оставленный немцами, или были бои?
- Этого я не помню. В нашем районе боев не было.
- Когда партизаны вошли в город, они не интересовались тем, как жили евреи во время оккупации?
- Они спрашивали, все ли живые, как выжили.
- Кто-нибудь из военных вел записи злодеяний немцев во время оккупации?
- Не знаю.
- Но вас никто не опрашивал?
- Нет, никто ничего не спрашивал.
- Как развивалась жизнь после освобождения Нальчика?
- Как вам сказать. И кушать было нечего, и одеваться было не во что. Ходили в лес, собирали дрова, груши и шишки.
- В то время мать уже работала?
- Она нанималась на работу.
- Люди, зная, что у вашей матери столько детей на руках, как-то помогали?
- Да, помогали. Кто-то давал хлеб, кто-то муку. Вот так мы два года мучились.
- Она работала по найму у евреев или у кого-то еще?
- Не обязательно у евреев. Кто звал, например, дом замазать или копать, туда и ходила.

– Еврейская община как-то помогала?

– Нет, тогда этого не было. Все жили плохо. Это сейчас стали помогать, а тогда этого не было. Потом брат в 14 лет пошел на работу. Второй брат ходил с матерью и помогал ей.

– Вы помните День Победы?

– Конечно. Все говорили, друг друга целовали, обнимали.

– Вы пошли в школу после освобождения Нальчика?

– Я больше не ходила в школу. У меня времени на это не было.

Я помогала матери.

– Вы в 1948 году слышали об образовании Государства Израиль?

– Об этом я слышала.

– От кого вы слышали? От соседей или, может, по радио?

– По-моему, по радио это было, но не помню точно.

– Как вы отнеслись к этому событию?

– Как вам сказать. Мы же привыкли жить здесь, родились здесь.

Деды и прадеды – все родились здесь. И хоть наши уехали в Израиль, их душа просится обратно. Вот у меня брат уехал в Израиль, позвонил на днях и спрашивает, не собираемся ли мы переехать. Сказал, что скучает. Я ответила, что мы никуда не поедом. Обещал через два месяца приехать. Говорит: «Я очень скучаю».

– В каком году вы вышли замуж?

– В 1957 году.

– Как зовут вашего мужа?

– Цион Данилович Мотаев.

– Кем он работал?

– Торговал в буфете. А сейчас на пенсии.

– Вы считаете себя верующей?

– Конечно. Муж ходит в синагогу.

– Он соблюдает традиции?

– Да.

– Сколько у вас детей?

– Четверо – Белла, Элеонора, Анджела и Дима.

– Вы пытались привить своим детям религиозные чувства?

– Тогда нет, а сейчас да.

– Они интересуются еврейской жизнью?

– Сейчас да, а раньше и слышать не хотели. Сейчас праздники отмечают. В субботу не работают.

– Когда вы почувствовали возрождение еврейской жизни в Нальчике?

– Со времен перестройки ¹.

– А как к этому возрождению относятся неевреи в Нальчике?

– Не знаю.

– Лично ваша семья сталкивалась с проявлениями антисемитизма в Нальчике?

– Нет.

– Вас как-то затронул период государственного антисемитизма?

Вы слышали об этом что-нибудь?

- Нет.
- У вас есть внуки?
- Есть. Тринадцать внуков. И правнуки есть.
- Вы бы хотели, чтобы ваши внуки и правнуки были воспитаны в еврейских традициях?
- Да, конечно.
- Они что-то для этого делают? Ходят ли в воскресную школу, изучают иврит?
- Девочка моя ходит на иврит в 10-ю школу. Школа государственная, но последние семь лет преподают иврит, историю еврейского народа.
- А в семье кто-нибудь изучает?
- Если бы мы хотели уехать в Израиль, то учили бы. Но мы не собираемся, и поэтому не хотят учить.
- Для ваших детей и внуков есть перспектива в Нальчике? Могут они спокойно тут жить?
- Если они сами будут спокойно жить, то все будет нормально. Они работают спокойно.
- С учетом такой вашей сложной жизни, вы хотели бы что-нибудь пожелать будущим поколениям?
- Чтобы войны не было. Чтобы то, что мы видели, они не видели. Чтобы был мир.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ С 1986 года началась перестройка в СССР. Появилась реальная возможность возрождать духовность, национальную культуру. Мы оказались перед фактом, что многие забыли татский и язык предков – иврит. В период демократизации общества и государства Российской Федерации возрастает роль общественных организаций. Общественная еврейская организация «Товуши» оживила социальную, культурную жизнь еврейской общины. Появились в РФ законы, которые способствовали возрождению национального самосознания: «О языке», «О культуре», «О национально-культурной автономии».

Основными задачами общественной организации являются развитие общины в качестве национального, религиозного и культурного целого, сохранение национальной самобытности, развитие культуры, создание печатных средств и условий для телерадиовещательной деятельности малочисленных народов, соблюдение прав каждого человека и субэтнуса в целом. Согласно законам, государство определяет свою ответственность за сохранение национальных меньшинств. Но у данных законов нет механизмов исполнения, в настоящее время происходит полное исчезновение еврейской общины КБР.

Елизавета Назарова

6 января 1998 г.

Нальчик

- Где и когда вы родились?
- 28 декабря 1917 года, в Невинномысске, Ставропольский край.
- Кто были ваши дедушки и бабушки? Что вы о них знаете?
- Я не видела их.
- А из рассказов родителей что вы знаете?
- Ничего. Бабушка осталась без мужа, по-моему, в 1914 году. Видимо, на фронт пошел и не вернулся.
- Кто был ваш отец?
- Отец Емельян Емельянович Назаров – по-русски, а по-еврейски я не знаю.
- Чем он занимался?
- Ювелир, золотых дел мастер. Тогда же частная собственность была.
- У него было свое собственное предприятие?
- Собственное. Дома работал.
- В каком городе он работал?
- Здесь, в Нальчике. С 1921 года мы живем в Нальчике.
- А до этого, до вашего рождения, где он работал?
- Наверно, на Кубани или в Грозном. Он родился в Грозном, но во время революции переехали на Кубань. Многие уехали. Там, наверно, и работал. А в 1921 году сюда переехали, и здесь он работал. Видимо, на производстве работал и дома работал.
- Он был человеком верующим?
- Конечно! Все верующие. Тогда мацы не было, не с чего было делать. Так он купил целый ящик галет, не печенье, а галеты, сделанные из яиц. Семь дней праздновали. На Пасху.
- В Нальчике была синагога до войны?
- На улице Королева была. Потом ее под больницу забрали, и на Рабочей была. Домик купили. Потом построили вот эту.
- Ваш отец знал какой-нибудь еврейский язык – иврит, идиш, татский?
- Он знал горско-еврейский, чеченский, когда в Грозном был, русский и кабардинский.
- У него в доме была какая-нибудь религиозная утварь?
- Нет, ничего такого не было.
- Книги были?
- Книги были. Евангелие еврейское, перевод на русский. Толстая такая книга. Мы в синагогу отдали ¹.
- Как Советская власть относилась к его занятиям? Это ведь было частное предпринимательство?
- Работал на государство. Но дома тоже занимался. Тогда ведь не запрещали.

- Кто была ваша мать?
- У нее никакой специальности не было. Ничего она не знала, бедная женщина. Неграмотная была, расписываться не могла ².
- Как ее звали?
- Мария Садыковна.
- Как ее девичья фамилия?
- Назарова. Двоюродная сестра отца моего. Родственница. У нас закон такой – двоюродную сестру имеют право брать.
- Она была религиозной?
- А как же!
- Она ходила в синагогу?
- Ходила.
- А родители вас брали в синагогу?
- Брали. Мы даже в Тбилиси ездили в синагогу. Женщины были наверху, на втором этаже, а мужчины внизу. Все молились, и 12 ребят молодых, лет по тринадцать, носили свитки. Мы в Тбилиси ездили, потому что там большая была синагога.
- То есть родители специально ездили в Тбилиси, чтобы пойти в синагогу?
- Да, молиться. Здесь она маленькая была.
- Ваши детские впечатления о синагоге. Что вам там понравилось?
- Все понравилось. Как читали, как молились. Женщины все плакали на втором этаже.
- В Тбилиси в синагоге было много верующих?
- Там же не только наши евреи. Там и грузинские евреи. Очень много было. Они даже больше веровали, чем мы ³.
- Много было молодежи в синагоге?
- Молодежи было много. Все своих детей водили в синагогу. Мы и в русскую церковь бегали на Рождество. Сначала называлась эта улица Карашаева, потом Бульварная, сейчас – Шогенцукова. Наш дом был на этой улице, когда я еще ребенком была. Около вокзала там был сад, половина сада всегда была наша. А потом отняли...
- Это была ваша собственность?
- Не моя. Родителей. Там дом был у нас под железной крышей.
- Опишите, что это за дом был? Большой?
- Не очень большой. Тогда считался хорошим.
- Он был одноэтажный?
- Тогда откуда двухэтажные были? Одноэтажный, конечно.
- В этом доме только ваша семья жила? Сколько человек?
- Только наша семья. Брат, я и отец с матерью. Четыре человека.
- Отец на свою зарплату мог содержать семью?
- Видимо, мог.
- Мать работала?
- Не работала.
- То есть в семье кормильцем был отец?

– Да. Мать иногда вязала.

– Кашрут соблюдался в семье?

– Мы тогда не покупали с базара. И здесь не покупали. Раввин резал корову. Это потом уже стали все покупать, все кушать. Мы знали, что раввин режет и курицу, и барана, и корову. Ждали, пока зарежут. И сейчас есть такие, которые не покупают на базаре. Пожилые. Вот сноха моя на Красноармейской улице, старая, уже ослепла, она не кушает некашерную пищу.

– Какие были отношения до войны между евреями и неевреями?

– Ну, правду сказать, русские оскорбляли нас. Что скрывать? И жидами называли, и Иудами называли. Я была маленькая, в школу бегала, так они меня били. Потом это стали пресекать.

– Каким образом узнавали, что вы еврей? Вы ведь не европейская еврейка, очень трудно отличить.

– Как не знали, что мы еврей? Тут, в центре, очень много евреев жило. На Кабардинской улице, раньше она главная была, все кирпичные дома были еврейские. Все в магазинах работали.

– Какие отношения были у евреев с мусульманами?

– Кабардинцы нас уважали. Во время войны они евреев защищали. Когда немцы вошли сюда, во всей колонке одни евреи жили. У нас двор был маленький, а у меня были две свекрови: у моего свекра были две жены, даже три. У первой был ребенок и умер, он женился на второй, и 15 лет не было детей. Он женился на третьей. У нас закон есть такой. И мы тогда жили вместе. Кабардинцы сказали немцам, что это не европейские евреи, это таты, наши, горские евреи. Потом послали Гитлеру телеграмму, что, мол, тут есть евреи, но не такие, как европейские. Кабардинцы нас защищали, мы очень дружно жили. И пришел ответ, что, мол, это все равно – что черная, что белая собака. А тут уже катафалки стояли, черные. Европейских евреев уже расстреляли. Как на Прохладный едешь, есть памятник. Там их живых закопали. А тут пока телеграмма от Гитлера пришла, немцы стали отступать. И пришли партизаны.

– Давайте вернемся в довоенный период. Вы помните первый день, когда пошли в школу?

– Тогда школы не было. Книжек не было. Одна книга на весь класс. Обуть было нечего. Чувяки мне мать сшила из кожи, в них и бегала. А потом построили школу на Карашаева, и туда ходили. Там заставляли нас учить «Отче наш». По-русски. А потом это запретили. Вот так мы и учились.

– Вы пошли в школу в Советское время, в 1923–1924 годах?

– Да.

– И в это время преподавали Закон Божий?

– Да. Месяца два или три, а потом запретили.

– А кто был преподаватель – русский или еврей?

– Русский, русская школа была.

– Учителя как относились?

– Ничего. Один учитель был, бил по рукам. Линейкой.

– Для него было неважно – еврей это или нееврей?

– Неважно. Не разрешали говорить, кто ты такой. Это дети обижали. Видимо, родители дома ненавидели евреев, а дети слышали и... А так ничего.

– Вы до войны слышали о преследовании евреев в Германии, когда к власти пришел Гитлер?

– Нет. Во время войны я уже узнала. И в кино показали, как немцы издевались над евреями. Про крематории показывали по телевизору. Про то, как над врачом одним издевались.

– Вы помните день 22 июня 1941 года, начало Великой Отечественной войны?

– Объявили, что война началась. А так не помню. Я слышала, что немцы вошли на Украину.

– Вы слышали, что немцы делали на Украине, в Белоруссии?

– Нет, не слышала. Знала только, что война началась. Я читала книгу про евреев в Одессе. После войны читала.

– Ваша семья не пробовала эвакуироваться из Нальчика?

– Говорил отец: «Давайте поедem в Бухару». Но мать не согласилась: «Чего это я дом брошу и поеду?!» Так и остались. Отца расстреляли в районе Урвани, прямо на поле. Не только его, многих расстреляли. А мать разбил паралич, и она в 1960 году умерла.

– Когда немцы вошли в Нальчик?

– Точно я не помню. Я знаю, что они в 1942 году были здесь.

– Ваши впечатления, когда вы увидели первого немца.

– Никакого. Вроде так полагается. Сначала люди эвакуировались к нам, ехали и на лошадях, и на волах. Отовсюду. Из Польши приехали польские евреи. На квартирах и у меня, и везде жили.

– В Нальчике были польские евреи?

– Да.

– Расскажите об этом.

– Польские евреи приехали еще до 1941 года, война ведь там была. С детьми. И у меня на квартире были, жили у моей золовки – в общем, везде жили. Как на квартире – мы ведь с них ничего не брали. Просто пустили их. А потом, видимо, приказ был, и их, бедных, позабирали всех. Немцы их забрали. Но мы не знали, что их на расстрел забрали. Я еще говорила квартиранту: «Мальчика оставь». Он парикмахер был. Пацана он не оставил. Их забрали на расстрел, а нас оставили. Европейских евреев и польских – всех забрали. Если бы знала, что на расстрел, то пацана бы насильно забрала, спрятала бы. Пацанчик такой был хороший, фамилию я не знаю.

– Значит, приехали польские евреи после захвата Польши немцами?

– Не знаю точно. Факт тот, что они приехали сюда, когда немцев здесь еще не было. Видимо, как начали там их притеснять, так они сюда и приехали.

- Кто распределял польских евреев-беженцев? Еврейская община?
- Да.
- То есть к вам приходили и говорили...
- Приходили, и всех евреев-поляков позабирали к себе. И кормили их, пока они устроились на работу, до 1942 года.
- А нееврейское население помогало польским евреям? Русские или кабардинцы?
- Они никакого отношения к ним не имели. Мы помогали. Они все потом стали работать. Муку им покупали, соль, масло. Кушали вместе. Разве нам для них было что-то жалко? Они же беженцы были.
- А европейские евреи здесь проживали или тоже были беженцами?
- Здесь проживали, их тоже забрали. О некоторых, может быть, и не узнали бы, но выдали их, а то откуда знают – я еврей или тот еврей. Значит, были люди, которые знали и сообщали. Вот, например, одна русская у моей свекрови забрала корову, а штаб немецкий тут недалеко был, в соседнем доме. Моя свекровь пошла в штаб и сказала: «Вот эта женщина мою корову забрала». Они пошли туда и говорят той женщине: «Выпусти корову, посмотрим, куда она побежит». А корова побежала и стала мою свекровь лизать. Они не любили сплетников и воров. И ту женщину расстреляли.
- А немцы знали, что хозяйка дома – еврейка?
- Конечно, знали. Пятеро детей у нее было. А муж ее был на фронте.
- А муж ее был коммунистом?
- Тут было пять евреек-коммунисток и мужчины-коммунисты. Они все эвакуировались.
- Но немцы знали, что муж хозяйки дома на фронте?
- Да, знали.
- И они не трогали их?
- Если бы ответ от Гитлера пришел раньше в отношении горских евреев, нас всех бы забрали. Нас еще заставляли копать ямы там, где кладбище было. Всех евреев заставляли ямы копать, метра на четыре, и я ходила. Повязки с шестиконечной звездой завязывали и всех гнали, как скот. Там эта яма и сейчас есть.
- Так эту яму специально копали для расстрела?
- Специально готовили для наших евреев. Они не расстреливали. Живьем бы туда бросили.
- Итак, пришли оккупационные войска: это были румыны или немцы?
- Первые шли румыны. На своих лошадях. Под Бесланом много валялось мертвых. Они до Орджоникидзе не дошли.
- Откуда вам это известно?
- Мы ездили отца забирать. Нам сказали, где он там лежит. И мы видели. Румыны высокие были, и лошади не такие, как наши, надо было на фургон залазить, а потом хомут одевать, такие высокие. Были

морозы сильные. А потом появились немцы на мотоциклах, потом их начальство пришло.

– Пришли немцы, что дальше?

– Ну пришли и пришли. Мы же не могли с ними драться. Человек для них, что муха. Раз – и расстреляют. Мы молчали и ничего не говорили. Но, наверно, им уже кто-то рассказал, кто где живет, кто поляки. Были же такие. Вот немцы приходили и забирали.

– Когда был расстрел польских, европейских евреев?

– Ну вот, они зашли и, наверно, через месяц. Или даже месяца не прошло.

– Давайте вернемся к трагическим страницам в вашей жизни...

– В общем, немцы зашли – у меня на руках был ребенок. Старшая девочка уже ходила. И свекровь была, и шурин. Они спрашивают: «Где чердак?» Нет, сперва нас положили на пол. Мы все легли – человек десять-пятнадцать было. Всех. Направил на нас винтовку и спрашивает (а я стала икать от перепуга): «Где чердак?» А наши евреи не знают, что такое «чердак». А я хотела сказать по-еврейски, мол, потолок нужен. А высказать не могу – заикаюсь, и все. Но наконец смогла сказать, и они показали. Они там искали что-то, а потом говорят: «Давай костюмы». А у нас откуда костюмы? А у золовки, у которой муж был на фронте, костюмы были. Она их в землю закопала где-то, выкопала, отдала эти костюмы, а то бы нас расстреляли. Я так заикалась, что невозможно. Себя не жалко, детей жалко было. Так нас чуть не расстреляли. А сейчас я одна из всех в живых осталась. Из всех Шалумовых и Назаровых.

– Расскажите, как отец попал под расстрел?

– Тогда же в партизаны все пошли. В лесах прятались. Ну и расстреляли отца тоже. В Урвани. Там его и расстреляли. А во время немцев мы свободно ходили. Мы пошли и его забрали. И похоронили здесь, на еврейском кладбище. По еврейскому обычаю.

– Значит, и во время оккупации вы хоронили на кладбище по еврейскому обычаю?

– Да.

– Немцы вам не мешали хоронить?

– Нет.

– Ваш отец успел повоевать с оружием? Его убили во время боя или когда он шел к партизанам?

– Этого я не знаю.

– То есть обстоятельств смерти отца вы не знаете?

– Нет. Он ушел в партизаны, нам потом сказали, что расстреляли многих. Где он похоронен? Не похоронен, а его просто кукурузой заложили. Мы приехали и забрали. И многие так забрали.

– Так это было место массового расстрела?

– Многих тогда расстреляли.

– Как протекала жизнь евреев во время оккупации? Вас на работу гоняли?

– На работу гоняли. А у кого маленькие дети на руках, тех не трогали.. Больше гоняли стариков. Раввинов. И молодежь гоняли. Я раза три пошла и больше не ходила. Ребенка взяла на руки и больше не ходила. Увидели, что с ребенком, и не стали гонять.

– Евреев гоняли на разные виды работ или только копать?

– Только копать.

– А как вообще это происходило? Вот ехала машина и забирала всех подряд или были списки у немцев?

– Ездили и забирали. Кого забирали, не знаю, я даже боялась выйти на улицу. Были люди, которые им показывали – вот этого заберите, вот того.

– А они метили как-то дома евреев?

– Я не знаю, я не выходила на улицу.

– А евреи носили какие-нибудь опознавательные знаки?

– Знаки ставили тем, кого водили туда.

– А когда они возвращались, они оставляли эти знаки?

– Видимо, оставляли, дома снимали. А так у всех был галхан – так называлась шестиконечная звезда. Как скот. Кого толкали, кого били. Это же не простые солдаты были, это были эсэсовцы.

– Так это были простые части или части СС?

– Специальные были. Солдаты простые нас жалели даже. А те были строгие.

– Вы так просто думаете, или тогда люди говорили: «Вот это эсэсовцы»?

– Никто ничего не говорил, мы просто заметили.

– А какого цвета у них была форма?

– В разную форму были одеты. Я не помню, в какой форме. Но как рассказывали, вроде эсэсовцы.

– А были регулярные грабежи еврейского населения?

– Я только помню, как забрали корову, а больше не знаю. Грабили. Были такие люди, которые евреев ненавидели.

– Вы лично сталкивались с проявлением антисемитизма своих соседей? Как ваши соседи к вам относились?

– Наши соседи были одни евреи. Тут русских не было. Женатые на русских были, а русских не было.

– А какие были отношения в смешанных браках?

– Женщины еврейские законы соблюдали. И разговаривали по-еврейски. Вот сейчас моего дяди сына сын на русской женат. Здесь живут.

– Как немцы относились к русским, которые были в браке с евреями?

– Этого я не знаю. И на кабардинках женатых много было, и на русских. Мы всегда с кабардинцами дружно жили, и не обзывали они нас. Жили как родные.

– В еврейской колонке во время оккупации были какие-нибудь руководители, которые пытались упорядочить жизнь евреев?

– Нет, что вы! Все поразъезжались. Старики остались, которые молились, и раввин один наш остался.

– Пытались как-то совместно помогать наиболее нуждающимся?

– Это было. Но это потом, вот из Израиля нам прислали на Хануку.

– А во время оккупации?

– Нет, во время оккупации что могли сделать евреи?! Мы были в руках немцев. Никаких прав не имели. На какой-то праздник, не помню, зарезали корову, и то хотели отобрать. Ее накрыли простынею, и сидят плачут. Как будто она умерла. Немцы пришли, видят, что над мертвым плачут, и ушли. А потом корову разделили.

– Вы, значит, пытались соблюдать кашрут и во время оккупации?

– Да.

– А чем занималась ваша мать во время оккупации?

– Она же парализованная была. Когда она отца везла – его голова была вся в крови – и ее парализовало. Она потом отдельно жила у брата. Невестка брата за ней ухаживала. Я хотела сама, но она не захотела. Брат потом в Израиль уехал в 1973 году и умер там, когда ему было 96 лет. Хануко Назаров. Его фамилия была не Назаров, а Шах-Назаров. Он очень богатый был. Он боялся, когда мы его называли Шах-Назаров, а то, говорит, меня заберут. Во время Советской власти боялся назвать свою фамилию – Шах-Назаров.

– Так получается, у вашего отца тоже фамилия была Шах-Назаров?

– Нет, только у дяди.

– Как освобождали Нальчик? Вы помните?

– Никакого боя не было. Они отступили, и все. Как только они ушли, в город вошли партизаны. Они заглядывали в окна и спрашивали: «Вы еще живы?» Они пришли, так мы прямо прыгали от радости.

– А среди партизан были евреи?

– Были. Много.

– Что-нибудь о боевых действиях партизан вы слышали в то время или они были в лесу?

– Партизаны в лесу были.

– А чтобы мост взорвали или о других крупных акциях вы не слышали?

– Может, и взрывали. Мост взорвали только в Малке. А до Орджоникидзе есть мост только через Терек. Он целый остался. Может, какие и были взорваны, я не знаю. Про мост через Малку я знаю, потому что, когда немцы тут были, кушать было нечего. Бросила детей на свекровь и из Нальчика до Пятигорска пешком пошла. В 4 утра встала, взяла 30 кусков мыла – тут частники варили мыло, и пешком до Пятигорска. Нас было 5 человек. По пути мы видели, что моста нет. Потом мы продали мыло, поменяли на муку, на сахар.

– То есть во время немцев вы могли покинуть Нальчик?

– Да.

– А в Пятигорске были облавы?

– Не знаю.
– Вы помните день 9 Мая?
– Радовались все, конечно.
– Как вы жили в послевоенный период?
– Работала в магазине и кормила своих детей. Потом муж пришел с фронта. В плену был.

– Он кто по национальности?
– Тоже еврей. Нальчикский коренной еврей. Его отец во время революции держал оборону около Баксана. Видный человек был. Его сестре квартиру из-за него дали. Но он был неграмотный.

– Сколько времени он был в плену? Ваш муж?
– Он долго не был. Сразу после войны пришел. Год, наверно, был. А его зять был 10 лет в плену.

– Непонятно, как он мог быть в плену 10 лет?
– Он так рассказывал, когда пришел. Я не знаю, он так рассказывал.
– Ваш муж скрывал в плену, что он еврей?
– Как скроешь? Вот еврей, и потому сидел.
– Для военнопленных ведь были другие лагеря, и их расстреливали.

Видимо, ему удалось скрыть?

– Видимо, удалось.
– И он не рассказывал, как был в плену?
– Нет, просто сказал, что был в плену.
– Как к нему относились власти? Ведь это еврей, да еще и в плену был? У него были какие-нибудь сложности?

– Не знаю. Опять заготовителем стал работать. По пушнине. В Малке, Сармаково. Мы и там жили с ним. 20 лет прожила. С 1934 года по 1953 год.

– А потом?
– По правде сказать, у меня сына не было, и мы разошлись, чтобы у него сын был. Нам золовки не дали жить. У нас закон такой. Он снова женился. В моем доме она жила. Она родила ему 5 девочек и мальчика. Мальчик вырос, работал в Ростовской области. У него уже было трое детей. Потом их всех расстреляли чеченцы. И его, и жену, только две девочки остались.

– Дети после развода с вами остались?
– Конечно!
– Вы своих девочек воспитывали в религиозных традициях?
– Какая может быть традиция, если я их забрала на Урал? Я там устроилась на работу в магазин. Старшая дочь вышла замуж в Челябинске. Там и живет. Муж ее бросил с тремя детьми. Они все здесь выросли. Старший из них уехал в Израиль, попал под машину и погиб. Ему было только 35 лет.

– Муж вашей дочери был еврей?
– Русский. Его мать ему сказала: «С жидовкой не живи». Он был из Оренбурга. В общем, мать им жить не дала, и он ее бросил. А троих

детей я забрала сюда. Я всех шестерых внуков сама вырастила. Дом построила.

– Какое отношение было на Урале к вам?

– Все хорошо относились. У меня в паспорте не написано, что я еврейка. Я боялась, думала меня заберут немцы, и записалась осетинкой. А старшая дочь не захотела менять запись о национальности в паспорте. У нее написано – горская еврейка. А младшую я тоже осетинкой написала.

– В паспорте у старшей написано не просто «еврейка», а «горская еврейка»?

– Да, так и написано.

– А где она получала паспорт?

– Здесь, в Нальчике.

– То есть когда она получала паспорт, она сказала, что она горская еврейка, и с ее слов так и записали?

– Да, когда в 16 лет она получала паспорт.

– Когда вам записали в паспорт, что вы осетинка?

– До войны, когда меняла паспорт. Кажется, в 1939 году.

– То есть уже тогда вы подумали, что лучше записаться осетинкой?

– Да.

– А как вы относились к браку своей дочери с русским?

– У нас многие выходили замуж за русских. У нас за русского можно выходить. И русскую можно брать. У нас вера почти одинаковая, Иисус Христос тоже еврей. У меня и книга есть про него. А за мусульманина нельзя. Но теперь уже стали жениться и на кабардинках. Вот мой внук женат на кабардинке.

– Вы воспитывали ваших внуков в еврейской традиции?

– Конечно! Они женились на еврейках. Хоть они и выросли без отца, никто не пошел по кривой дороге. Все работают.

– Ваши внуки верующие?

– Конечно! Хотя они и колбасу едят.

– Ваши дети знают какой-нибудь еврейский язык?

– Они по-еврейски чисто разговаривают. На татском. Внуки тоже татский знают, они ведь здесь выросли.

– И насколько распространен татский язык здесь?

– Все евреи на нем говорят. Тут же евреи уже 200 лет живут.

– Кем работает ваша дочь?

– Она сейчас на пенсии, а работала все время в магазине. А старшая дочь на тракторном заводе, в Челябинске.

– А какое отношение к ним со стороны неевреев?

– Ничего. Хорошее. Это было до войны в основном и немного после войны, а потом все нормально стало.

– А вы почувствовали политику антисемитизма? Помните дело врачей? Дело космополитов?

– За это арестовывали.

– То есть лично на себе антисемитизм вы не ощущали?
– Нет. Мы дружно жили. Я даже сначала не знала, что такое колонка. Я среди русских выросла. Потом, когда замуж вышла, узнала.

– А откуда пошло такое название – еврейская колонка? Что означает?

– Знаете, тут одни евреи жили, поэтому и назвали – колонка. А сейчас здесь евреев мало, одни кабардинцы и балкарцы.

– То есть колонка – это вроде как колония?

– Да, колония. Но говорят колонка.

– А почему здесь сейчас мало евреев? Потому что они уезжают в Израиль или здесь плохо жить?

– Уезжают в Израиль. В Грозном было много евреев ⁴. Ни одного не осталось. И отсюда уезжают. Многие уехали, потому что работы нет. Кто работал в цехах – ограбили. Вот недавно дом ограбили. Все забрали и хозяев избили. На улице Тимошенко. Из одного цеха забрали 30 машинок и все полотно. Евреям не дают развиваться. Президент Коков говорит, что если вернутся, то пропишем. А какой дурак приедет?! Хоть там и тяжело жить, но ехать сюда не хотят. Вот напротив построили кабардинцы богатый дом. Если бы евреи построили, уже давно бы ограбили. Поэтому евреи и уезжают. Евреи ведь не созданы для крестьянской работы! Они кожевники, обувщики, коммерсанты. А им не дают работать.

– А официальные власти на это как-то реагируют?

– Реагируют. Ищут бандитов, но не находят.

– Вы помните тот день, когда умер Сталин?

– Плакали все. Я комсомолка была.

– Ваше отношение к Сталину сейчас изменилось?

– При Сталине мы неплохо жили. Все работали. Все были ремесленниками, заготовителями. А что них было в Кремле, я не знаю.

– Чем занимаются ваши внуки?

– Работают. Один завскладом, другой продавцом. Один в цехе работает, форму шьет, 500 рублей в месяц получает. А другой инвалид. Ему 32 года.

– Ваши внуки не собираются в Израиль?

– Сейчас нет. У них работа есть, зачем туда ехать. Один даже вернулся оттуда недавно. Не всем там нравится. Но что поделаешь? Привыкают.

– Что-нибудь изменилось в еврейской жизни в Нальчике за последние годы? Вот национальный центр появился, газету стали выпускать.

– Света Данилова очень умная женщина. Четыре газеты я выписываю. Мы берем еврейские газеты и читаем. Там пишут о том, где живут евреи, сколько осталось евреев в России. Сообщают новости, какие законы.

– Вам интересна эта информация?

– Конечно. Вот в синагогу ходили и в газете написано, как свечи зажигать, что готовить.

- Вы любите петь еврейские песни?
- А у нас и песен-то сейчас нет. Тогда были.
- Вы что-нибудь помните из старых еврейских песен?
- Нет. А слушать мне нравится.
- С учетом вашего жизненного опыта, что бы вы могли сказать людям, потомкам?
- Хорошего желаю. Чтобы счастье в доме было.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Ответ Е. Назаровой отчетливо показывает, что при Советской власти многие были оторваны от религии, от своих традиций. Преследовали за изучение иврита, за религию. Вероятно, в семье Назаровой была Тора, которую отдали в синагогу.

² В основной своей массе горские евреи Нальчика были безграмотны, хотя многие читали молитвы на иврите. В библиотеку центра «Товуши» принесли Тору, изданную в XIX в. Перед органами власти стояли вопросы работы с населением горско-еврейской колонки. Об этом свидетельствуют архивные документы. На III пленуме Кабардино-Балкарской автономной области руководитель большевиков Бетал Калмыков говорил: «О еврейской колонии. Голые, раздетые, разутые... эта колония расположена к вырождению, на себя серьезное внимание обращает. Пусть они: 1) выдвинут людей своих; 2) мы отпустим определенную сумму, чтобы ее правильно провести. Надо построить баню, чтобы они могли обмываться, улицы мостовые, больницу, школу. Помочь в отношении письменности. Конечно, сделать это в один год не удастся, но через полтора-два года эта колония оздоровится» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 122, л. 241–242, 556). В газете «Карахалк» в 1925 г. отводилась четверть страницы для публикаций статей и информации на татском и русском языках. Возглавлял данный отдел редакции Ханон Ифраимов. Газета «Карахалк» писала: «В горско-еврейской колонии открыты два ликпункта, из коих один – мужской, другой – женский. Учеников в обоих ликпунктах 60 человек. Посещаемость хорошая. Интересно отметить, что женщина-делегатка Пинхасова Циво ходит в школу даже с грудным ребенком, зная, что без грамоты трудно жить» (*Шабает В. Д.* Достойный вклад // История и этнография горских евреев Кавказа. Нальчик, 1998. С. 13). В горско-еврейской колонии одна школа, четыре учителя, 97 мальчиков, 103 девочки, всего 200 учеников. В 1927 г. в городе открылась радиовещательная станция. Создали при ней национальное трио в составе зурниста Танахума Ашурова, гармониста Хаперона Алхасова и бубниста Арона Исакова. Музыканты исполняли музыку народов Северного Кавказа, песни на кабардинском, балкарском и татском языках. Появляется интеллигенция из среды горских евреев. В целом было преодолено материальное и отчасти культурное отставание горско-еврейской общины. Но к началу 1930-х гг. политика большевиков ввергла общину горских евреев в кризис – ограничение кустарных промыслов и ремесел, разгром частной торговли – эти меры практически уничтожили традиционные еврейские способы зарабатывания средств на свое существование. Работа в сфере обслуживания и на предприятиях легкой промышленности сочеталась с кустарным промыслом в домашних условиях.

³ Евреи делятся на разные этнолингвистические группы. Ашкеназы (европейские евреи) – самая большая часть еврейского населения.

К сефардским евреям относят грузинских, бухарских евреев, а также горских евреев. У различных еврейских этнических групп на Кавказе, Средней Азии, в Крыму наблюдаются различные черты менталитета, социально-экономического и духовного характера. Все они живут среди резко отличающихся друг от друга народов и, конечно, подвергаются влиянию этих народов. В данном случае речь идет о грузинских евреях. Самоназвание грузинских евреев – эбразли. Разговорным языком грузинских евреев является грузинский, он же используется в качестве письменного языка. В послемонгольский период грузинские евреи были превращены в крепостных. Они вынуждены были искать покровительства местных феодалов, но одним из условий было обязательство господина не принуждать их к переходу в христианство. С отменой крепостного права в Грузии (1864-1871) евреи обрели свободу и покинули села. Начинают формироваться еврейские общины. Грузинские евреи соблюдали весь цикл еврейской жизни. Горские евреи Нальчика ездили в Тбилиси за товаром и обязательно посещали синагогу.

⁴ Начиная с 90-х гг. начался исход евреев с Северного Кавказа. Евреи в диаспоре являются барометром. Многие покинули Грозный задолго до военных действий и во время их, покинули Хасавюрт, Буйнакс, Махачкалу, Дербент. Этот процесс затронул и горских евреев Нальчика. Причинами исхода являются: рост преступности, экономический кризис, воссоединение семей. Демократические процессы в России позволили евреям уехать на историческую родину. Мотивацией выезда являются: желание обеспечить детям будущее; люди не верят в возможность реальных улучшений в стране; отсутствие надежды на излечение больных членов семьи.

Сергей Амирамов

1 января 1998 г.

г. Нальчик

- Назовите имя, данное вам при рождении.
- Давид Могин.
- В каком году вы родились?
- В 1937 году, 17 марта.
- Сколько вам сейчас полных лет?
- 60.
- Где вы родились?
- Село Богдановка, Ставропольский край, Курской район.
- Что вы знаете о своих дедушках, бабушках?
- Дедушка мой по линии отца занимался торговлей, а по линии матери все время был кожемяка.
- Где ваш дедушка торговал?
- Вообще-то раньше это было разрешено. Закупали товар в областных центрах, а в мелких селах реализовывали.
- А что продавали?
- В основном промтовары.
- А второй дедушка?
- Он все время до конца жизни – он прожил 90 лет – был кожемяка. Советская власть его почти не трогала, потому что у него много сыновей погибло на фронте. Он получал пособие на детей, семья была очень большая.
- А до войны ему разрешали заниматься этим?
- Да. Во время Советской власти он платил налог.
- А чем занимались родители до войны?
- Мой отец был сапожником. Детство его прошло в Ставропольском крае.
- Он родился там?
- Да. Он родился или в 1911-м или в 1912 году.
- Где он учился своему ремеслу?
- Ремеслу они учились у частников.
- Где он работал до войны?
- Дома.
- И кому он шил обувь?
- В основном офицерам, казачеству.
- Мама чем занималась?
- Первое время она воспитывала детей, пока мы маленькие были.
- А как звали маму?
- По-русски Мария, а по-еврейски – Симуч.
- Какого она года рождения?

– 1914-го.

– Вам родители рассказывали, как они познакомились?

– Рассказывали. У моего отца в семье было 10 детей. Старший был приемный. Он потом всю жизнь проработал в Советах, партийный работник был, в Дагестане. Исака его звали. Как-то их пригласили на свадьбу. Мой отец увидел скромно одетую девушку, и она ему понравилась. А старшие братья моего отца – то было уже при Советской власти – были комсомольцами, двое из них носили оружие, как организаторы Советской власти. Один из этих братьев увидел его взгляд и говорит: «Если тебе нравится эта девушка, я ее сейчас засватаю». Эта девушка чуть скандал не устроила. Брат моего отца и он сам считались чуть ли не близнецами.

– А как так получилось?

– Это длинная история. Моя бабушка была очень больная. Считали, что уже не выздоровеет. И дети могли остаться без матери. Когда мой дед обратился в синагогу, синагога дала разрешение взять вторую жену. Для того чтобы дети не пропали. Вторая жена такая попалась, что не только детей вырастила, но и свою соперницу выходила.

– То есть у вашего деда было две жены?

– Да. Она пока выхаживала эту больную, сама стала беременная, и дед так стал жить. Поэтому между моим отцом и его братом разница в 6 месяцев. Потом моя неродная бабушка рождает одного ребенка, потом второго. И вот этот брат моего отца, а он отец известного певца Ефрема Амирамова, был более шустрый. Значит, он подходит к брату моей будущей матери и говорит: «Нам твоя сестра понравилась, и мы ее, наверно, заберем». Конечно, так открыто нельзя было. И вот с этого момента стали засылать сватов. Отказывают.

– А почему?

– Ну, считали, что еще молодая, рано ей.

– А сколько ей было?

– Матери было 15. А потом самый младший брат, он был кадровым офицером в органах, в наглую пришел к ним и говорит: «Девочку не отдадите, мы сегодня ночью ее украдем». Ну они и приняли предложение.

– А сама она хотела?

– Ну отец был в два раза выше ее. Чего же ей не хотеть? Конечно, хотела. Просто скромность свою показывала. И вот они прожили всю жизнь.

– А рассказывали, как у них свадьба проходила?

– Да, свадьба у них была большая. Людей было много.

– Где они регистрировали свой брак?

– Там же, в Ставропольском крае.

– А какие органы регистрировали?

– Еврейская синагога – это в обязательном порядке, и наверно, регистрировались. Она же стала нашу фамилию носить.

– Вот вы говорили, что братья отца были кадровый военный и партийный работник, а он был в партии?

– Нет, отец не был в партии.

– А в комсомоле он был?

– Не знаю.

– А мать была?

– Мать точно не была.

– Как относились братья вашего отца к религиозному браку?

– Младший брат отца относился к такому браку безразлично.

А другие, учитывая, что он должен следовать религии, так как он еврей, относились с пониманием. Ведь все делали обрезание. А обрезание делали согласно еврейским законам.

– Дедушка был верующий человек?

– Да. И один, и другой. А у матери отца определенное религиозное образование.

– Что еще рассказывали вам родители о довоенной жизни?

– Очень плохое отношение было со стороны казачества. Были даже такие случаи, как говорят, мог пьяный казак проехать, отрубить голову и за это мог получить только взыскание.

– Это в какие годы было?

– С 15-го до 18-го.

– А в годы Советской власти?

– Тогда их уже прижимали.

– В Богдановке была синагога?

– Да.

– А не рассказывали вам родители о том, запрещали ли евреям исполнять обряды после революции?

– Нет, об этом они не говорили. Просто славяне как-то неодобрительно к этому относились.

– А вот ваши отец и мать были религиозные?

– Я бы не сказал, что отец мой и мать были религиозные. Просто какой-то религиозный праздник всегда справляли. Как положено, пост держали. А сказать, что они перед завтраком или ужином молитву читали – такого не было.

– Как родители попали в Богдановку?

– Я точно не помню, но тогда было обращение партии и правительства, что есть свободные земли и их нужно заселить, чтобы обрабатывать землю, создавать колхозы и совхозы. Вот эта Богдановка чуть ли на 90 процентов состояла из евреев. Создали там колхоз, по моему, «Красный партизан» назывался.

– В каком году родители переехали в Богдановку?

– В 1928-м или в 1929 году.

– Мама до войны все время занималась домашним хозяйством или она работала?

– Честно говоря, я не знаю, но в Богдановке она точно не работала. Она стала работать уже в Хасавюрте.

– А были ли они образованными?

– Мать – да, она работала и директором магазина. У нее было образование. Она вроде закончила начальную школу, а потом что-то типа гимназии.

– А отец?

– А отец все время был сапожником.

– На каком языке говорили в семье?

– На татском.

– Только на татском? На русском не говорили?

– Говорили. В семье у нас свободно говорили и на русском, и на татском.

– На каком больше?

– Если что-то было связано с секретом, то говорили на еврейском, а так в основном говорили на русском.

– Рассказывали вам родители о репрессиях, которые проходили в 30-е годы?

– Не помню.

– А знали родители, что происходит в Германии, в Польше после прихода Гитлера к власти?

– Это, естественно, они знали. Дедушка по линии матери был очень образованный. Постоянно выписывал газеты. И он всегда говорил так: «Сначала еврейские мозги выжимают, пользуются ими, а потом начинают уничтожать». Иногда он скрывал от нас то, что происходило в мире, но мы, дети, иногда подслушивали и слышали: там уничтожают или там, как евреи стали бежать из Германии.

– Вот вы говорите, что слышали это от дедушки. Он все время с вами жил?

– И один, и другой дедушка почти постоянно с нами были. Они ведь с нашими родителями переехали в Богдановку.

– Беженцы из Польши после 1939 года приходили в Богдановку?

– Я не знаю, не помню.

– Откуда дедушка узнавал, что до войны такие события происходят в Германии, в Польше?

– Из печати, по радио.

– А не хотели родители переехать куда-то подальше? До войны?

– Ну тогда ведь не знали, что так молниеносно германская армия пройдет чуть ли не всю Россию. И до Кавказа. Это уже было далеко от линии фронта.

– Вы сами помните начало войны?

– Первые дни я не помню. А уже когда они начали подходить к Ставропольскому краю, помню.

– С какого момента вы это помните?

– Мои сведения, как вы понимаете, основаны на воспоминаниях старших. Когда немцы дошли до Армавира, здесь уже и шум, и волнения были. Людская молва на 200 – 300 км опережала войну. Уже знали, что немцы уничтожают и семьи коммунистов, и семьи офицеров. Не только евреев. Люди передвигались и днем и ночью, лишь бы подальше уйти от захватчиков. И в Богдановку приходили не только евреи, но и русские, и люди других национальностей. И турки были, и курды, и село наше стало расти.

– Вы помните, как немцы вошли в Богдановку?

– Они вошли ночью. Шумели танки, машины, мотоциклы. И сразу заняли весь Курский район. Сначала было воззвание: «Не бойтесь, продолжайте работать. Вас никто не будет трогать». Потом они стали подбирать себе людей из местных, одевали на них красные повязки, чтобы сразу отличать от остальных.

– А как выглядели эти люди? Какая у них была форма?

– Первоначально формы у них не было. Да и потом вроде не было. Только эта повязка. И фуражка была как немецкая, с большим козырьком. Эта повязка и отличала полицейев.

– Что они делали?

– Они не только наводили порядок, но и выдавали семьи евреев, семьи партизан, коммунистов.

– Эти полицейи были из...

– Из Богдановки.

– Помните кого-нибудь?

– Вы знаете, был такой случай. Во время войны маленькую девочку-еврейку русская женщина спасла, в подоле своем вынесла. Девочка выросла, стала членом партии и почти каждое 9 Мая приезжала в Богдановку. И по-моему, был такой случай, что она опознала полицейя одного, который много лет проработал секретарем районного комитета партии. Она к нему подошла и сказала: «Вот он носил эту повязку». А там, среди тех, кто приехал, были и работники органов. И они не поверили: «Как же так, он секретарь...» – и все такое. Но она сказала: «Он носил повязку».

– Что-то вам запомнилось из того, что делали полицейи? Были случаи актов против евреев?

– Физических действий не было, но относились, как к скоту.

– Может, вам запомнилось что-то особенное?

– Фамилий полицейев я, конечно, не помню. Но был у нас старичок один, ему тогда было лет 60. Когда у него забирали лошадь, он сказал: «Я же полицей! Я не могу без коня». А ему говорят: «Если не можешь без коня, ты его должен сам и заработать» – и два раза ударили нагайкой по спине.

– А были приказы, направленные против евреев или коммунистов?

– Первоначально не было, но потом, когда они поняли, что им уже

дают отпор, они стали вывешивать лозунги, что кто против офицеров скажет слово – подлежит расстрелу, если немецкая армия потребует муку, зерно, мясо или лошадь и будет отказ – расстрел.

– Как местное население относилось к евреям?

– Мы жили, как родные братья.

– Выдавали евреев только полицаи?

– Только полицаи.

– Как началось уничтожение еврейского населения в Богдановке?

– Мы слушали радио, у кого не забрали. Они тогда забирали радиоприемники у всех, а кто не сдавал, угрожали расстрелом. Услышали, что немцев выбивают из Баксанского ущелья. Немцы поняли, что им придется уходить, и тут с их стороны началось очень жестокое отношение. Любое невыполнение их приказа – расстрел на месте.

– Вы видели эти расстрелы?

– Конечно.

– Расскажите подробнее.

– В общем, случилось это в ночь. Машины подъезжали прямо к домам партизан, коммунистов, евреев. Безошибочно подъезжали и забирали людей прямо в том, в чем они были. Машин не хватало, остальных гнали пешком. Вывели всех за село и дали лопаты. Начали копать траншеи. Им так и сказали, что это траншеи против танков.

– К вам тоже пришли?

– Да, там, где я был, всех забрали.

– Кто к вам пришел: немцы или полицаи?

– Немцы вместе с полициями.

– Вот они к вам пришли, что они говорили?

– Собирайтесь, садитесь в машины, надо копать окопы.

– Как ваша семья вышла из дому? Что на вас было надето?

– Сразу были слезы, шум. Женщины рвали на себе волосы, потому что они знали: если надо было копать окопы, то взяли бы только мужчин, а тут брали поголовно всех.

– А кто, кроме вашей семьи, жил в этом доме?

– Там была отцовская старшая сестра – Хундуз. Мой двоюродный брат – Володя. Еще один двоюродный брат – его имени я не помню. У нас было вроде как два дома, но перегородок не было. Рядом жили люди и других национальностей, но машины останавливались именно у домов евреев, коммунистов.

– Вот к вам пришли немцы, что стали делать ваши родные?

– Стали выходить, их выгоняли, автоматами подталкивали, ногами.

– Вы спали, когда они пришли?

– Да.

– В чем выходили люди?

– В чем попало.

- Какое время года это было?
- Было не холодно. Тепло.
- Год какой это был?
- 1942-й.
- Что было дальше?
- Загружали в машины и вывозили за село.
- Как вам удалось спастись?
- Меня русская женщина увела.
- Как она сумела это сделать?
- Раньше носили длинные одежды. Тогда ночь была очень темная.

Она взяла меня за руку и увела.

- Вот вы со всей семьей были на улице?
- Да.
- Как оказалась эта женщина рядом с вами?
- Я не знаю, как она оказалась, но, видимо, хотела помочь чем-то.
- Она вас сразу забрала?
- Сразу. Она взяла первого попавшегося. Я попался, и она меня

взяла.

- Как ее звали?
- Клава.
- Она взяла вас за руку и куда повела?
- К себе домой.
- А потом?
- На сеновал.
- Вы знали, что происходит с вашими родителями?
- В тот момент мы знали, что грузят и везут копать траншеи. Это мы, дети, так думали, а взрослые уже понимали, что происходит.
- У вас были братья, сестры?

– Старший брат с 30-го года и сестра с 32-го года. Но их в это время там не было.

- А где они были?
- Они были, по-моему, в Грозном.
- А почему они оказались в другом городе?
- Там наши родственники жили. Они туда в гости поехали. Буквально дней за 10 – 15 до этого уничтожения. По чистой случайности.
- Когда немцы были в Богдановке, вы свободно перемещались по селу?

- В первые дни – да.
- А потом что было?
- Потом был полный запрет на выезд.
- А как же они тогда могли уехать в Грозный?
- Ну, может, они чуть раньше уехали, но я знаю, что ни моего брата, ни сестры тогда в Богдановке не было.
- Кто-то еще был на сеновале этой женщины?

– Девочка и еще два мальчика. Четыре человека примерно одинакового возраста.

– Эта женщина была одна или кто-то еще у нее был, семья?

– Нет, там две вдовушки жили. Тетя Клава и тетя Люся. Или Фрося ее звали.

– А кто привел других детей?

– Ну, наверно, они. И на другой день мы узнали, что всех заставили рыть ров и всех туда покидали – и живых, и мертвых. Кого расстреляли, кого прямо живьем туда покидали. И точно такой была вторая могила, куда бросали семьи партизан и коммунистов.

– До этого массового уничтожения были какие-то случаи расстрелов людей?

– Каждый день расстреливали.

– За что расстреливали?

– За неповиновение.

– Где обычно расстреливали?

– На площади вроде не расстреливали. В сарае где-нибудь.

– Кого обычно расстреливали за неповиновение?

– Всех подряд, но в основном семьи коммунистов и семьи евреев.

– Вы сами видели, как расстреливали семьи евреев?

– Сам не видел, как расстреливали, но как хоронили – видел.

– А кто хоронил?

– Население.

– А где хоронили?

– За селом, в метрах в 600 – 700, было кладбище.

– До расстрела приходили немцы и уводили на какие-нибудь работы?

– Особой работы не было. Я знаю, что женщины ходили, стирали им, полы мыли там, где они жили. Мужчины за конями их ухаживали. Кузнец был один, он ремонтировал им колеса, смазывал. Вот такие работы.

– Вашего отца или мать брали на работы?

– Отец был на фронте, а мать была с другими детьми в Грозном, потому и осталась в живых.

– А как отца забирали на фронт, вы помните?

– Нет.

– В Богдановке были вы, ваши бабушка и дедушка? Кто еще был?

– Моя родная тетя, она в той яме лежит, а также ее два сына, дедушка, бабушка. Это близкие, а вообще моей фамилии там 18 человек.

– После расстрела были еще попытки поиска со стороны немцев тех, кто спрятался?

– У них не было времени. Там был один мальчик-казак, он поскакал к партизанам, ему вслед стреляли немцы, он сделал вид, что в него попали, и так он спасся. Он доскакал до партизан, которые были в степях,

и рассказал, что убивают семьи. Не дожидаясь Красной Армии, партизаны нагрянули и полностью освободили село. К захватчикам они отнеслись так, как полагается. А из той ямы партизаны достали четырех человек живых. Руками раскапывали.

– Вы были там?

– Да. Из этих людей один, последний, четыре или пять лет назад умер. Он был полностью слепой.

– Во время оккупации немцев где брали продукты?

– В основном питались рыбой. Там было очень много озер и было много рыбы.

– Вы помните, что вы ели, когда была оккупация?

– Пока корову не отняли, все время было молоко. Были бараны. Они ведь не сразу все забирали, потому что их надо было кормить. Они брали у населения, как со склада. А что касается хлеба, то была мука.

– На тот момент, когда расстреливали, что ели?

– Если говорить о том времени, когда они стали агрессивными, то жарили муку на сковородке. Потом делали похлебку.

– Что-то еще запомнилось со времен оккупации, о чем вы не сказали?

– Когда пролетали самолеты и бомбили, мы, дети, собирали осколки. Везде были осколки. А при отступлении и бочки даже пустые бросали их самолеты. Но отступление было быстрым.

– А какая форма была на немецких солдатах?

– Как у всех, полевая.

– Какого цвета?

– По-моему, зеленая. Были один-два офицера в темной форме, а в основном пехота. Запомнились их высокие фуражки и хромовые сапоги.

– Только немецкие части стояли в Богдановке?

– Да.

– Что еще запомнилось?

– После того как они отступили – женские слезы, вопли.

– А в период оккупации?

– Если самолет пролетал, то бросал листовки.

– Что было написано в листовках?

– Что германская армия будет относиться к населению хорошо, что дадут землю, работу. Специалисты смогут работать по своей специальности. Что можно иметь скот, заниматься на земле. Что трогать никто не будет.

– А откуда вы знаете, что там было написано?

– Взрослые говорили.

– Вы помните, как уходили немцы? Кто с ними еще уходил?

– Этих людей, которые носили красные повязки, сразу партизанам показали, и партизаны их уничтожили. Без всякого суда и следствия.

– Вы видели, как их расстреливали?

– Сам видел. Некоторые говорили: «Я не носил повязку». А женщины говорили: «Ты приходил, ты указывал, где евреи живут» – и его сразу... Потом был вроде такой разговор, что наших наказывали за то, что без суда и следствия расстреливали. Но как было не расстреливать, если по их вине столько людей полегло! Люди были очень агрессивно настроены. Если бы партизаны их не расстреляли, то люди бы сами это сделали.

– Что потом было, после освобождения?

– Потом наша мать приехала, забрала меня и увезла в Грозный¹. А потом сразу в Хасавюрт.

– А почему уехали в Грозный? И из Грозного почему уехали?

– А потому, что немцы ушли отсюда, но до Грозного продолжали бомбить. Бомбили не нефтяные вышки, а окрестности. И тогда мать нас всех собрала: меня, брата, сестру, отцовского отца, двух сестер дедушки, брата матери. Человек 12 – 14 мать вывезла.

– А они жили не в Богдановке?

– Они в Грозном жили.

– А до Грозного из Богдановки вы как добирались?

– Она приехала на трехтонке. И забрала нас.

– А в Грозном как долго вы потом жили?

– Может, месяца два-три, не больше.

– У кого вы там жили?

– У дедушки.

– А почему именно в Хасавюрт вы уехали?

– Там было спокойнее, и это был не промышленный город. Немцам он был не нужен, пока они не взяли бы Грозный и потом Махачкалу. Но это у них не получилось.

– Как вы добирались до Хасавюрта?

– На грузовой машине.

– Вы приехали в Хасавюрт, что было дальше?

– Там мы жили до окончания войны. Потом переехали в Нальчик, потом опять в Грозный.

– А окончание войны вы помните?

– Тогда мимо Хасавюрта проходили эшелоны с солдатами и в нашем дворе, и не только в нашем, жили солдаты. Человек двадцать-тридцать. Они еще открывали большие банки с американской тушенкой. И сухое молоко, тоже американское. И еще американский хлеб в упаковке. Ему было лет 10 – 15, положишь его в духовку – и он как свежий совсем. Это я хорошо помню. Тогда еще плохо было с водой. Люди шли 2 – 3 километра за водой и брали из канавы. Тогда воду давали по чекам. Один чек на два ведра воды. Это было и во время войны, и после войны, потому что боялись, что вода отравленная.

– Кем могла быть отравлена вода? Почему так считали?

- Шпионами!
 - А где вы жили в Хасавюрте?
 - Я считаю, что мать приобрела дом.
 - А откуда деньги?
 - Я не знаю, может, от бабушки.
 - Большой дом был?
 - Небольшой, четыре комнаты и во дворе что-то вроде временки.
- Три комнаты. Человек 25 – 30 там жили.
- Чем отапливался дом?
 - Дровами.
 - Где во время войны брали дрова?
 - Продавали вязанками.
 - Сколько стоила вязанка?
 - 25 рублей. Продавали чуть ли не на каждом перекрестке. Вязанка стоила, как булка хлеба. Цены во время войны и после войны были одинаковые.
 - Когда вы жили в Хасавюрте, мама работала уже где-то?
 - Мама работала. Директором магазина.
 - Как она устроилась на эту работу?
 - Во-первых, отцовский брат занимал хорошее место. Он ведь еще до войны был замначальника ОГПУ. И у матери было образование. Магазин был смешанный, продавали и продовольственные, и промышленные товары. В самом центре базара находился магазин.
 - Расскажите об отце. Что вы о нем знали во время войны?
 - Отец приехал с фронта в начале 1945 года, война тогда еще не окончилась. Он был в стальном корсете: у него позвоночник был поврежден. Из госпиталя приехал.
 - Как он узнал после Богдановки, что вы в Хасавюрте?
 - По-видимому, писал в Богдановку. Но мы ведь его адрес полевой знали, и мать постоянно ему писала.
 - Помните тот день, когда отец пришел?
 - Помню. Матери тогда дома не было. Зашел высокий такой, худенький. Он хотел меня на руки поднять, но из-за корсета не получилось. Он лет восемь его потом носил, но позвоночник всю жизнь беспокоил. Я хотел сразу побежать за матерью, но он сказал: «Пусть придет с работы». Когда она пришла – и смех, и слезы, и поцелуи.
 - Как-то отмечали вы день возвращения отца?
 - Конечно.
 - Рассказывал вам отец, где воевал, как воевал?
 - Да. Отец был в горнострелковом полку. Пулеметчиком. Он был самым здоровым, и ему пулемет дали. Воевал здесь, на Кавказе.
 - Где его ранили?
 - Не знаю, не помню.
 - Что-то особенное отец рассказывал?

– Он же был на передовой, особо что-то не расскажешь.

– Вот вы сказали, что в 1946 году пошли в школу. Что помните об этом?

– Я помню, что младший брат отца, кадровый кэзэбэшник, погиб.

– Как это случилось?

– Он всегда задерживался на работе и приходил поздно ночью. Он был намного моложе моей матери, и мать даже советовала ему, когда, мол, поздно идешь с работы, не ходи по центру дороги, а иди по тротуару. Потом мать ему поставила ультиматум: жениться. И она его женила, а он ее не любил. Он пишет первое письмо с просьбой отправить на фронт. Ему отказали. Второе – опять отказали. Он пишет, мол, я кадровый офицер, мое место на фронте. А ему говорят: «Вы нам нужны здесь, в тылу». Он отправил третье письмо прямо в Москву. Пришел положительный ответ. Из таких, как он, сделали полк из одних офицеров. Их отправили на фронт, но, видимо, немецкая разведка узнала, что едет эшелон из одних офицеров, и под Орловско-Курской дугой, у хутора Холодного, из этого состава ни одного живого не осталось. В этом хуторе есть памятник с фамилией Амирамова Алексея Тимофеевича.

– Как складывалась ваша жизнь после войны? Где вы учились, работали?

– Закончил 10 классов и потом пошел в армию, но не сразу, успел еще шофером поработать. В армию пошел в 19 лет. Служил под Москвой сначала. Потом отправили в Литву. Закончил курсы механиков и остался при школе.

– Сколько лет вы служили?

– Четыре.

– Почему так долго?

– Мы были приравнены к флоту. К тому же после войны было очень мало призывников.

– Возникали у вас какие-нибудь проблемы в армии из-за того, что вы были на оккупированной территории или что вы еврей?

– Нет, не было. Проблема была с моим сыном. Он был очень развитый мальчик. В метрике мы написали, что он русский, потому что мать его русская. В армии он сдавал экзамены на поступление, их часть была связана с электроникой, авиационная. Из 25 возможных баллов он получил 24 и все равно не прошел. Только из-за того, что его отец – еврей. Сейчас он преподает информатику.

– Где вы работали после армии?

– Очень долгое время я работал шофером. Строил дорогу Москва – Баку, Терско-Кумский канал, Большой Чуйский канал, Тактагульскую ГЭС, линии связи строили в Чечне.

– Какие-то интересные факты при строительстве ГЭС были?

– На Тактагульской ГЭС, когда стали укладывать сплошной бетон, кто-то сказал, что плотина заминирована. Вы можете представить, что

это значило? Ферганскую долину могло уничтожить за два часа, если плотина не выдержит. Ну и потом говорили, что в связи с этим там было построено еще 12 плотин. Платили нам очень хорошо. У нас шло 105 процентов льгот.

– Сколько вы там зарабатывали?

– В общем, я столько платил партийных взносов, что это равнялось зарплате здесь. Где-то около 10 тысяч. За полгода я мог купить легковую машину. Но там и условия были трудные. Жара 45 градусов. Скалы накаляются. Работали в туннеле и в пропасти. Подъезжали к пропасти – и все туда сваливали. Там стоял человек с красными флажками, чтобы машины не упали в пропасть.

– Были случаи гибели?

– Очень много, и в основном шоферы. Был такой случай, что одна машина с лаборанткой просто исчезла. Не вернулась. И искать было невозможно. Там глубина от 70 до 100 метров. Но все-таки искали, и машину смогли вытянуть. Шофера внутри не было, видимо, течением унесло, а она была мертва.

– Как вы познакомились со своей женой?

– Я был в Грозном. Послали строить дамбу на Тереке. Терек весной сильно разливается, и туда нас послали. Мы ночевали по несколько человек в местных семьях. И я жил в их семье. Потом я увидел ее на танцах, и вот так мы познакомились.

– В каком году вы с ней поженились?

– 36 лет тому назад.

– Кто она по национальности?

– Мать украинка, а отец, видимо, был русский.

– Как свадьбу отмечали?

– В принципе, свадьбы у нас не было. Была регистрация, вечер устроили.

– После войны в вашей семье отмечали религиозные праздники?

– Все праздники отмечали обязательно.

– Как родители отнеслись к тому, что вы женились не на еврейке?

– Сначала очень плохо. Мой отец даже сказал, что младшего сына больше нет. А мать дала согласие. Но мы с женой очень любили друг друга, и потом у меня сын появился. Я уехал в Среднюю Азию, и затем жена приехала ко мне. А потом моя русская жена так себя показала, что отец даже ходил ее встречать с работы. И он ее потом всегда защищал.

– А она интересовалась еврейскими традициями, соблюдала законы?

– Вы знаете, она постоянно носила в синагогу кур резать. Даже когда мы уже жили самостоятельно и она знала, что придут родители, она всегда носила резать в синагогу, потому что знала, что родители едят только кашерную пищу. Она и русские праздники справляла, и

еврейские. Она была полировщицей мебели. Здесь, в Нальчике, она работала на предприятии военной промышленности.

– Сколько у вас детей?

– Трех она мне родила, и потом у нее остался один младший братишка. Мы его тоже вырастили. Женили его, и сейчас он живет в Ставропольском крае. Потом я забрал ребенка у родной сестры. У нее первый муж разбился, и она второй раз вышла замуж, а сына ее я забрал к себе. Таким образом, у нас вроде 5 сыновей.

– Как сложилась судьба ваших детей?

– Старший сын, Леонид, закончил 10 классов. Отслужил. Вернулся в Нальчик. Поехал потом к двоюродным братьям, которые работали в Казахстане. Был заготовителем шкур, пушнины. Поступил в Барашевский пушно-меховой техникум. Дали ему заготпункт. Но призванием его с детства всегда была электроника. И сейчас он в школе, уже третий год преподает информатику. Средний сын тоже закончил 10 классов. Потом я взял его к себе на работу в строительство здесь, в Нальчике. Он руководству понравился, и его направили на учебу. Стал машинистом по гидравлике. Младший сын, Николай, водитель-профессионал. Недавно мы его женили.

– А старшие два сына женаты?

– У старшего есть дочь, она сейчас в Израиле. И жена его тоже там. Но она там вышла замуж. Третий сын не женат.

– У вас когда-нибудь были проблемы из-за национальности?

– В Кабарде не было, в Грозном не было, на Тактагульской ГЭС тоже не было.

– Может, вы хотите что-нибудь добавить?

– Хочу поехать в Израиль.

– Вы были в Израиле?

– Да, был четыре дня, а после Израиля поехал в Америку за счет моих друзей.

– Вы знали об истории Израиля? Интересовались?

– Я уже давно стремился туда уехать. Но кое-что не позволяло. То отец был болен, то мать. Но постоянно интересуюсь их политикой, положением и развитием. У меня там много род-ственников.

– Когда вы впервые услышали о Государстве Израиль?

– В 1948 году, когда оно образовалось.

– Откуда у вас была информация?

– От бабушки. Он грамотный был. Он всегда говорил, что рано или поздно все евреи должны собраться там.

– Вы приезжали в Богдановку 9 Мая?

– Все время, один или два раза только пропустил.

– Как-то отмечено место расстрела?

– Да. Сначала там стоял памятник. Там была плита. А теперь там стоит памятник – женщина в черном платье. И каждое 9 Мая при

помощи местных властей там проходят митинги. Известный еврейский певец Ефрем Амирамов написал поэму «374».

- А почему «374»?
- Потому что там лежат 374 еврея.
- Что бы вы хотели пожелать будущим поколениям?
- Чтобы мы никогда не хоронили своих детей. Чтобы все решалось мирно. Чтобы наши дети не видели того, что видели мы.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ В сентябре 1942 г. в селе Богдановка расположилась комендатура оккупантов. На 15 грузовых автомашинах взвод немецких солдат вывез несчастных на окраину села. Мужчинам и женщинам вручили лопаты и заставили рыть колодезь. Фашисты стали стрелять. В числе расстрелянных были Амировы – 2 семьи (5 душ), Абрамовы – 3 семьи (11 душ), Ашуровы – 2 семьи (8 душ), Бельхиявы – 1 семья (7 душ), Гарелики – 3 семьи (19 душ), Давидовы – 4 семьи (23 души), Дармаевы – 6 душ, Инотаевы – 3 семьи (21 душа), Ифраимовы – 1 семья (2 души), Исаковы – 2 семьи (7 душ), Ильдаровы – 2 семьи (17 душ), Израевы – 5 семей (25 душ), Кроник – 1 семья (6 душ), Кишеевы – 5 семей (28 душ), Матаевы – 18 семей (113 душ), Мурзахановы – 1 семья (2 души), Новаховы – 3 семьи (15 душ), Назаровы – 2 семьи (9 душ), Пинхасовы – 8 семей (44 души), Призовы – 5 семей (19 душ), Рабаевы – 3 семьи (10 душ), Фельдманы – 2 семьи (7 душ), Шауловы – 3 семьи (8 душ), Шамиловы – 9 семей (35 душ), Яшагиевы – 2 семьи (10 душ), 16 душ – фамилии не установлены. Осталась в живых девочка 15 лет – Алиса Призова, спасенная старой русской женщиной, фамилия которой так и осталась неизвестной. Она была единственным свидетелем на суде, когда судили предателя и убийцу Федора Шифера в 1964 году в станице Курской Ставропольского края.

Из данного материала ясно, что в Богдановке расстреляны ашкеназские евреи и горские.

Александр Разиев

13 января 1998 г.

Нальчик

– Назовите ваше имя и год рождения.

– Я, Разиев Александр Борисович, 1935 года рождения по паспорту, настоящий год рождения – 1932-й, 12 мая.

– У вас были другие имена – еврейские?

– В детстве меня называли Шамиль.

– Где вы родились?

– В Моздоке.

– Расскажите подробнее о своих дедушках, бабушках. Что вы о них знаете?

– Дедушка читал Тору. Я помню его с 70 лет и до того, как ему было 75. Бабуля была на 5 лет его моложе.

– Как звали дедушку и бабушку?

– Дедушку звали Дон Давидович. У бабули девичья фамилия была Шамилова.

– А где они жили?

– В Дагестане. В Хасавюрте.

– А вы жили у них до войны?

– До войны мне часто приходилось бывать в селе Менжиновске¹. Это в Ставропольском крае. А родители мои жили в Моздоке. Дедушка и бабушка переехали жить в село. Это было в 1930–1932 годах. Когда начинались колхозы.

– А чем занимался дед до революции?

– До революции в Хасавюрте у него были плантации. Виноград. Потом, когда они переехали в еврейское село, он занимался земледелием. В то время сажали хлопок, пшеницу, просо, лен.

– Это было в каком селе? Вы сказали, что оно образовалось при Советской власти?

– В Менжиновске.

– А кто его образовывал?

– Это была группа стотысячников, которая образовала Богдановку, Исаковку, потом стали называть Менжиновск.

– Чем занимался ваш отец?

– Первое время он работал в селе земледельцем, потом переехал в город.

– Как звали отца?

– Отца звали Беце, фамилия Разиев.

– Отец был грамотный? Учился где-нибудь?

– Он был малограмотный, но Тору знал. Изучал в Тбилиси. Когда он остался без отца, его дядя воспитывал, купил ему специально место в синагоге.

- Долго отец учился в Тбилиси?
- От предков я слышал, что, когда его решили женить, познакомили с моей матерью, он переехал жить в Дагестан. Потом они решили поехать в это село. Там они поженились и переехали в Моздок.
- То есть до женитьбы отец учился?
- Учился Торе. Он много языков знал: русский, лакский, даргинский, кумыкский знал хорошо. Иврит знал, Тору знал, а после войны он изучил кабардинский досконально. В нашей синагоге его все знали, он читал молитвы здесь, будучи уже в преклонном возрасте.
- На каком языке он читал?
- На древнем языке Торы. А иврит – он сейчас до нас дошел, когда Израиль образовался, а так только язык Торы знали.
- Вы помните дом, в котором жили?
- Помню, но его сейчас нет. Там все разбомбили.
- Расскажите, что за дом был?
- Правление было покрыто черепицей, а остальные дома – камышом, полы земляные. Моя мать постоянно покрывала полы желтой глиной. И всегда говорила: «Когда мы выйдем из этого положения?» И мы потом переехали жить обратно в Моздок.
- Сколько комнат было?
- Одна комната, прихожая и с левой стороны, где зерно хранили.
- Сколько человек жили?
- Четверо.
- Люди каких национальностей жили в Менжиновске?
- Жили субботники там, они разговаривали на русском, но вероисповедание было наше. Читали Тору, ну и в школу они ходили, жили, по-моему, армяне, точно не помню, но в основном евреи. Горские евреи.
- Много жителей было в селе?
- Да. Там дома стояли в два ряда. Аллея была широкая, дома не особо хорошие, покрыты камышом.
- Как долго семья прожила в Менжиновске?
- Не более 5 лет. С 1935-го по 1940 год.
- Ваша семья была религиозной?
- Да. Дед считался раввином в том селе.
- Синагога была в селе?
- Был дом. Там хранились свитки, где постоянно читали.
- Что он из себя представлял?
- Помню, там стоял шкаф, где находились свитки, Тора, покрывала из бархатного плюша. Мы туда мальчишками забегали, а взрослые все читали. Мои родственники – выходцы из Дагестана, а там все религиозные, поэтому они все придерживались субботы. Моя бабуля, когда отец был на фронте, читала за отца, ставила свечи. Свечи зажигали малыши. Бабуля смотрела. В субботу все начиналось, и она до

следующего дня ничего не ела и не пила. Каждую субботу держала пост за деда.

– До войны как соблюдали субботу?

– Порядок был. Перед субботой все мылось в доме. Была отдельная посуда для молочных и мясных продуктов. Соблюдалось все это строго. В то время Советская власть и не запрещала, и не разрешала. Но люди боялись. Хоть и запрещалось, но кто хотел, тот делал.

– В синагогу люди открыто ходили?

– В селе – да, а в городе – нет. В городе боялись соседей. Когда зажигали свечи, старались, чтобы соседи не заметили, а в селе все были евреи. Там все свои.

– Как отмечали праздники в селе? Какие праздники вам запомнились?

– Пасха. Когда шла Пасха, делали мацу. Маца была без соли. Это от предков, я сейчас это хорошо знаю, как наши предки спасались. Из семечек делали лепешки потолще, вкуснее, соль туда не добавляли. Все делалось на пресной муке. Во время Йом Кипура брали петуха и крутили над головой мальчишек. Петуха потом резали, и этого петуха оставляли себе, но дед иногда предлагал поменяться с соседями. Дед сам резал, но не ел, что резал. Он только яйца ел, молочное. Был высокий, рыжий. Я на него абсолютно не похож. Это был дед со стороны матери. А могила деда со стороны отца здесь, в Кизляре. Мы ездили туда. Раньше на могилу ставили камни, а на камнях было высечено зубилом или еще чем-то.

– Веселые традиции вы помните?

– Ханука. Готовили лепешки. Мне хлеба тогда хватало. Мы одевались не так прилично, как сейчас. Но не считали себя обделенными. Мать готовила хлеб на оброте, у нас корова была, сепаратор был, мы сами прогоняли молоко, и я уже наедался, пока все на стол положат. К столу мы не торопились. Старшие уже сидели за столом, водку не пили, вино пили, вино сами делали. Хлеб тогда мне казался благодатным. После войны такого не было. Но пусть у нас будет любой хлеб.

– Что готовила мама, помните?

– Сейчас это называется спагетти, раньше называли лапшой, с яйцами. Сушила. Готовила из нее плов. Из вермишели. Рисовый плов готовила. В пасху брала мацу, отпаривала и готовила, как запеканку. Очень вкусно было. Но соли не было. По религии надо без соли, и это соблюдалось.

– А еще что готовила мама?

– Перед субботой все было приготовлено. В субботу, перед тем, как первая звездочка появлялась, детей заставляли зажигать свечи, подогревали еду. Дети зажигали печку. Дети в субботу ели, конечно. Взрослые, кто держал пост, – не ели. Моя бабуля не ела. Бабуля в субботу ела, пока у нее все нормально было. А когда деда забрали на войну, она

ни в одну субботу не ела. Заставляла детей зажигать свечи, сама не зажигала. Было специальное место для свечей.

– А где было специальное место?

– Как вам сказать. Там, где сейчас в новых домах место для телевизора, там и было. В субботу обычно собиралась детвора. Бабуля выносила им. Если ели мясное, то молочное ели только через два часа, фрукты были, но немного. Арбузы были хорошие, и много. Мать делала из них мед. Потом к этому меду добавляли сливки. Мать готовила хичины и давала с ними вот этот мед, добавляла сметану. Такого я уже давно не ел. Еще готовили из льна. Его как-то пережаривали, получалось что-то вроде повидла, потом растапливали на огне, добавляли немного сахара, и оно становилось, как шоколад. Тогда шоколада не было, это было лакомство.

– Какое хозяйство тогда было?

– Отец держал корову, два телятка. Одного телятка надо было отдать в колхоз. Не говорили, что мы у вас заберем. Если мать что-то для дома покупать хотела, надо было продавать бычка. Но были активисты, говорили: «Надо отдать» – приходили и забирали. Это было очень строго. Мы держали корову, бараны были, куры, индюки. Свиной не было.

– Как хранили мясо?

– Холодильников не было. Зимой в кастрюле на снегу. Арбузы были до Нового года. В стоге сена хранили. Очень сладкие были. Тот, кто напивался, ел арбуз, и сразу трезвел. Если бы немцы не убили всех, то село до сих пор бы существовало.

– А в селе был колхоз?

– Да. Выращивали зерно, лен, я говорил. Те времена были очень теплые, сажали хлопок. Хлопок любит воду и солнце. Говорили, что когда нужен дождь, надо молиться, – и шел дождь. Так было.

– Ваша семья по достатку в деревне считалась какой?

– Тогда все люди были равны. Колхоз распределял. Не помню, кто был директором, по-моему, Навахов какой-то, он сейчас здесь где-то похоронен. Особенно милиция запомнилась. У них была такая красивая форма, темно-зеленоватая, погон не было, были петлицы, фуражки, козырек блестящий, черный.

– А что еще запомнилось из детства? ²

– Воду приходилось таскать. Приспособлялись, тачки делали. Бочка дома была для воды, и ее постоянно пополняли.

– А почему родители уехали из Моздока?

– В Моздоке негде было жить, купить – дорого, а в колхозе все давали. Поэтому переехали обратно. Вернулись до 1941 года, там построили одну комнату, другую не достроили, какой-то сарай, но тоже не достроили, отца забрали в армию на подготовку – перед войной. Он в Киеве был.

- С вами в Моздок кто поехал?
- Мать, отец, я и кроме меня еще мальчик и девочка.
- Сколько до войны в семье было детей?
- Трое. Я, мальчик и девочка, она померла, у нее что-то с желудком было. Вылечить не смогли.
- Чем отличалась жизнь в селе от жизни в городе?
- В селе трудно было, потому что никогда не удавалось по-настоящему одеть детей, в городе хоть что-то получали, можно было одеть. Мать устроилась на фабрику, она шила телогрейки, ватники, видно, уже знали, что будет война. Мне она пошила рубашку, брючки красивые. Я ходил, и на себя посматривал, и думал, что если бы она все это купила, то было бы дорого. Отец получал 56 рублей.
- Кем работал до войны отец?
- Он с грызунами боролся. Травил грызунов.
- Хозяйство держали в городе?
- Нет, ничего у нас не было. На базаре все покупали. Мясные продукты на базаре мы не покупали. У нас в синагоге мясо один-два раза в месяц резали, брали кур, относили к раввину, и он резал. Цены точно не помню, по-моему, хлеб стоил где-то 30 копеек или 20.
- Какой хлеб вы покупали?
- Тогда было два вида хлеба. Ржаной и посветлее. Хлеб долго не задерживался в магазине. Только принесут – и сразу разбирали.
- До войны сладости какие-то покупали детям?
- Мама покупала в городе. Не особо вкусные. Если московские попадались или кто в гости приезжал, а так я не видел.
- Вы ходили в школу до войны?
- Ходил, она до сих пор сохранилась, но в ней не учат. Дерево там стоит – дуб. Я как в Моздок езжу, подхожу к этому дереву, обнимаю.
- Вы помните, как вы пошли в школу?
- Помню. Меня тетушка одела в белую рубашку. Особенной школьной формы не было, кто как мог, так и шел. Мою первую учительницу звали Мария. Армянка была. Брали букварь, арифметику, спички. Ценными считались, тогда зажигалок не было. На уроках арифметики учились считать на спичках. Любимый предмет был арифметика. Русский, когда из села приехал, не особенно знал. Я в Моздоке научился русскому языку. Все дети по соседству были русские. У меня тетя тогда на педфаке училась, закончила в 1939 году, приехала в село. Ее послали на работу во время каникул, она убирала сено, надорвала позвоночник и умерла. Она меня учила писать и читать по-русски. Потом война началась и стало не до учебы.
- Как складывались отношения детей разных национальностей?
- Нормально. Никто не обзывался. Все уважали друг друга, учителя были приветливыми.
- В основном дети каких национальностей были?

- Русские, армяне, даргинцы, осетины, чеченцы.
- Религиозные сооружения других религий были, вы помните?
- Нет.
- Синагога была?
- Да.
- Церковь была?

– Было здание Успенской церкви, ее во время войны бомбили. Немцы ее не бомбили, бомбили наши. В церковь не заходили, там был военный склад, только подходили, помолются на колокола – и назад. Это не запрещалось. Православная церковь.

– Какая синагога была в Моздоке?

– На улице Ермоленко, у младшего брата моего деда, комната была выделена. Особо много народа не было, верующих человек сто. Тогда считалось, если кто-то работает, или ходит на службу, или учится, то они не должны ходить в синагогу. Иногда 10 человек не могли собрать. Но обряды все соблюдали, например, если ребенок появлялся, все делали, как положено. Был специальный человек. Евреи в Моздоке в основном были горские. Были и европейские.

- В Менжиновске были европейские евреи?
- Были. Говорили по-русски, но вероисповедание было наше.
- Есть еще у вас какое-то яркое воспоминание детства до войны?

– Что могло быть интересного в селе? Там все люди в основном заняты. Жара была сильная. Идешь – и след змей на земле. Я помню, одного мальчишку змея ужалила в ногу. Долгое время у него не проходило, пятно оставалось. Мы постоянно находились возле воды. Был колодец не менее 15 метров. И стены невыложенные. Вода холодная, прозрачная и вкусная. Были две бочки, одна наливалась, другая выливалась в корыто. Приходила скотина, выпивала, потом вновь уходила на пастбище.

- Вы рассказывали, что отца взяли на переподготовку. В каком году?
- В начале 1941-го.
- Как проводили отца?

– Проводили, как все. Не один мой отец ехал. Он нам писал из Киева. Он в медсанбате служил. Отец должен был три месяца служить. И больше не вернулся. Я его увидел на пересылке, когда он проезжал на грузовике. Сказал деду: «Вон отец едет». «Ничего, вернется» – и прочитал какую-то молитву.

– Говорили в семье о войне до войны?

– Не помню.

– А о Гитлере говорили?

– Собирается напасть, говорили, на Советский Союз. Люди говорили.

Не у каждого были репродукторы.

– От кого вы узнали, что война началась?

– От людей. Все плакали.

– Мама не пыталась к отцу в Киев поехать?

– Она не могла нас бросить и уехать. Когда немцы Киев взяли, отец написал нам: «Не оставайтесь, двигайтесь с фронтом». Многие уезжали, но и многие оставались. Ввели пропаганду, что там воду нельзя достать, хлеба, мол, там нет и прочее. Поэтому боялись двигаться. Была Сима такая, европейская еврейка. Она говорила: «Рахиль, вы почему не уезжаете? Ведь убивают». Она была из Киева, знала, там много евреев убили в Житомире. Она все-таки уехала, и многие другие уехали, но многие остались.

– Как долго вы оставались в Моздоке после начала войны?

– Мы были там и при немцах. Немцы 15 километров не дошли до Малгобека. Нам не надо было уезжать из Моздока. Те, кто оставался в Моздоке, все остались живые. Их никто не убил, а те, кто был под немцами, тех всех побили.

– Вы помните, как входили немцы в Моздок?

– Да. Нас бабули попрятали сразу. Они заходили, забирали квартиры и обустраивались.

– Какую форму они носили?

– Зеленую.

– Техника была?

– Техника на окраине города была.

– Немцы в ваш дом входили?

– Да. Поломали половину дома. С дровами и углем плохо было, и потому все поломали и уволокли.

– Какие приказы были изданы немцами?

– Евреям прийти и отметить. Мы не пошли туда. Никто из нас не пошел. Но был там один такой проворный человек, немцы как-то узнали, что он выделяет кожу. Они его взяли и заставили работать на себя. И некоторые стали говорить мне: «Был бы ты повзрослее, работал бы, и они бы тебе деньги платили». Взрослых заставляли работать.

– Им платили?

– Так говорили, я не знаю, по-моему, не платили, может, что-то давали. Нам немцы давали галеты, но мать говорила: «Не бери. Смотри, отравят».

– Где вы брали еду, когда немцы пришли?

– Кукурузу найдем – сварим. Иногда покупали яйца, выносили зерно на продажу.

– На какие деньги покупали?

– На наши. Немцы ничего не говорили. У них тогда марки были.

– Были в городе акции против мирного населения?

– Вот этого я не помню.

– Почему мама решила переехать из Моздока?

– В городе была война, боязно, и нас решили перевезти в село, там тихо, спокойно.

– На чем поехали в село?

– На повозке, со всеми вещами. Мама, бабуля и дед. Бабушка тогда была в Моздоке. Но она ездила туда-сюда, проводывала. Когда мы ехали, с нами был жеребенок. Он не был привязан к тачке. И немцы ехали. И этот жеребенок под мотоцикл бросился. Немец поднимает автомат. Ну, думаю, все! Потом он автомат опустил. Я говорю деду: «Может, вернемся?» «Нехорошо возвращаться» – и поехал дальше. На свою беду. Так мы приехали. Моя мать говорила: «Надо было назад возвращаться, раз такое дело». Может, если бы тогда деда убили, мы бы вернулись, а так вот что получилось.

– Что вы взяли с собой в Менжиновск?

– Я не помню. Барахло, еду брали. Но я не помню что.

– Когда вы приехали в Менжиновск, немцы там были?

– Да. Но не в самом селе. Там, как въезжаешь с левой стороны, был лес, там аэродром был. Они были на том аэродроме. В село они приходили, чтобы взять молоко, кур,

– У кого вы жили, когда приехали в Менжиновск?

– В доме у деда.

– Что ели?

– Дед привез с собой три мешка зерна, чтобы посеять. Думал, что все, как при Советской власти будет. Он нам не давал трогать это зерно. Мать ездила в Моздок, там что-то доставала и привозила. Ели мамалыгу из пшена, кукурузу, иногда картошку. Она была там дефицитом. Мать уехала полущить просо, и из-за этого осталась в живых.

– До массового уничтожения евреев были какие-нибудь акции?

– Был там один еврей – Алхасов. Он уже давно помер. Он, может, и знал, но нам не говорил. Он им воду возил. Я ему говорил: «Что ты им воду возишь? Пусть сами возят». А он: «Вырастешь, узнаешь». В общем, люди собирались жить. В Моздоке невозможно было жить. Там ведь линия фронта была. Если бы мы остались на линии фронта, тогда остались бы живые, а так 18 душ наших родственников погибли.

– Было ли какое-нибудь управление из местного населения?

– Да. Возглавлял дед какой-то – Пинков. До Советской власти он был кулаком.

– До массового истребления люди где-нибудь прятались, как жили?

– Немцы не бывали в селе. Накануне немцы сказали: «Надо взять питание на три дня, лопаты». Мы потом узнали – чтобы могилы копать. Я бы тоже с ними ушел. Я подумал: «Все ушли, что я останусь?» Но когда увидел, что соседа нашего, израненного, которого из Моздока привезли, бросили на подводу, подумал, что это не на работу. Всех отвезли на окраину города, потом подъехали машины и всех затолкали в машины, а глушители выходили в будку машины. Пока они доехали, уже были без сознания. А по дороге был такой случай. Налетели самолеты. Не знаю, откуда они узнали, но начали бомбить, стреляли из

пулеметов. Это было не доезжая Курской. Один человек спасся. Он сейчас в Израиле. Александр Нусуев.

– Откуда вы знаете, что была бомбежка?

– Он мне рассказал. Он был у нас в Сармакове у отца. Они жили за нашим домом в селе. Он рассказал, что его тоже забрали, он сначала тоже не понимал: «Потом, вижу, говорит, задыхаюсь. Все начали плакать, и я сбежал». Просто дело случая, пока немцы за воздухом наблюдали.

– В какое время суток немцы пришли уводить людей?

– День не помню. После Йом Кипура, 20–30 дней. Утром в 9 часов. Сказали нам: «Садитесь, на работу едем».

– Откуда они знали, что это еврейское село?

– Само село было известно как еврейское.

– Что было потом?

– Я бегал туда-сюда. Смотрю, подводы собрались, а люди в черной одежде с эмблемой. Солдаты были. Они стояли, не кричали.

– Это были немцы?

– Нет, это были румыны.

– Почему вы так думаете?

– Был специальный карательный отряд по уничтожению. Там говорили, что это румыны. Я убежал от подводы, куда наших погрузили, и смотрю, что получится. Зашел домой – все перевернуто. Вышел за дом, а там стоит мужчина в форме. Оружие у него было за спиной. Он просто держал руку на ремне, ходил сзади дома. А там, в трех метрах, была яма, дед саман брал, я и спрятался. Мы жили в начале села. Я видел, как вели людей к подводе, дети плакали. В основном были женщины и дети. Потом кто-то этому военному свистнул, и он ушел. А я смотрю, подъехали машины, по два немца встали с двух сторон и стали загружать людей в машины. Я потом побежал туда, не побоялся, и смотрю, что этот глушитель в будку идет. Всех по лестнице туда затолкали. Моего брата, сестру, всех затолкали. Но дед мой почему-то вернулся. В селе уже никого не было. Даже русские субботники попрятались. И дед мой идет и спрашивает: «А ты почему не поехал?» А я говорю: «Что мне там делать?» И спрашиваю: «А ты что, дед? Остаешься?» «Нет», – говорит, повернулся и ушел. Вот это я помню.

– Вы не пытались уговорить брата и сестру остаться?

– Ну он маленький был. Говорит: «Я с бабушкой хочу». А девочка еще меньше. Они плакали. Тогда бы и меня забрали. Некоторые тоже тогда в лес убежали. А потом моя мать приехала, со своей двоюродной сестрой из Моздока. Она начала плакать и говорить, что ты, мол, брата и сестру не оставил. А я говорю: «Как я мог, они ведь плачут, орут».

– А где вы потом были?

– В доме. Пришла соседка-субботница и взяла к себе. Потом моя мать приехала. Если бы она утром приехала, то и ее забрали. Она бы не бросила детей. Мать говорит: «Мы сейчас посидим, стемнеет, и

пойдем». Я ведь туда каждый год езжу. Беру свечи, цветы. Местные жители рассказывали, что когда их туда привезли, заставили копать могилы. Но они не могли, они почти без сознания были. Потом их заставляли чем-то губы мазать, потом открыли огонь из автоматов и пинками загоняли в яму. Четыре дня, говорят, потом земля дрожала. Дед еще успел им сказать: «Советская власть крепка, она еще вернется и вам покажет». Как знал. Потом, когда отец вернулся с войны, мы жили по Фурманова, 66, в Моздоке.

– Возвращаясь к военному периоду, вот пришла мать – и потом?

– Мы до ночи просидели дома, а потом пошли в Моздок. 30 километров. По фронтовой полосе. Самолеты наши летали, бомбили. А была осень, и мы прятались в стеблях подсолнуха, в камышах. Потом тетя наша с ума сошла, в Буйнакском сумасшедшем доме была. В Моздоке мы жили до 1947 года. Отец пришел в 1947 году, нажил ребенка. Ведь он был в плену в Эльзасе. Когда до этого он был в Киеве, власовец сдал весь полк в плен. Туда, в Эльзас, приехали из Советского Союза и говорят: «Вас Родина ждет, дети ждут». Отец даже и не думал, что живые остались.

– Как отец попал в плен?

– Когда Киев окружили, деваться было некуда, сопротивление было бесполезно, и власовец всех сдал.

– А его не спрашивали, еврей он или нет?

– Его раздели догола и спрашивают: «Почему вы обрезанный?» Он говорит: «Я мусульманин». И он прошел за мусульманина. Он чисто говорил на кумыкском языке. Но он говорил, что попался человек, который знал, что он еврей. Но он его не выдал. Из Моздока был человек. Его этот человек предупредил, когда немцы будут всех убивать. Так он спасся, а потом всех французы забрали. Когда он вернулся в Советский Союз, ему сказали, что надо поработать. Отец был человеком с юмором и говорит: «Мы люди кавказские, к чайхане привыкли». А ему говорят: «Чай не знаем, а хана вам будет». Спросили его, как он мог остаться в живых, ведь он же еврей. А он ответил, что знал языки и это помогло.

Тем не менее люди отца преследовали, знали о нем, и нам пришлось убежать из Моздока. Мы приехали в Кабарду. Здесь, в Кабарде, нас тоже преследовали. Приходили в дом, искали. Но люди предупреждали отца заранее, чтобы он прятался, а то, мол, заберут. Потом мы поехали в Кутаиси. В 1952 году мы вернулись в Сармаково. Когда Сталин умер в 1953 году, отец стал свободным.

– Когда умер Сталин, это в семье обсуждалось?

– Отец сказал: «Слава Богу, мое порабощение кончилось».

– А почему он считал, что Сталин во всем виноват?

– Сталин говорил: «Ты должен себя всего отдать, если не получается, ты должен себя убить». А у нас в Торе написано: «Кто на себя наложит руки, тот не еврей».

– Родились еще дети у родителей после войны?

- Данил в 1947-м, Николай в 1949-м, сестра в 1951 году.
- Какая была жизнь после войны?
- Мы приехали сюда, купили дом, работали в колхозе. Отец в 1972 году умер. Я женился в Моздоке, но жизнь не сложилась, потом еще раз женился, тоже не получилось. Она уехала в Израиль, а я не мог, мать не мог бросить.
- А хотелось уехать?
- С удовольствием бы уехал. Мне еще дед говорил, что придет время, когда все евреи уедут.
- Чтобы вы хотели пожелать будущим поколениям?
- Чтобы люди благо друг другу несли, а не зло.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1. Село Менжиновск. В начале 20-х гг. XX в. 70 семей горских евреев решением властей поселили в этом селе. Это были семьи из Моздока, Буйнакскa, Хасавюрта, Грозного, Нальчика. Сложилась маленькая еврейская община, которая жила по своим традициям. В основном занимались земледелием, ремеслом и мелкой торговлей. Имелась тесная связь с общинами Грозного, п. Джигута, Богдановки и Нальчика. Они ездили, чтобы засватать сыну девушку, на похороны. С приходом немецко-фашистских оккупантов в 1942 г. большинство евреев было расстреляно.

2. Горские евреи поселились в Моздоке в начале XX в. Первые семьи – Левиевы, Бакшиевы, Мурзахановы. Занимались ремеслами, заготовкой сырья и меновой торговлей. Община была связана между собой родственными связями. Было общение с горскими евреями других общин. Горские евреи свободно владели языками народов, среди которых жили.

Александр Симахов

8 января 1998 г.

Нальчик

- В каком году вы родились?
- 22 января 1929 года.
- Сколько вам сейчас лет?
- 69 лет.
- Где вы родились?
- Я родился и вырос в Нальчике.
- Почему вас называли Александр, вам рассказывали родители?
- Нет, мне об этом не рассказывали. Меня называли по-разному: то Санька, то Санек, когда я получал паспорт, то записали – Александр.
- Что вы знаете о своих родственниках?
- Я немного о них знаю. Дед мой был крестьянином, имел корову, лошадей. Так же и отец мой, и дядя были тружениками-крестьянами.
- После революции где они работали?
- Отец мой работал на кожзаводе. И продолжал держать коров и лошадей. Был раскулачен. За то, что имел три коровы и три лошади.
- В каком году это произошло?
- Не помню, кажется, в 30-х годах.
- Чем занималась мама?
- Была домохозяйкой. Потом работала швеей.
- Как звали родителей?
- Отца Язги, а мать Надя. Девичья фамилия ее была Ашурова.
- Чем мама занималась дома?
- Была домохозяйкой. Стирала и убирала.
- Какие блюда она готовила?
- Пирожки готовила, пасту из пшена. Хлеб пекла. У нас печка была во дворе. В магазине до войны мы хлеб не покупали.
- А мясные продукты где брали?
- Этого я не помню.
- А были какие-нибудь правила, связанные с мясом?
- Если раввин не резал, то мы такое мясо не ели. У нас была синагога рядом.
- Как выглядела синагога?
- Большое здание. Стояла там, где сейчас поликлиника.
- Сколько этажей было?
- Один этаж был, но здание было очень высокое, фундамент высокий. Стояла синагога на холме, и был очень красивый вид с него.
- А родители ваши часто ходили в синагогу?
- Отец ходил, и мать, мы, дети, тоже ходили. Мы – по праздникам, а дедушка каждый день.
- Когда вы приходили в синагогу всей семьей, то вместе там были?

- Женщины всегда отдельно были. В синагоге была отдельная комната для женщин.
- Как соблюдались в семье правила еврейской жизни?
- Я не помню, как соблюдались.
- Какие праздники в детстве вы запомнили?
- Я помню праздник Пурим. Мы ходили к родственникам, они нам яйца, сладости давали.
- А дома как-то отмечали этот праздник?
- Конечно!
- А как это было?
- Халву мама делала на праздник. Сладости.
- А как субботу отмечали?
- Дедушка не работал. Бабушка тоже не работала. Мать все готовила на субботу.
- Что-то особенное было в субботу?
- Дедушка утром уходил в синагогу. Потом приходил, накрывали на стол.
- А как отмечали Пасху?
- Пасху по-особенному отмечали. Все собирались и делали мацу. Хлеб не ели. Восемь дней мы не ели хлеб.
- Дом как-то готовили к Пасхе?
- Конечно! Убирали, стирали. Все чистили.
- А если в доме был хлеб, что с ним делали?
- Хлеб или скотине давали, или соседям отдавали.
- Как разогревали в субботу пищу?
- У нас были большие печи. В пятницу все готовили и ставили в печь, и она оставалась теплой очень долго. Закрывали печь специальной заслонкой, и ее еще затирали глиной, и еда оставалась горячей.
- Дедушка вас учил каким-нибудь еврейским законам?
- Говорили, например, что в субботу нельзя работать. Рассказывали, какой праздник, почему его отмечают.
- Совершеннолетие отмечали у мальчиков и девочек?
- Обязательно. Тринадцать лет отмечали мальчикам. А про девочек не помню. Про мальчиков помню, потому что мне отмечали.
- Как вам отмечали?
- Водили меня в синагогу, накрыли талитом с сйсидом (цицидом. – *Ред.*). Раввин читал молитву. Потом к нам пришли близкие родственники, и мы им накрыли стол.
- А вас как-то готовили к этому дню?
- Конечно, говорили, что ты уже мужчина.
- А когда вы ходили в синагогу, вас там чему-нибудь учили?
- Нет, мы только стояли и слушали.
- На каком языке была служба?
- Как и сейчас, на иврите.

- А общались на каком языке?
- На своем, татском.
- Вы ходили в школу до войны?
- Да, ходил.
- На каком языке преподавали в школе?
- На русском и татском. Два урока у нас было на татском языке.
- Сколько классов вы успели окончить до войны?
- Четыре класса успел окончить.
- В субботние дни вы учились?
- У нас только воскресенье был выходной.
- Как родители относились к тому, что вы учились в субботу?
- А что родители? Мы ведь в Советском Союзе учились.
- А советские праздники дома отмечали?
- А как же! Все отмечали. Ходили на демонстрации. Когда мы были пионерами, октябрятами, потом комсомольцами, все время ходили на демонстрации.
- Чем занимались в пионерской организации?
- Некоторые танцами, другие в кружки ходили. Мне нравилось в библиотеку ходить.
- А какие книги вы читали?
- Я много книг читал. Любимые авторы были Пушкин, Лермонтов, Мамин-Сибиряк, Горький.
- Вы читали там или брали с собой?
- Пока был маленьким, читал там, а когда стал взрослым, записался в библиотеку и брал домой.
- Какой ваш любимый предмет был?
- Литература.
- А учительницу помните свою?
- Да. Людмила Ивановна. Были еще Наталья Степановна, Нина Васильевна.
- Были экзамены в младших классах?
- Нет, экзаменов не было.
- Где вы брали учебники, тетради, когда учились в младших классах?
- Покупали.
- А писали чем?
- У нас были ручки с перьями и специальные чернильницы. Мы их с собой носили. Из папиных брюк мне сделали сумку, которую я носил за спиной.
- Дом ваш далеко был от школы?
- Рядом.
- Дом, в котором вы жили, был большой?
- Нет.
- Сколько комнат было?
- Две комнаты.
- Сколько человек там жили?

- Отец, мать, три брата и маленькая сестренка, самая младшая.
- Братья чем занимались? Назовите их.
- Средний брат уже умер. Его звали Гриша. Младший брат Савелий, 1935 года рождения, и сестра 1939 года рождения.
- Вы помните день, когда родился средний брат?
- Не помню. Я помню, когда родился младший брат. У нас гуляли все, когда ему обрезание сделали.
- Как делали обрезание? Где это делали?
- Дома делали. Приводили раввина и дома делали.
- Вы помните, кто до войны были раввинами?
- Амиров Нахамиль был, Ифраимов Исраиль – брат Амирова Нахамилья, Саади – вот этих я помню. Раввинов у нас было много. Но основным раввином у нас был Амиров Нахамиль.
- А хозяйство у вас было какое-нибудь?
- В первое время отец работал извозчиком на хлебозаводе, у него была лошадь. Вozил хлеб по ларькам, и у нас была корова.
- По доходу ваша семья какой считалась?
- Средняя. Ни у кого ничего не просили, жили своим трудом.
- А дедушка где жил?
- Он жил со своим младшим сыном.
- Чем занимались ваши дяди?
- Дядя имел свою повозку. Он ездил на станцию, брал пассажиров и отвозил домой. Другой дядя работал на заводе слесарем.
- А как отмечали свадьбу ваши родители, вам они рассказывали?
- Как отмечали? Приходили гости и праздновали.
- Было что-то особенное в еврейской свадьбе? Чем она отличалась от кабардинской свадьбы?
- Я на кабардинской свадьбе не бывал. Привозили невесту, а остальное я не видел. Сидят и гуляют женщины и мужчины.
- А какое-то яркое воспоминание детства сохранилось у вас?
- Помню, когда долго не было дождя, мы одевали мешок на голову одному из мальчиков, а нас бывало мальчиков пять или шесть, и ходили по дворам. Заходили во двор и говорили: «Дай, Бог, дождь пошел». Выходила хозяйка и выливала воду на голову тому, кто был в мешке, и нам давали то сахар, то конфеты, то деньги.
- Жили в городе европейские евреи до войны?
- До войны я европейских евреев не видел. Разве одного-двух. На Осетинской улице жила семья европейских евреев. Помню, он тоже возил на повозке пассажиров со станции.
- В семье говорили о том, что происходит в Германии, о Гитлере?
- Нет, про это мы не знали.
- А в школе?
- В школе тоже не говорили. Только когда война началась, мы узнали, что Германия на нас напала. Брат мой двоюродный в июле 1941 года ушел на фронт и не вернулся. Младший брат был в армии и вернулся,

один кабардинец его спас. Он уже себе копал могилу. Этот кабардинец служил с ним. И он подошел к нему и говорит: «Ты что, Семен, делаешь?» Он отвечает: «Рою могилу для себя. Мне приказали». И тогда тот кабардинец пошел в штаб и сказал, что это кабардинец.

– Это где было?

– Не знаю, где это было, но он сам рассказывал. После войны они были очень дружны. Он приходил к моему дяде, а мой дядя ездил к нему в село.

– Где это произошло?

– Он был тогда в армии. А где – не знаю. Он только рассказал, как его спас кабардинец. В каком городе не знаю.

– И потом что было?

– Ну он там сказал, что мой дядя кабардинец, в доказательство сказал, что обрезание не означает, что он обязательно еврей, потому что кабардинцы тоже делают обрезание. Вот таким образом он его спас.

– Как началась война? Как объявили?

– У нас на столбе возле магазина было радио, и по нему объявили, что началась война, что немцы напали на Советский Союз.

– Семья не пыталась уехать куда-нибудь?

– В эти вопросы мы не вникали, мы были детьми. К тому же у нас очень тяжелый на подъем народ.

– С началом войны беженцы появились в городе?

– Да. У нас жили беженцы из Киева. Европейские евреи.

– Они что-нибудь рассказывали?

– Да. Я не помню конкретно что, но рассказывали про зверства немцев. У них были два сына и дочь. Мы после войны переписывались.

– У вас был страх перед немцами?

– Конечно. Был даже такой слух, что если дом не будет так же убран, как до прихода немцев, то сразу всех расстреляют. Моя мать ничего не тронула, не спрятала, и на второй день зашли немцы и так нас ограбили, что даже спать не на чем было.

– Как вы жили после прихода немцев?

– Если утром просыпались живыми, то радовались.

– Где вы жили, пока была оккупация?

– Мы прятались у соседей. Мой отец вместе с ними выкопал траншею. При бомбежке мы прятались в этой траншее.

– Что она представляла из себя?

– Выкопанная яма полтора метра глубиной и накрытая чем попало. И когда начиналась бомбежка, и взрослые, и дети там прятались.

– Дно траншеи было чем-нибудь накрыто?

– Там ничего не было, только бревна, на них мы сидели. Это было до прихода немцев, а потом мы в траншее не заходили, потому что больше не бомбили. Немцы заходили, и то, что им надо, забирали и уходили.

- Как вы с ними общались? Они вам что-нибудь говорили?
- Мы никак с ними не общались.
- На работу вас водили?
- Водили. Старших. Меня не трогали.
- Старшие какую работу выполняли?
- Не знаю точно, что они там делали, но стирали, убирали.
- Какие-нибудь религиозные обряды справляли, пока были немцы?
- Эти обряды подпольно делали. Собирались в доме у моего деда и там все это проводили. Наш раввин сделал еще такую вещь. Он положил все священные книги, в том числе и Тору, таким образом, как будто хоронят умершего, отнесли на еврейское кладбище и все спрятали.
- Почему это сделали?
- Чтобы не узнали, что мы евреи. За нас кабардинцы и балкарцы стояли горой. Они нас оберегали. Водили немцев по домам и показывали, что и у них, и у нас все было одинаковое.
- К вам приходили?
- Приходили. У нас земляные полы были. И у кабардинцев, и у нас. Люльки точно такие же. Они это им показывали. Кроватей не было. Постель так же убиралась, как у них.
- А как постель убиралась?
- Собиралась в одно место и размещалась на полках – их называются.
- На чем спали?
- На коврах, у кого были. Если не было, то на камышовых матрацах.
- Белье постельное было?
- Нет. Никаких кроватей не было. Ни у нас, ни у кабардинцев.
- Религиозные обряды пытались немцы сравнивать?
- Нет, они не сравнивали.
- Когда немцы приходили, на каком языке они объяснялись?
- С ними всегда были переводчики.
- Переводчики кто были по национальности?
- Кто их знает, кто они были. Они не говорили.
- А вы знали этих людей?
- Нет.
- К вам тоже заходили?
- Зашли как-то. Мать жарила лепешки. Опрокинули сковородку, забрали ее и ушли.
- Где брали продукты, например, чтобы делать лепешки?
- На базаре.
- На какие деньги покупали продукты?
- Не знаю. Может, делали обмен, и у нас были к тому же свои запасы.
- Вы ходили на базар во время оккупации?
- Мать и отец ходили.

- Что-то особенное вам запомнилось из времен оккупации?
- Помню, что наши взрослые вместе с кабардинцами ходили в немецкий штаб и там доказывали, что мы не евреи.
- Почему было необходимо доказывать, что вы не евреи?
- Потому что уже кто-то сказал, что на нас пишется список на уничтожение, как в Богдановке. И вот наши мужчины и их друзья кабардинцы и балкарцы ходили защищать нас от немцев. Большое им спасибо за то, что нас защитили.
- Вы помните, как входили партизаны, как уходили немцы?
- Как не знать! Мы слышали, как вошли наши. Их командиром был горский еврей.
- Как его звали?
- Хаскиль Пинхасов.
- Вы видели, как отступали немцы?
- Мы же дети, мы этого не видели, мы только знали, что пришли наши, и кричали: «Красные пришли!»
- Что вы делали после того, как ушли немцы?
- После немцев я начал работать.
- А где вы работали?
- На кожзаводе. Там мы выделявали шкуры бараньи для шуб красноармейцев. Отдавали их швеям, и они шили.
- Какую зарплату вам платили?
- Не помню.
- А отец ваш оставался в городе?
- Отца моего не брали в армию. У него было слабое зрение. Он работал. У него было много поощрений.
- Расскажите, как вы поженились?
- С будущей женой жили по соседству. Понравились друг другу.
- Как свадьба проходила?
- Как у всех. Собрались все мои друзья. Родственники отца, ее родственники. Приходил раввин из синагоги и регистрировал по-еврейски.
- А это как «по-еврейски»?
- Мы стояли с ней под хупой. Раввин читал молитву. Давал рюмку. Я ее разбил.
- Почему разбивают рюмку?
- Это еврейский закон.
- Кольца вручали?
- Обязательно. Это в загсе мы одевали друг другу.
- Какие были кольца?
- Золотые.
- В каком году это было?
- Кажется, в 1948 году. Точно не помню.
- Сколько дней гуляли на свадьбе?
- Неделю.

– Сколько у вас детей?

– Четыре сына и дочь. Была еще одна дочь, но она умерла. Старший у меня сын, потом еще сын, потом дочь, третий сын – он сейчас в Израиле. И четвертый сын в Америке.

– Вы, кроме работы на производстве, дома пытались что-нибудь делать?

– Обязательно и дома работал.

– А как к этому относилось государство?

– Очень плохо. Отбирали, сажали в тюрьму.

– У вас были подобные проблемы?

– Участковый пришел ко мне и сказал, чтобы я немедленно шел работать на производство, и я пошел работать грузчиком.

– Это было до свадьбы?

– Нет, после.

– Когда вы стали работать на производстве, вы продолжали работать дома?

– Конечно!

– А были у вас проблемы?

– Нет. Делал одну, другую пару обуви, давал бабке, и она продавала на базаре.

– Как вы относились к тем событиям, что происходили у нас в государстве? Например, когда умер Сталин?

– Как и все.

– Жалко было?

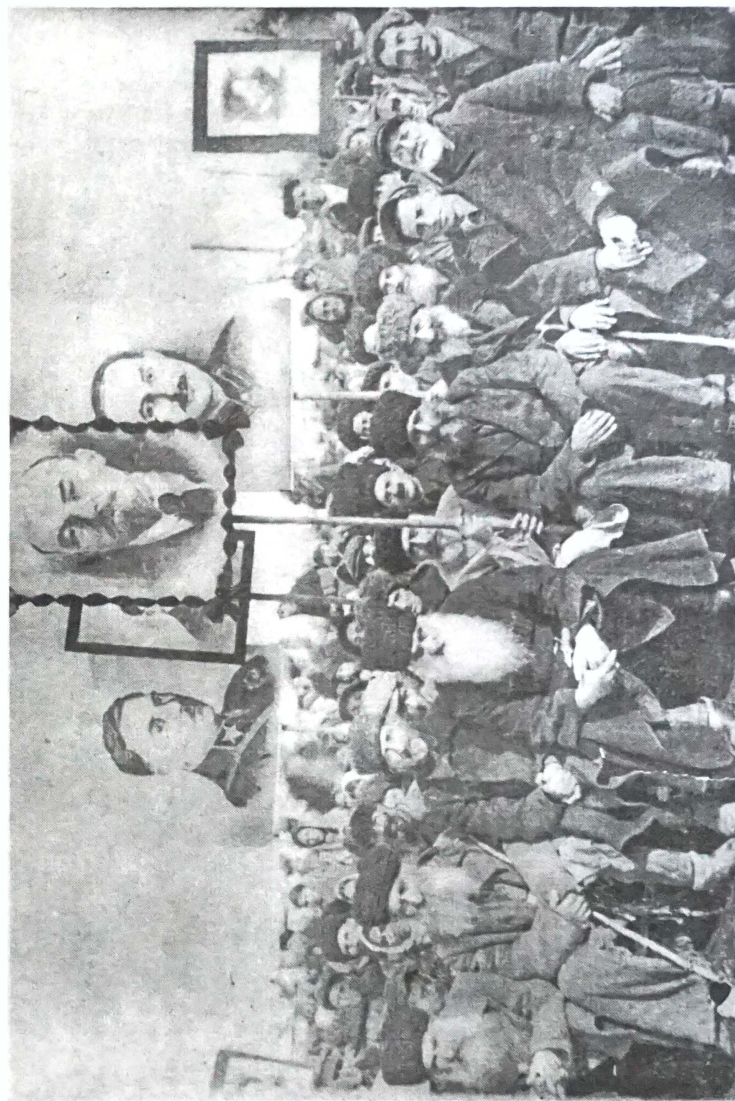
– Конечно, жалко! Ведь все время говорили: «Да здравствует Сталин!» Обожествляли Сталина.

– Потом, когда пришел к власти Хрущев, вы как-то на это реагировали?

– Нет, на это мы не реагировали. Все шло своим чередом.

– Ваши пожелания?

– Дай Бог, чтобы был мир везде. Чтобы молодые не видели то горе, что мы пережили.

Горские евреи Нальчика на праздновании 15-летия автономии Кабардино-Балкарии

Ихииль и Терсо Алхасовы. Нальчик, 1913 г.

Учащиеся средней школы №10. 1932 г.

Арон Исаев,
заслуженный артист ДБР,
Ашуров Танахум,
народный артист ДБР,
заслуженный артист РСФСР

На олимпиаде
самодетельного творчества.
Солистка Г. Л. Исаева. 1936 г.

Участники Великой Отечественной войны, жители горско-еврейской общины, 1985 г.

ГЕНЕАЛОГИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Интерес горских евреев к своим корням был всегда, тем более родственников-нальчан можно было найти в общинах Кавказа. После распада СССР, с репатриацией в Государство Израиль и эмиграцией, интерес к своим корням усилился.

Генеалогия связана с Библией, в которой приводится около 2,8 тыс. личных имен. Для обозначения понятия «генеалогия» в древнейших частях Библии употреблялось слово «теледот» от ивритского «родить». В Библии приведены генеалогические таблицы, в которых отражены десять поколений. Есть родословная Авраама, Якова, сынов Израильских, смешанных линий, родословная Давида и даже жителей Иерусалима.

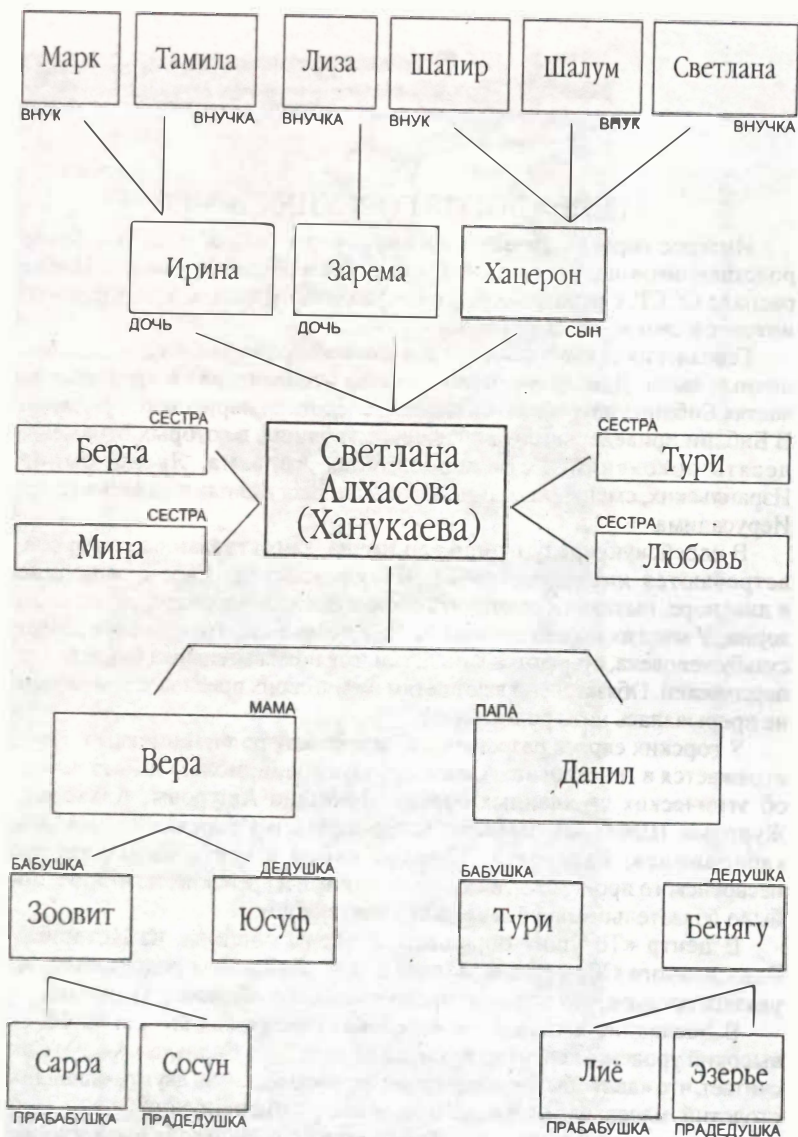
В еврейскую среду проникали имена, заимствованные у персов, встречаются имена греческие, мусульманские. Евреи, живущие в диаспоре, пытаются сохранить свои родословные связи, знают свои корни. У многих евреев два имени. Родители, зная, что имя определяет судьбу человека, стараются дать детям имя положительных библейских персонажей. Обязательно дают детям имена своих предков, с тем, чтобы не прерывалась нить родословий.

У горских евреев разрешены браки между родственниками, и это отражается в генеалогии. Анализируя фамилии, можно делать вывод об этнических смешанных браках. Фамилии Ашуровы, Алхасовы, Журтовы, Шабаевы, Шаваевы встречаются и у горских евреев, и у кабардинцев, балкарцев. Горские евреи в честь своих друзей нееврейского происхождения давали имена нееврейские, но второе имя было обязательно еврейским, и его знала община.

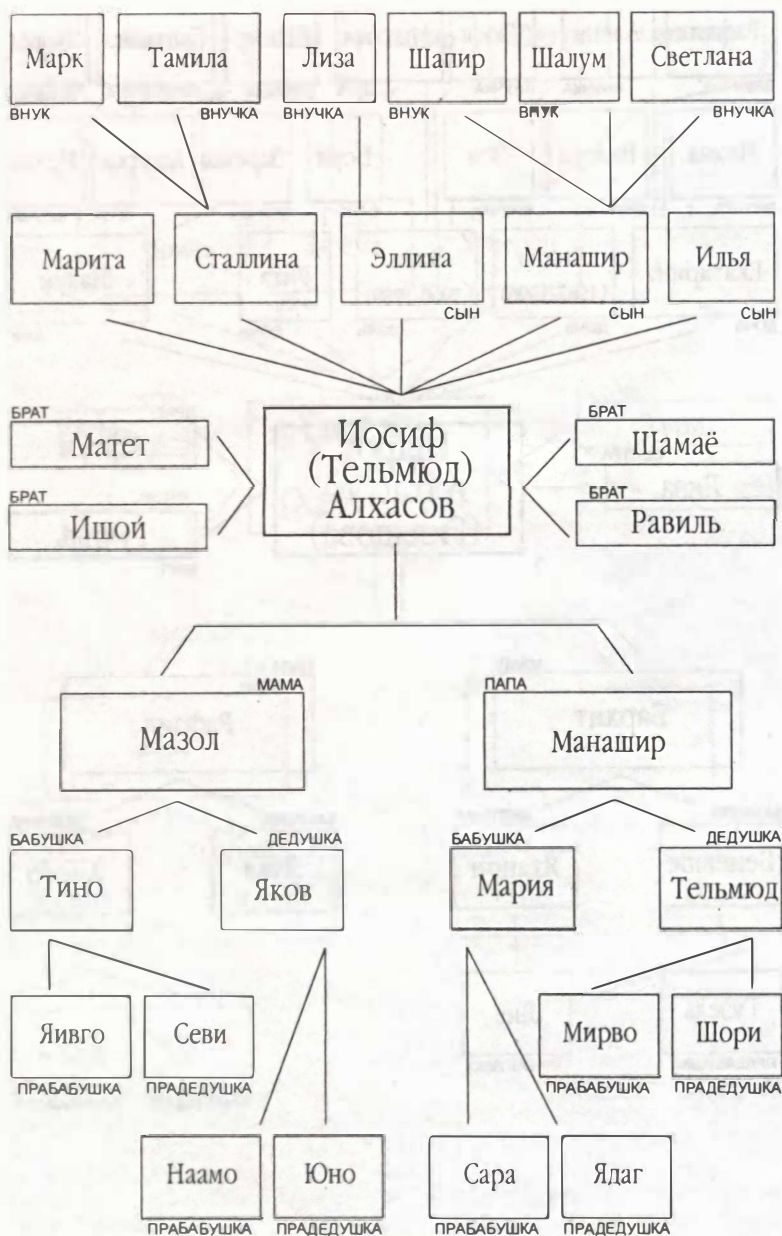
В центр «Товуши» обращаются члены общины, из Историко-Родословного Общества в Москве с просьбой найти родственников, указать предков, чьи корни в горско-еврейской общине г. Налчика.

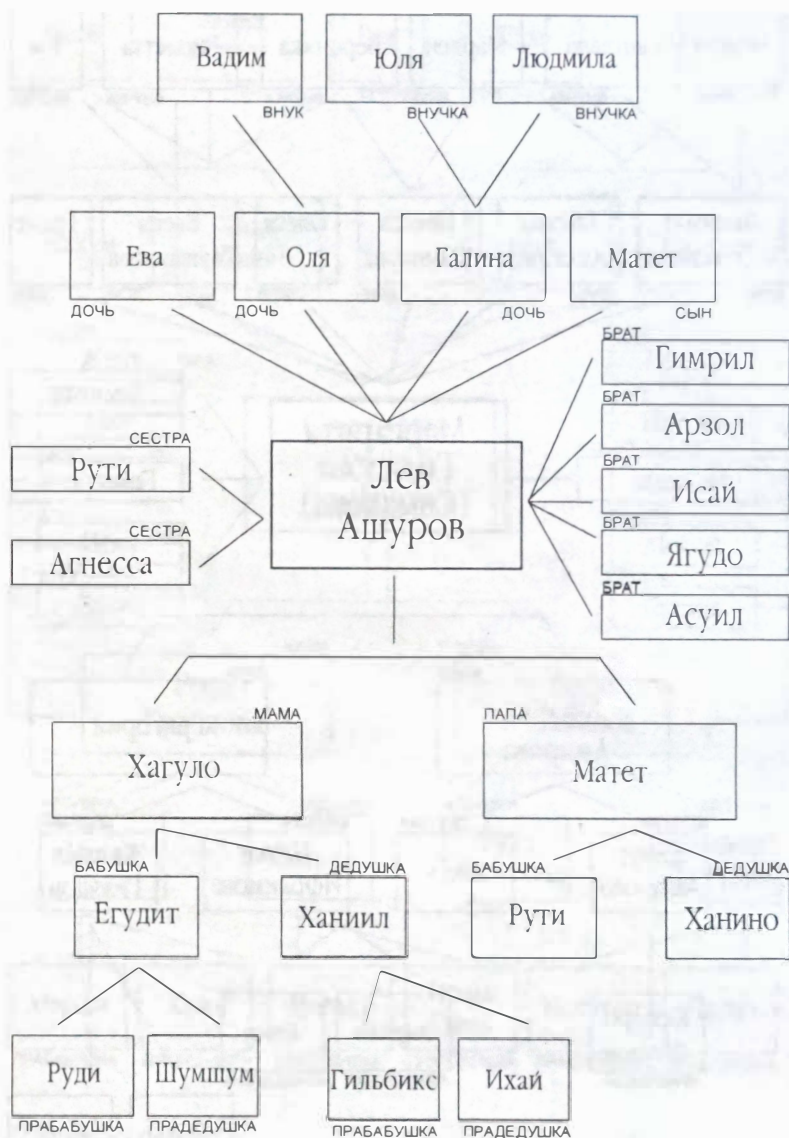
В последние десятилетия еврейская генеалогия вышла на более высокий уровень. Редактор журнала «Авотейну» Салльяни Амдур Сак считает, что «два события определили еврейскую жизнь двух прошедших столетий: массовая эмиграция и Холокост, они стали движущей силой растущего интереса к поиску своих корней». К 2000 году имелось уже 75 еврейских генеалогических обществ.

Для рассмотрения родословий мы изучили различные схемы, но за основу взяли разработанную таким образом, что исследуемый находится в центре, а от него вниз и вверх идут направления родословий.

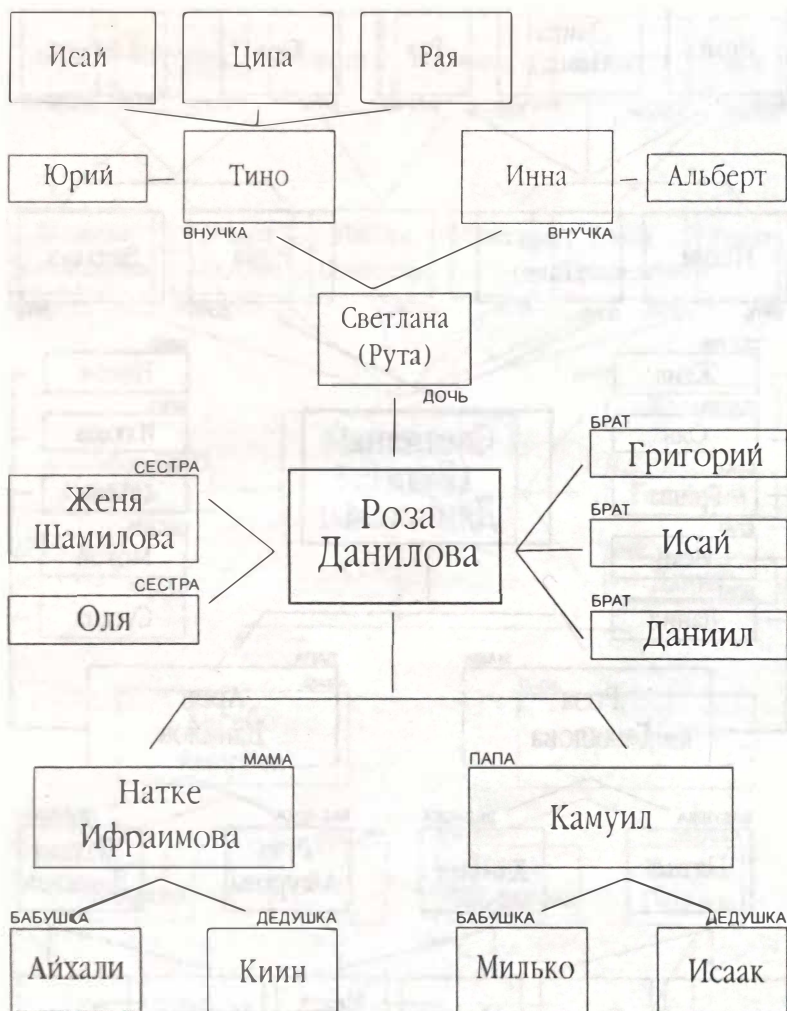

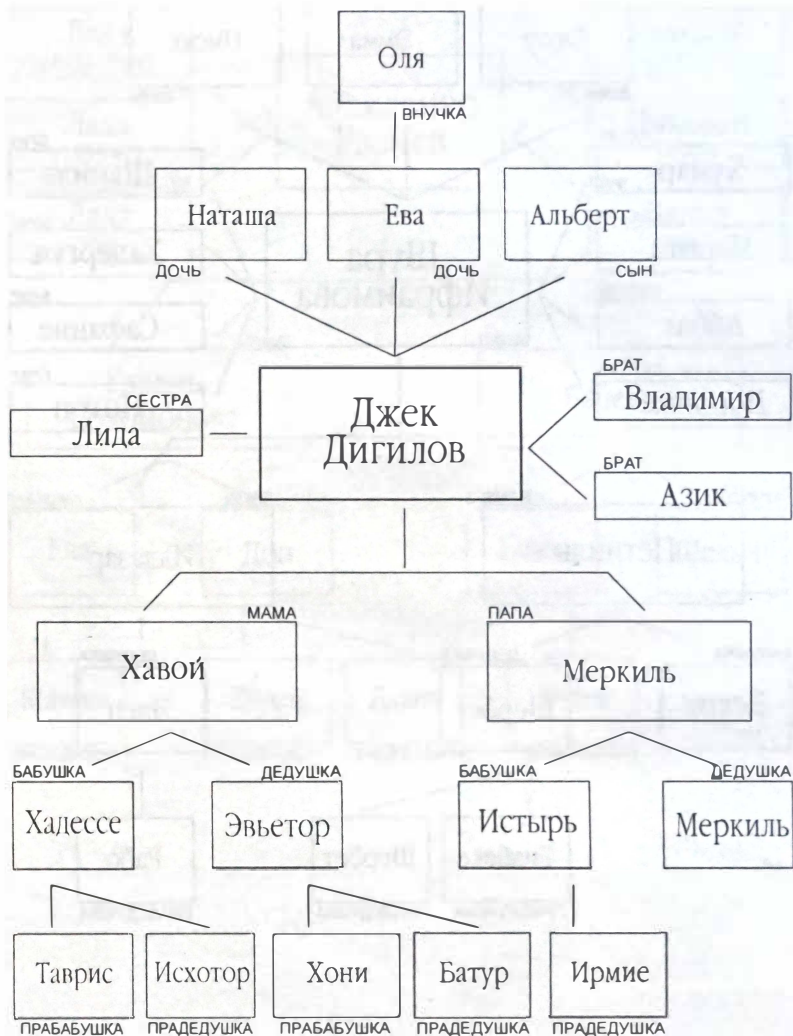

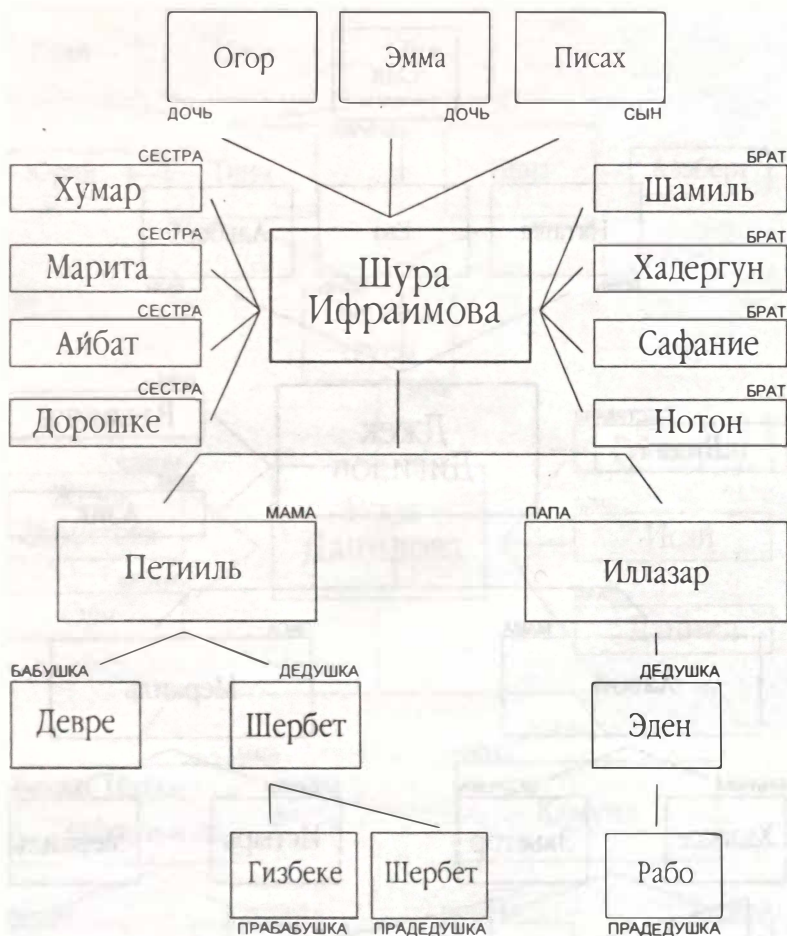

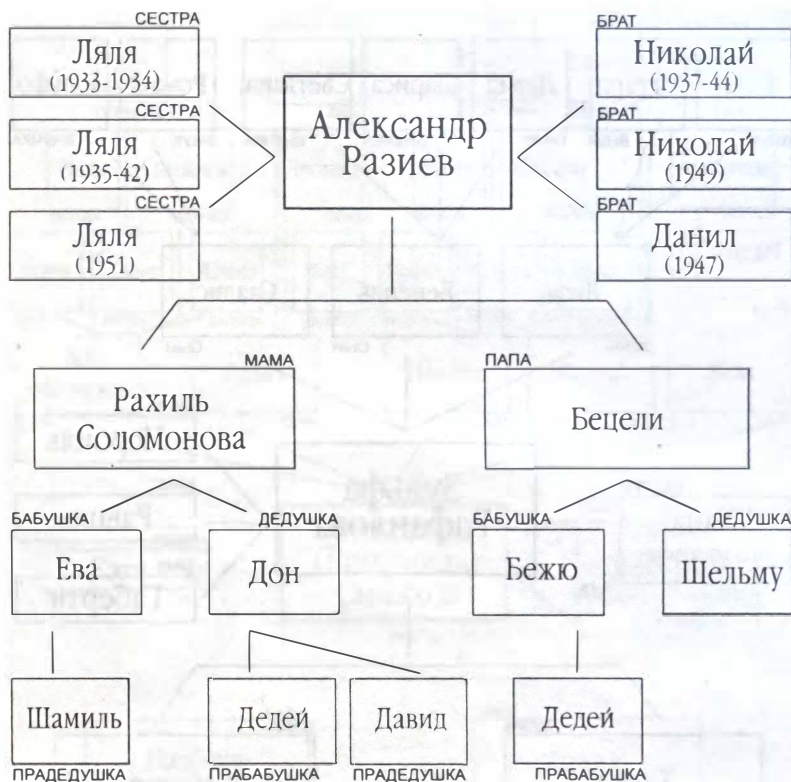

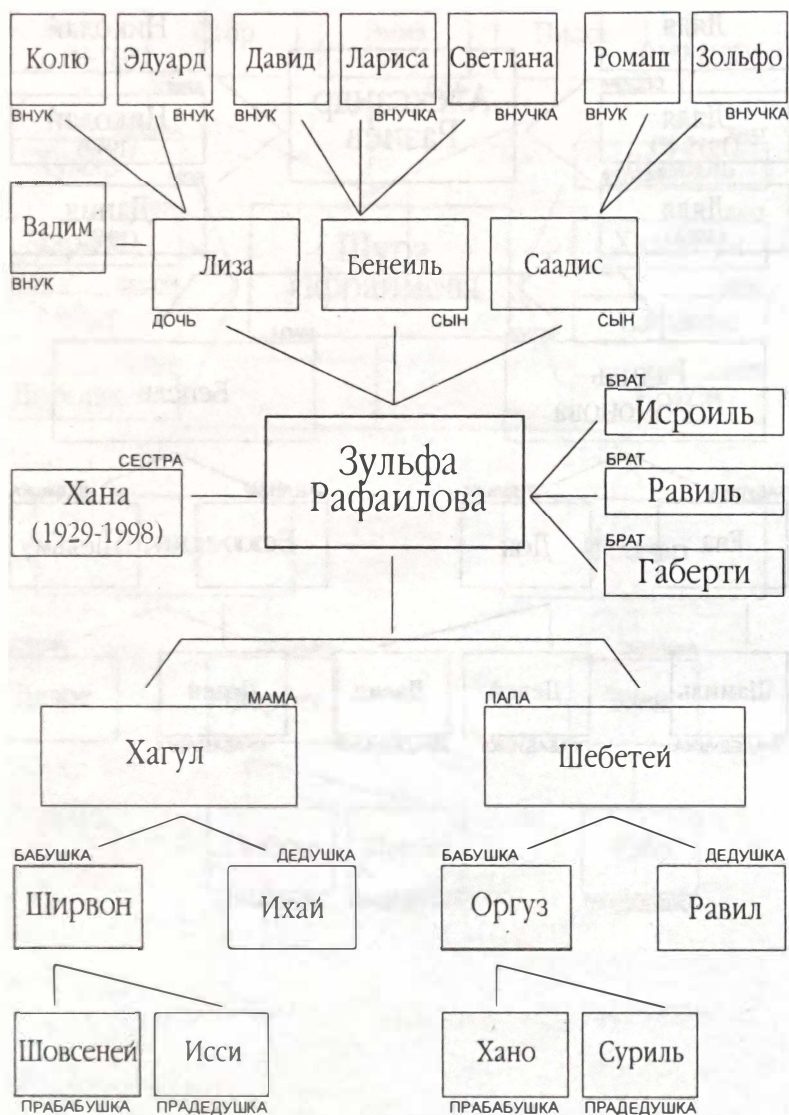

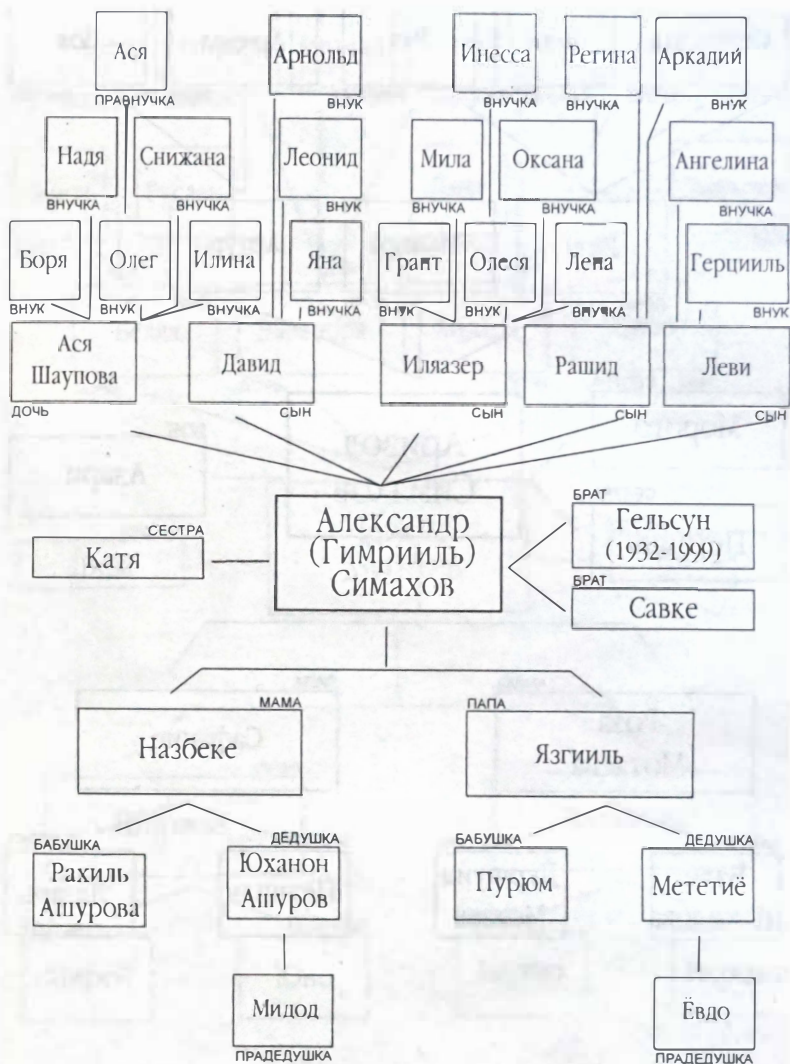

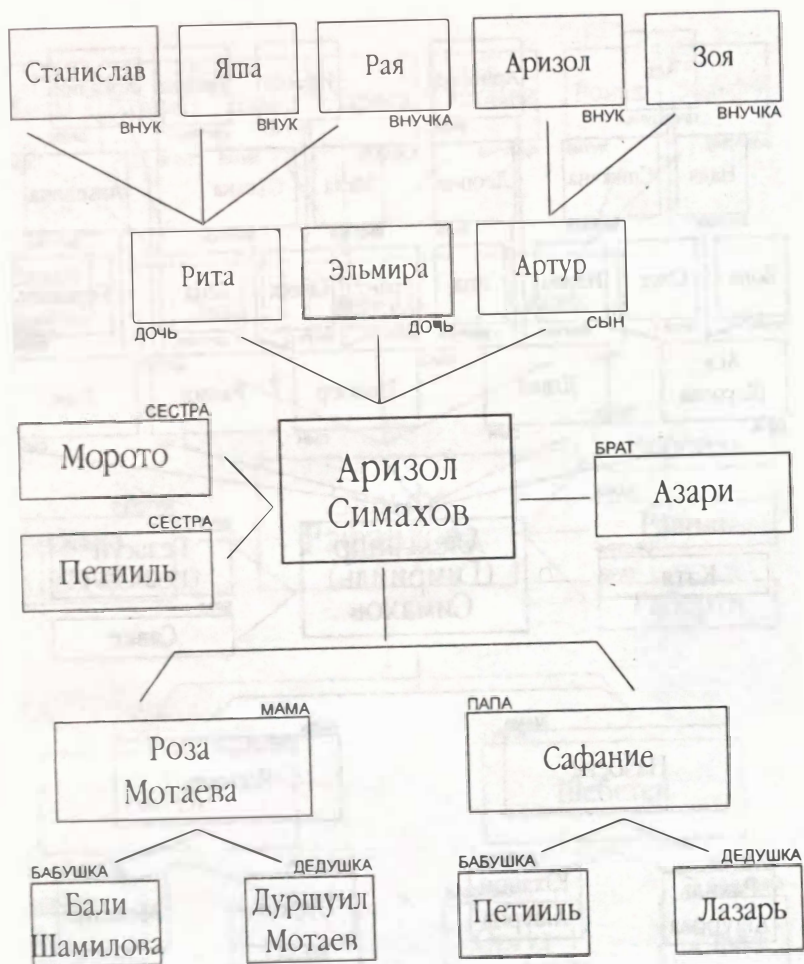

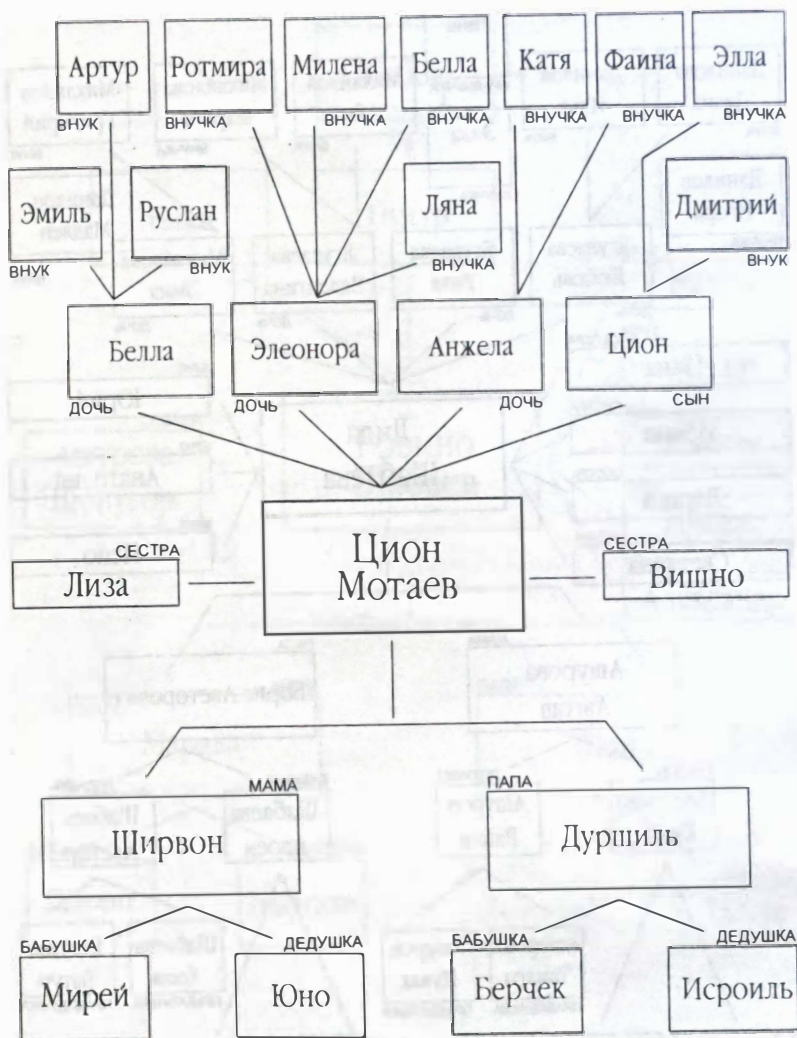

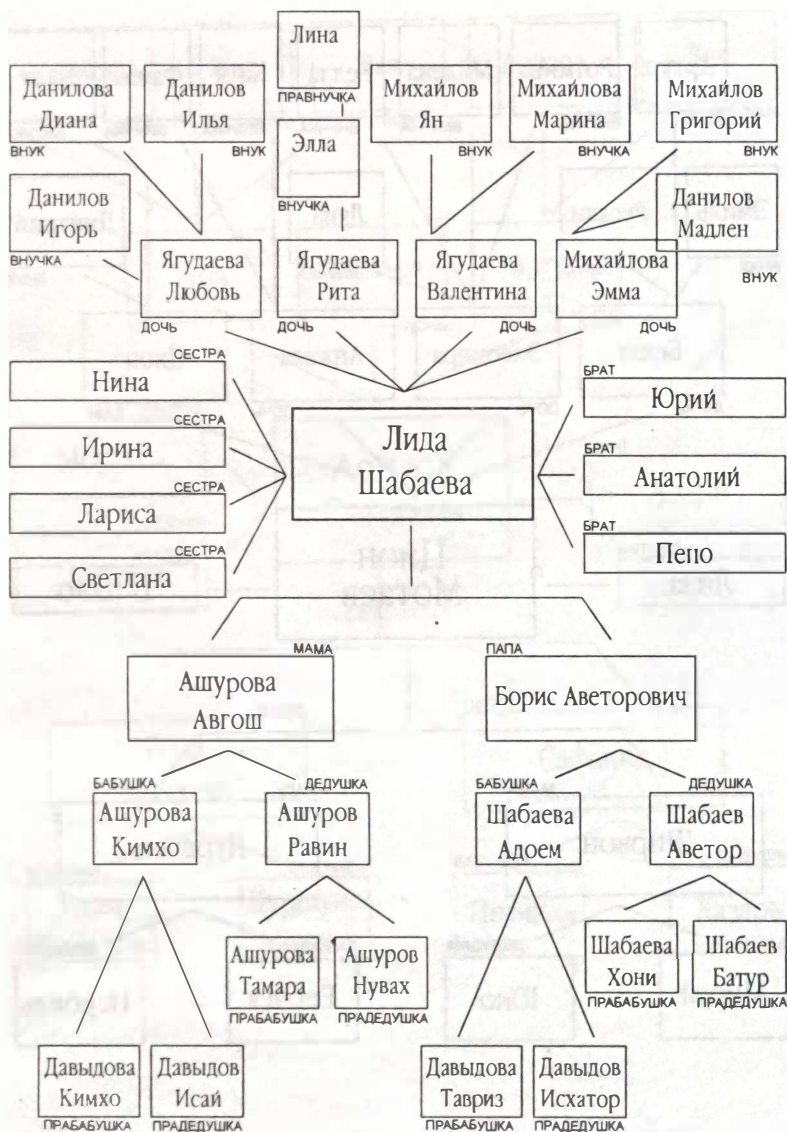

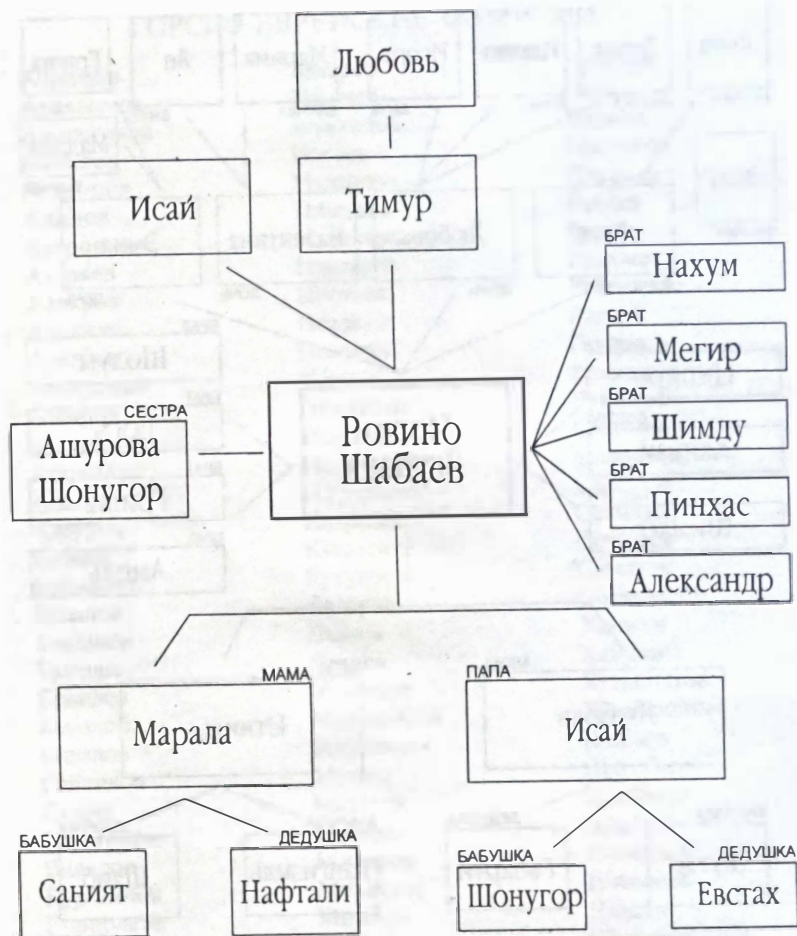

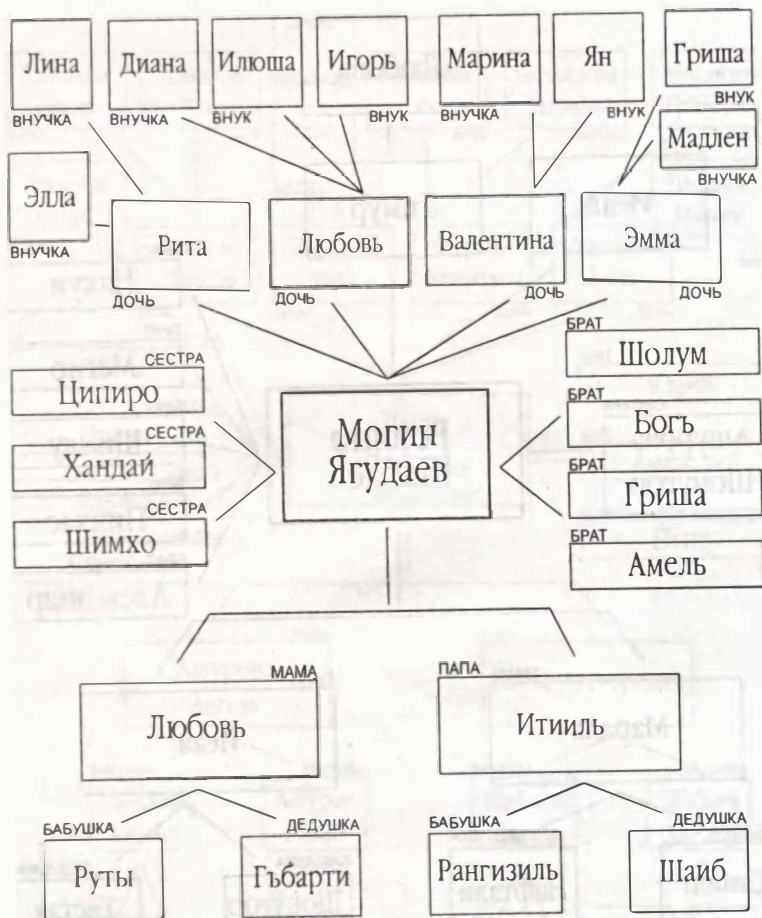

ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИЕ ФАМИЛИИ

Абрамов	Захаров	Нувахов
Авдалимов	Изгияев	Озол
Авшалумов	Измаилов	Пашаев
Авнилов	Израев	Пинхасов
Агарунов	Израилов	Писахов
Адамов	Илишаев	Рабаев
Азаров	Иллазаров	Разиев
Азаряев	Ильягуев	Разилов
Алекров	Инотаев	Рафаилов
Алхазов	Исаев	Рахаев
Алхасов	Исаевич	Раханаев
Амирамов	Исаков	Рахманов
Амиров	Исмаилов	Рубинов
Амуржуев	Исмаков	Садыков
Аронов	Истохоров	Сафанеев
Асатов	Ифраимов	Семенов
Ашуров	Кадрилов	Сепихин
Бабаев	Кишеев	Сетхилев
Бабижаев	Кукулиев	Симахов
Бадалов	Лазарев	Соломонов
Бакшиев	Лалаев	Хаимов
Бахчиев	Левиев	Ханукаев
Бенилов	Мамулов	Худайнатов
Бесолой	Манаширов	Худобакшиев
Билалов	Мардахаев	Шабаев
Гаврилов	Матаев	Шагобаев
Гашив	Мататов	Шалумов
Гершумов	Мелихов	Шамаев
Гилядов	Мигиров	Шамилев
Гуршинов	Михайлов	Шамилов
Гуршумов	Мишиев	Шаулов
Давыдов	Мотаев	Шелмаев
Дагаев	Мурзаханов	Шорин
Данилов	Мусаханов	Шубаев
Дарманов	Мутаплов	Шуминов
Джамбеков	Мушаилов	Шурдумов
Дигилов	Назаров	Эмануилов
Елизаров	Нафталиев	Юнусов
Завалуев	Нахимов	Юсупов
Залманов	Нахшунов	Ягияев
Заханаев	Нисимов	Ягудаев
Захарияев	Нисуев	

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА

Авгаиль	Карюне	Таврис
Авшаг	Левшо	Терсо
Адаса	Ливко	Тимнах
Адоре	Лие	Тино
Адоро	Лийко	Томор
Айбат	Маргарита	Факима
Айсхон	Маржо	Феня
Айхали	Марьян	Фети
Алаван	Милько	Хавой
Аргуз	Мирав	Хайсоро
Барахит	Мирион	Хана
Беги	Мовссят	Ханум
Бесирит	Мозол	Хая
Бикей	Мозонот	Хаят
Бикобай	Молко	Хермиз
Боби	Морит	Хивит
Борохо	Наами	Худодота
Бурли	Нааро	Хумар
Гело	Натке	Хундуз
Гиржи	Нури	Циво
Гочара	Ную	Ципа
Гулюм	Обой	Циперо
Гызляр	Ожой	Чебер
Гюзель	Оргуз	Черму
Давро	Оско	Шекер
Девре	Пюрум	Шинемит
Дедем	Рахиль	Ширвон
Динор	Рахмани	Широ
Духтерек	Рива	Шифро
Ерошо	Ривго	Шовсе
Ефет	Рино	Шушан
Загры	Роза	
Зарлу	Руина	
Зовит	Рут	
Зогов	Саби	
Золой	Салимхат	
Зульфо	Сапирье	
Изотер	Сарасан	
Ильшуа	Сарра	
Инжи	Сенем	
Истир	Сонет	
Исход	Сосконе	
Кархане	Сусана	

МУЖСКИЕ ИМЕНА

Абрам	Иосиф	Раши
Авшог	Ирмиё	Рихано
Авшолум	Исаак	Робинзон
Агав	Исай	Ровиль
Агару	Итак	Ровин
Адам	Итииль	Саадия
Адиногуй	Иткол	Самуил
Аду	Ифраим	Симанду
Алан	Ихаев	Симха
Алхаз	Ишуа	Танахум
Амали	Камуил	Терсо
Амей	Каштан	Тефис
Амлядов	Кучук	Тимош
Арзол	Леви	Тохули
Асоиль	Лившо	Урухан
Ашир	Мамей	Хазине
Бакши	Манахум	Хаим
Бенцы	Манашир	Хананье
Бермин	Матвей	Хануко
Бефи	Махи	Хаскиль
Бон	Меркиль	Шавад
Борух	Месендиль	Шадур
Вильго	Мидод	Шалты
Габруш	Мильдо	Шальях
Гавриил	Миигту	Шамиль
Гардаш	Могин	Шанииль
Гевриил	Моисей	Шанги
Гедииль	Моргун	Шаул
Гермииль	Мотях	Шафут
Герцииль	Мошелке	Шельму
Гильханон	Нагурей	Шербет
Годене	Нартун	Шило
Давид	Нахамиль	Шифро
Данииль	Нахшум	Шолке
Дивит	Нисон	Эбой
Дивье	Ной	Эдрииль
Доди	Нотон	Эльпифон
Дон	Нотоние	Эрзол
Елизар	Овоиль	Эрмие
Ехие	Одом	Эршел
Зарваиль	Павли	Юнкур
Захар	Папаше	Ягудит
Захарий	Пинхас	Язгийль
Зохут	Писах	Яков
Илегум	Равино	Яугодун
Ильду	Равхидо	Якуб
Ильхано	Разил	Янза
Ильяшу	Рамбон	Ярахам
Имиль	Рахано	
Инкур	Рахач	

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Акт № 1419

9 июля 1943 года Гор. Намычик К.Б.Д.С.С.Р. Мы, нижеподписавшиеся, инструктор Намычского Горкома ВКП(б) Кемба Скатирина Асгаровна, председатель уличного комитета 49 округа Степанова Зильды Ибатовна и уличница шк. № Каскина Анна Алексеевна в присутствии членов гор. Намычика домохозяйки Михайловой Паринь Зааровны, проживающ. по ул. Подгорная 45 и домохозяйки Шашишова Ниско Аширжановича, проживающ. по ул. Подгорной пер. 3, составили настоящий акт о том, что действительным нелегально-франксистским оккупантом и из сообщников гр.ке Нишуровой Мовшат Намишурович и с семьей, проживающ. по ул. Подгорной 52 приписки нелегально-франксистский уч.срб:

1. Ашишуров, принудительно взятые в связи с вторичными и разбойничьими действиями нелегально-франксистских оккупантов

Наименование имущества	Единица изм.	Количество	Стоимость	Документальные или свидетельские показания
Намечто ком.	шт	3	20.000	Свидетели:
Намечто дам.	"	1	5.000	
Амшк.	мет.	30	9.000	
Патиссон	шт	1	5.000	Михайлова Р.З.
Костюм	"	1	10.000	
Масло	кг.	10	2000	Шашишов Ч.Ч.
Посуда	шт	100	3000	
Подвода	"	1	5000	
Деньг.	-	-	5000	
Машина	шт	1	2.000	
Итого:			66000	

В ночь 9 июля 1942 года разбитый упряж к дому подвезена подвода с несомкнутыми петлями ввозимых вещей. События произошли

серь с душой, руганью, они ворвались в
дом. Пытавшиеся дети подняли крик,
преступники мгновенно летали по ком-
натам. Жены пытками стали стогать
по изгибам и пилать в лицо, творя
дети и рожа от злетиного удовольствия.
Жахуе повальной вояк. Вдоль и динчи
домы найдены. Тут же произошли де-
лениа дуршиа Велуи. Раздвиг вили,
пишцы, рожа и привилель, уили, оста-
вил уили. в дини.

Таким образом общий размер ущерба
причиненного г-не Вишуровой Мовшам
Кипшировиче и ее семье оценили в 66000
руб. (шестьдесят шесть тысяч руб).

Исполнительный Комитетного Торгового
ЗКК(В) Кемель

Председатель исполнительного комитета
Степанов

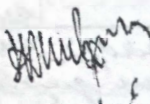
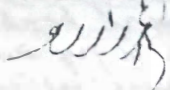
Учитывающа ил. МВ Коскина

Свидетели: 1. М. В. Коскина
2. М. В. Коскина

Поступающим. А. В. В.

Исполнительный Комитетного Торгового де-
путатом подписывается акт заверяет

1943 года

Председатель
секретарь

Винной 1943 года. Бор Памвчик Н.Ф. д.с.с.р.
 Мн., немиспо-двинавишис, инструктор Памв-
 чинского Боркома ВКФ(б) Кемсва Екатори-
 на Ясрадовна, председатели уличного коми-
 тета 49отряда Ситпанова Эмилъ Ивановича
 и уличнойница их Мв Коскиниа в присут-
 ствии граждан горо Памвчир домохозяи-
 на Агизсева Агизбет Памсасевица, проми-
 вавов. по ул. Надретназ 51 и рабочно коне-
 жовода Аласарова Адам Мамонисевица,
 промиваомч. по ул. Надретназ 46 состави-
 ли настоящий акт о том, что действы-
 ми немиспо-дремисстених оккупантов
 и их сообщеников гр-ну Памсхасову Памсчу
 Агизасевицу и его семье, промиваомч. по
 ул. Надретназ 44 применили немиследую-
 щий ущерб.

1. Лицу-сств. принудительно взятос в
 связи с вторичными и рабочными
 действыми немиспо-дремисстених ок-
 купантов

Памсченов	Вдм. Кои.	Стоим.	Документные или
лицу-сств.	инер	во инер	свидетельские попо.
Кемсва	инт	2	2000
Пудушки	"	2	600
Пиркина	"	1	500
Панони	"	3	1200
Пудари	"	3	900
Итого 5200			

В ноябре 1942 года с лицами перепомен-
 ченной злобой и ненавистью, с оружиими
 в руках ворвались двое немисцев в дом Хо-
 хова и ругались похабной орантой, они
 стали избивать метрами хоркина
 дама, бить в лицо, плевать, предбз еду
 и денг. Обвисав квартиру и не найдр

требуемого, стоим забирать вещи,
пошива и пошив, необходимое им.

Таким образом общий размер удерж
ба и вычитаемого из него Гипрасову за
м. Вудасевичу и с.о. с.и.е. определить в
5.200 руб (Пять тысяч двести руб)

Инструктор Коммунистического Торгового
В.К.П. (П) Кембо

Председатель уличного комитета
Ойецаева

Притягиваю их. № Коммунистический

Свидетели: 1. Имя

2. Имя

Поступающий: ~~м.е.е.е.е.~~

Исполном Коммунистического Торгового
депутатов трудящихся акт заверя
ет.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
Государственный архив КБР
Фонд № Р-292
Опись № 1
Дело № 108
Лист № 8106

Председатель

Секретарь

Директор Центрального
Государственного архива КБР

30.09.98.

О.Н. Шогенцукова

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ Государственный архив КБР	
Фонд №	Р-292
Опись	1
Дело	23
Лист №	41

Акт № 60

✓ 41

Лит. - 481.

г. Нальчик Нав. Бил. АССР

Мы, нижеподписавшиеся, учителями и учениками школы № 6
Литке Евгений Всеволодович, председателем кра-
тального комитета Принадлежно Татьяна
Ивановна и контролер при Гортармаделе
Богачук Галина Васильевна,
составили настоящий акт о вступившем
зломлении совершеном немцами-фашистами,
оккупантами.

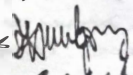
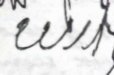
В период оккупации города Нальчика немецко-
фашистскими войсками 29 октября 1942 года
днем пришли 5 немецких солдат в дом к семье
Шалуновой Илгисуба Шамилевича, про-
живавшей по Осетинской № 64 В доме
была Шалунова Илгисуба - старушка ввек,
сын ее до оккупации работал в Горсовете,
он эвакуировался. Титловы Бросившись
к беззащитной старушке, ударили ее
несколько раз по лицу, синея, требуя от нее
сказать где ее сын. Но старушка упрямно
молчала. Грубо издеваясь над ней, они начали
обыскивать ее, срывая одежду с нее. Водили
ее они по улицам, заставляя ее, отбавляя
за волосы и воротами продолжая избивать,
издеваясь над ней. Были приклады,
толкали в спину, грудь все время трес-
котили где ее сын, но она молчала,
стойко перенося эти мучения.
После этого каждый день приходили
фашисты и издевались, избивали, мочили
ее на прилюдном месте, неослабно
и на ее работу.

где также не прекращали издеваться
Теперь уже много действующих... руки
После таких издевательств и побоев
домой боялся.

Учительница Лилия
Презид. ком. 24
Комитет. Боевой

Вышеизложенное подтверждено:
домохозяйкой Яковлева Аманом Шабатаевым
проживающим по: Красноармейский 62
Мамтаева Елизавета Арабаева и Мурзаев.
1906г. Теми Рашидовым, проживающим по
Осетинской №64.

Исполнительный Комитет Народного
Собрания Республики Тувимин. Трудящихся
Настоящий акт зафиксирован.

Председатель
Секретарь

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ	
Государственный архив КБР	
Фонд №	р. 292
Опись	1
Дело	23
Л. №	41

Директор Центрального
Государственного архива КБР

30.09.94

О. Н. Цогенцукова

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ	
Государственный архив КБР	
Фонд №	Р-292
Опись	1
Дело	23
Лист №	42

5/III-43г. Акт 161 г. Малочис. Наб. баб. СССР, Ч.
 Мы, нижеподписавшиеся, учителями и учениками
 Лейке Евгений Всеволодовна, председателем кварт.
 ного комитета 58-59 округа Принадченко Тат.
 Ивановна и контролер при Торговом деле
 Бочаева Галина Васильевна,
 составили настоящий акт о следующем
 злодеянии совершенном немецко-фашистскими
 оккупантами.

В период оккупации города немецко-фашист.
 войсками 3 ноября ночью 2 немецких солдата
 ворвались в квартиру к Шабасовым, прожива-
 ющим по Красноармейской №64. В кварти-
 ре был один только Гиль-сын Шабасовых 16-лет-
 ний сын Эммы. Угнетенные, бросились к лав-
 чине требуя у него денег и золота Гиль отвел,
 что у них ничего. Тогда солдаты
 стали издеваться над ним, они постави-
 ли его на колени, а сами начали целиться
 в него из револьвера - грозя застрелить
 его. Угнетенные срывали с него одежду,
 били его плетью, раздев его они обнажили
 на него золотые часы, а в
 внутреннем кармане мужской рубашки,
 после этого Угнетенные сильно начали
 бить Гиль плетью. Оставив Гиль в тяжко-
 мом почти бессознательном состоянии,
 они начали грабить квартиру, забирая
 личные вещи. После этих побоев
 Гиль продолжительное время был в
 угнетенном состоянии. Свидетель
 Анисия Шабасовна - домохозяйка, прожи-
 вавшая по Красноармейской №62.

Учительница: Липке
Пред. кв. колл: Пиназ
Контролер: ...

Исполнительной Комитет... Народного
Горсовета депутатов трудящихся
настоящий акт заверяет.
Председатель
секретарь. *ЕШ*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ	
государственный архив КБР	
Фонд №	<i>р-292</i>
С. №	<i>1</i>
Дело	<i>23</i>
Лист №	<i>4266</i>

Директор Центрального
Государственного архива КБР.

30.09.98

с.с.с.с.
О.Н. Цогенцунова

Лист. 3120

26 августа 1943 года. город Ленинград. Рай. Баск. - ПС СР.
мы, нижеподписавшиеся, депутат Горсовета Варвара
Анна Григорьевна, председатель квартального комитета
Табанова Мария Борисовна и учительница шк. №6 Фетова.
на Александра Федоровна в присутствии чл.-ак. гор. Лав
ника свидетелей Машинковой Тессо Александровны, дающей
прописку по Горьковской улице д. 35. составили насто
ящий акт в том, что действительно несколько франкетских
охранников и их сообщников чл.-ке Мухомановой Митя
Тамбовны, проживающей по Горьковской ул. д. 35. причинен
следующий ущерб.

1. Имущество, принудительно изъятное ввозом с иностранцами
и разбойничьими разбоями несколько франкетских охранников.

Наименование	Единица	Количество	Сумма	Свидетельские
имущества	изъятия	имущества	показания, подтверждающие ущерб.	

Имущество	штука	1	5000р.	
-----------	-------	---	--------	--

Ткань	"	3	2000р.	
-------	---	---	--------	--

Трусы дама	пара	1	2000р.	Душикова М.Г.
------------	------	---	--------	---------------

Тканье крестов.	шт.	1	2000р.	
-----------------	-----	---	--------	--

Трусы	"	2	1000р.	Машинкова Т.А.
-------	---	---	--------	----------------

Трусы	"	2	200р.	
-------	---	---	-------	--

Ковыля шк.	"	1	300р.	
------------	---	---	-------	--

Цуки шк.	пара	2	400р.	
----------	------	---	-------	--

Трусы	шт.	8	400р.	
-------	-----	---	-------	--

Стаканов	"	20	100р.	
----------	---	----	-------	--

Шуки, концы	"	10	200р.	
-------------	---	----	-------	--

Шка. шк.	шт.	32	2000р.	
----------	-----	----	--------	--

Шка. шк.	шт.	8	250р.	
----------	-----	---	-------	--

Шка. шк.	шт.	1	1500р.	
----------	-----	---	--------	--

17850

Которо подвстана машина, забрана вези, когда машина
дои стала такань, машину да хохотали и сказали,
както они вези, в чавно их екорю убьют, девочка дама.
ласа еще сильнее, машину ее убьют.

2. Имущество, принудительно изъятное ввозом с иностранцами и
разбойничьими разбоями несколько франкетских охранников.

Заименование В чем состоят Стоимость Свидетельские показания
ущербов повреждения имущества ремонта подтвержденные уездом.

Дом 1 % Разрушена 500р. Филимова М. П.
стенки
Вывалки
расши и 600р. Филимова Т. А.
видны стелы
1/2 окон.

Повреждение произошло во время бомбежки города
Ленинград немцами самострелами.

3. Расходы и денежные выплаты, произведенные
в связи с вторжением и разбойничьими действиями
немецко-фашистских оккупантов.

Заименование обстоятельств, в связи с которыми произошли расходы Тем подтверждаем
расхода при которых про- уездом

Одновременно Обстоятельства всего Филимова М. П.
населения по 300 руб.
сбор распоряжением Филимова Т. А.
немецких властей

Таким образом общий размер ущерба, причиненного
гражданину Мухомову М. П. определен в сумме
19.250 руб. (девятнадцать тысяч двести пятьдесят рублей),
ратуют Городского Совета А. Даркина

Председатель квартального комитета Павлова
Члены комитета Мухомов А. В. Веткин

Свидетели Демидов Мамеева

Пострадавший Мухомов
Соправительский. Официально издан десяти тысячей - серия.
Исполнительный комитет Городского Совета

Генерал трудящихся настоящим актом заверен.

Председатель Городского Совета С. И.

Секретарь

"

"

1943 год

Лист. 122

9 июля 1943 года г. Кельник КБАССР.

Мы, нижеподписавшиеся, депутат Горюева, рабочий швейно-обувного комбината Хушкова Шамшият Исламбеков, преподаватель ин. яв. Дмитриева Вера Григорьевна, председатель квартального ком-та № 43 Ахметов Александр Абушевский составили настоящий акт о том, что действительно немско-фашистских оккупантов и их сообщников гр-ке Шабаровой Марии Павловне и ее семье, проживающим по ул. Маяковского № 38, причинили нижеизложенные злодеяния: Отец, Шабаров Ахметов Ахметович, как еврей, немцы взяли на работу, неслиящую для его возраста и при этом бесчеловечно избили. В результате, Шабаров АА получил увечье и потерял трудоспособность. Разбит параличом.

Дядя, Шабаров И. И. Шабаров Тадий Ахметович 53 лет, работал в Златоустовскере старшим заготовителем. Пред приходом немцев в город по заданию предприятия эвакуировал с товаром в горы, дошел до сел. Килинский Челен и здесь был схвачен немцами и мерзавцами, как представитель ^{нашего} народа и бы расстрелян вместе с красивыми партизанами кабардинцами и балкарцами.

Все вышеизложенные факты подтверждаются гр-ками г. Кельника домохозяйкой Бадреновой И. И. и Исламбековым И. И., проживающими по ул. Маяковского № 38.

депутат Горюева Хушкова (Хушкова)

Преподаватель ин. яв. Дмитриева (Дмитриева)

Председатель квартального ком-та № 43 Ахметов (Ахметов)

Свидетели: Бадренова И. И.
Исламбеков

Подписавший: Шабаров

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ	
Государственный архив КБР	
Фонд №	Р-292
Опись	1
Дело	84
Лист №	1

Баксанский

Сельхоз. Производственный

Артель

"Заря Социализма"
Баксанского Округа
Кабардинской Обл.

27 января 1945г.

№ 2701

СПРАВКА

Выдана гр-ну ГАБИТОВУ Ильи Рафаиловичу
в том, что житель с. Баксан Игнатьев М.С. видел
когда некий вели под гараж к-за "Заря Соци-
ализма" двух ребят в возрасте 15-16 лет,
национальности один русский, другой еврей,
одежды были в гражданской одежде и еврей было
полностью черного цвета длинное, пальто ушанка
черный, латинские ботинки черные, бумажные даго-
нцы с галошами. Были расстреляны в издева-
тельном виде и расстреляны в лоб. После из-
дания мещев где были вывешены из ям со-
щора к-за "Заря Социализма" были засыпаны
навозом, ноги были видны. Нашел тов. Игнатьев
М. Кривокопья П. Калинин И.А. Герусов Г.
и бывший гр-н. Совета т. Бадюцкий И.А. и
были за-... на... к-... Баксад и
одной... По длинным признакам...
сын... Илья Ильич, рождения 1926г... и чен
и подтверждают вышеуказанные товарищи.

1/ Игнатьев М.С. /подпись/

2/ Игнатьев /подпись/

3/ Калинин И.А. /подпись/

Сам. собственноручные подписи Игнатьев М.С., Калинин И.А.
и Бадюцкий И.А. свидетелями Баксанской Нот. Конторы от
27/1.45г.

По реестру 79

Нотариус /подпись/

печать
Баксанской
Нотариальной
К-ры КАСР

REVELATION OF THE HEART

Most likely no Jewish reader will need this preface. We appeal to those who are not Jews. The stories you are about to read are extremely moving. If you find a lump developing in your throat, please do not put the book down. Try to read it to the end, and then some so-called "proven" facts will be immediately thrown aside as perverted and not connected with the fate and real life of this people. Actually, we know so little about our Jewish neighbors. Our knowledge about them is based on common notions that prevail in people's minds. A bit more information can be gleaned from those who are acquainted with the works of the great writer L. Feuchtwanger, who described the relations between European monarchs and Ashkenazi Jews very exactly: when the treasury was empty the Jews were invited to a country, where they were allowed to engage in their traditional kinds of business, which filled the pockets of potentates with money, but then the persecution of the Jews was resumed. Still more information is available to those who read Sholom-Aleikhem's books, who laughed and wept at the fate of a prerevolution provincial Jew; as well as to those who were lucky enough to watch the Moscow performance of "The Prayer of Commemoration" with actor Eugene Leonov; and to those who visited the places of the holocaust and massacre of peoples (Jews among them) or read about it.

This book supplies a Jewish reader with a wider geography of the holocaust and makes some tribal peculiarities more precise. For someone who is not a Jew, however, the book is a real shock. Pieces of evidence given by elderly and generally uneducated people stuns us with their submission to fate and neverending grief. Inhabitants of the Mountain Jew colony of Nalchik waited in line to be shot. The psychology of community and respect for family ties made it impossible to struggle independently. Let my lot be the same as that of the others – such is the attitude in practically all our interviews. This principle cannot be accepted by an individualist, but anyone familiar with the foundations of Judaism will say that there are no other possible ways. Traditions oblige a Jew to look at his people as a single large family and to regard every member of it as if it were a whole world. Is it really so serious? On the Day of Atonement all sins are forgiven that a person commits against God. But those sins that are concerned with the honor or dignity of another person are never forgiven. Even God will not forgive such sins before a sinner expiates his guilt by himself.

The concept of the Torah's fullness, where every letter corresponds to a Jewish soul, also leads to national unity. This is the reason why it is so important to preserve traditions and beliefs among the people. Older men interviewed in the book often cannot explain the meaning of a certain ritual, but they usually say that their grandparents used to do so. The strength of every people implies such ability to preserve their heritage. Later those who are educated will come and explain the spiritual mission of a people and determine its role and place in the history of the world.

Some things are forgotten or mislaid by old people. It is quite natural at their age, and where it was possible we tried to correct them. But from our point of view there are many things much more important, namely their genuine feelings – love for their neighbors, regret at leaving the lands where the graves of many ancestors lie, sorrow at relatives scattered once again all over the world, patience and compassion. In order to preserve all these feelings we let ourselves ignore some duties of an editor...

While working on this book (we had to deal not with a manuscript, but with drafts of decoded interviews), we realized how superficial our knowledge was about a whole people that during all these years lived on the territory of the Republic of Kabardino-Balkaria. People from the Mountain Jew colony lived only by the hardest labor and their life was restricted to a small circle of their own tribal problems. They used the only opportunities which socialism and post-Soviet realities could give them. Some of them got rich and sent their children to study abroad. Such people built big mansions and as a result they were the first to leave the colony and settle down abroad, later taking their poor relatives there. By the way, not all of them went to Israel, and the main reason for this was the difference between the life of the Mountain Jews and the Ashkenazi. Judaism, which was the global *raison d'être* for all Jews, does not unite Jews today, any more than other religions do. Many people are not concerned with the question of their faith any more. It remains just as a formal practice of some rituals. God's chosen people as a nation of priests remains probably only in the sacred books. According to the statements of Numbers the Israelites were ordered to have blue edgings on their clothes that always reminded them of God, because blue, like the color of a cloudless sky, symbolizes revelation.

The inexorable march of time more and more washes away and breaks down the borders even of the most insulated and closed communities. From one point of view it brings nations closer to each other and gives them the opportunity to see how many things they have in common. From another point of view – a part of national identity is lost as a contribution to global processes. If Mountain Jews were glad at leaving for the Promised Land, their lot would have been an object of our envy. But they have to do so – and these testimonies prove it with a lot of evidence. This fact demands deep reflection on the part of those who stay behind, on the part of all of us...

People have to live for each other: that is the reason for humankind's existence. All peoples exist for each other – there cannot be more of them than is needed. There are as many ethnic groups on the earth as the harmony of the world demands. And we should not be the ones who destroy it.

Maria Kotlyarova

THE SPECIAL FEATURES OF A PEOPLE

If he had known the great chronicle of Jewish greatness and Jewish wandering, he would have felt what kind of noble power this small and invincible tribe possessed and would be proud and happy knowing that he was a Jew.

Z. Zhabotinsky

The interviews which are given in this work are taken from ordinary inhabitants of the Mountain Jewish community in the capital of the Kabardino-Balkarian Republic, the city of Nalchik. They reveal historical and ethnological information about the nation and deal with political, social and cultural processes in the societies in which fate decreed them to live in the past and today. These interviews show the peculiarities of their mode of life, social and political tendencies, traditions, material and spiritual values. Svetlana Aronovna Danilova (Doctor of History), the author of the book, a famous public figure and scientist, in order to get direct and adequate information and facts, intentionally does not provide the usual representative selection and other means which are common in ethnographic, sociological and political researches. These methods are considered very important and even axiomatic within the laws of scientific work, but the author deliberately, purposefully selects only ordinary cognitive conceptions.

The answers of the respondents are interesting first of all because of the material which they contain and the opportunity they provide to trace contradictions in the national processes of our country and, in connection with that, the influence of political, social and economic life on self-consciousness and the cultural-specific character of Mountain Jews and thereby, as a matter of course, on other minorities.

It so happened that the history of the Mountain Jews, their ethnic development and processes were always defined by the family. It was a kind of link of the functioning of all the components of cultural and everyday life: standards of interrelations, sex and age status, who dominated in the family, how much time men could find for every day problems and routine questions, how much care women gave to housekeeping and children's upbringing. The history of the Mountain Jews is very complicated: not once did they change the territory where they had settled. For ages they had no contact with representatives of their ancient motherland, the core of their origin. They suffered from the influence and sometimes from the pressure of alien languages, modes of production, material culture, and religious beliefs, but they have preserved till the present day their self-consciousness and ethnic features specific only to the Jews. Israeli philologist and anthropologist Izhak David defining the national consciousness of the Georgian Jews, was amazed by the fact that though they had lost many of the ancient Jewish features of culture they were still quite aware of their origin and full of reverence for their religious beliefs.

Specific differentiation of some elements of culture and everyday life took place at all stages of their history under the influence of objective and subjective factors and in connection with the ethnic integration that took place, but they, as it were to say, coded for ever in their genetic memory specific features of their ancestors: efficiency, characteristic psychology, particular fields of business activity, interrelations, organization of every day life and leisure.

Genes as well as social and biological factors played a definite role in the forming of such ethnic communities as the Greek community on the Black Sea Coast and in the region of Caucasian Mineral Waters, the Adygogais (Armenians from Armavir), Kurds, Gypsies and other minorities.

Jewish merchants, traders and craftsmen who found their niche, during the first centuries AD in the northern regions of the Transcaucasus, Dagestan and Central Caucasus settled not only in towns but in the countryside, too. By the Middle Ages from Baku to Derbent there were dozens of really prosperous Jewish villages. Their farms produced grain, grapes, fruit, tobacco, vegetables and all products were sent to many towns of the Caucasus and to the Southern Russian steppes. But gradually wars and other events specific to the Caucasus meant that the handicraft industry became the main source of living for the Mountain Jews, as well as the exchange of goods and trade.

They were involved in many kinds of home business and production. They made different kinds of broadcloth, home-made goods of wool and hides. They worked processing of iron, silver and wood, but mainly, because they lived in cattle-breeding regions rich in raw materials, they were involved in leather production. Home-made leather goods were of such high quality that this business turned to handicraft production. Leather goods made of the hides of cattle, the goats, lambs, and wild animals, such as men's and women's shoes, belts, bags, saddles, bridles and so on, were valued at markets as high as those produced at state factories. Tailors, furriers and shoemakers had their regular customers who often lived in other regions. There were experts among Jewish women who could make carpets and double-sided woven rugs which were in no way inferior to Persian ones, and they were even more skilful in the production of vegetable paints of exquisite colors from madder, a special sort of clover, the rind of walnuts, oak trees and some grasses and wild plants. But this secret was lost in the 19th century. It is known that even a German scientist Adam Odeari who (in the second half of the 1730s) visited Azerbaijan, Dagestan and Iran and who was an expert in sewing technology, noticed by accident that the Mountain Jew sold Persian carpets at the markets of Shemakha. The quality of the carpets was so high that he did not even suspect that they were not Persian.

Living for many centuries in an alien environment, the Mountain Jews ignored the process of assimilation and the change in ethnic identity which took place in the history of the humankind. In spite of the universal theory of B. I. Kozlov about the intensification of "the process of ethnic interaction", which was tested many times, and in spite of the strengthening of activity to consolidate the peoples of Russia and the USSR in recent times, the preservation of national identity has remained the main priority for the

Mountain Jews. Even Soviet ideology, aimed at providing closeness to different nations and peoples, lead to the creation of a united society – the Soviet nation – and to the internationalization of the main spheres of everyday life and culture, was untenable before the ethnic and psychological features of this small nation. At the same time at every level of relations between people (except mixed marriages), beginning from residing on the same territory, common working activities, common leisure-time, the Jews proved to be a very sociable and benevolent people. But in spite of their open-heartedness and sociability their main contacts outside the family remained within the community of their relatives and neighbors. As it is true for many other peoples of the Northern Caucasus, the Mountain Jews avoided mixed marriages. They explain it with reasons of traditionally rigid family structures and a number of religious and cultural reasons. The explorer of the Caucasus, Ya. S. Smirnova, explains these customs as following: «A mixed marriage leads to the loss of a woman and her future children by the ethnic group».

The mentioned above political idea of the Soviet nation in the 1970s aimed at the creation of a historic unity among the different peoples, could in reality lead only to the aggravation of problems in the multinational country. Progressive, as it may sound, that in a multinational country (such as the USSR) all people should study and command one common language, the language of the ethnic majority, turned out to be a violation of the equality between big and small peoples, lessening the role of the mother tongues of the latter ones. The importance of these languages declined and automatically excluded from use in the administrative and industrial realm. Officially it was always stressed that all the languages of the multinational country are used in all spheres of human activity, but outside their homes the Jews spoke only Russian – at work, in all institutions and even in public transportation and stores. At the same time it is no secret that in Azerbaijan the Mountain Jews traditionally commanded the Azeri language, in Dagestan spoke a number of local languages, and in Kabarda and Balkaria handled both local languages well. But beginning in 1917 the Jews tended to become bilingual instead of multilingual. The model of national-Russian bilingualism had been nominally functioning in the so-called “developed socialist society” until the end of the 1980s.

Nevertheless, it would be unfair to deny the fact that the policy of the so called “language provision” contributed to the creation of the written language of the Mountain Jews (a Persian dialect) and even to preserving, at least to some extent, their ethnic culture. The twentieth century was a time of rapid developments in the country. Social and cultural standards of the population were changing and to some extent it was also a period of Jewish revival. The Jewish community contributed a number of acknowledged scientists, writers, doctors and experts in education to the larger society.

According to the “institutionalized” elements of their spiritual and material culture, the Jews to this day firmly preserve their social institutions and structures, which surfaces in such aspects as Judaism, traces of paganism, the ritual and ceremonial side of life, the moral and legal rules, their language, music and general ethnic orientation. A. Voronel was apho-

ristic when he tried to define the essence of Jewish national character as opposed to all other traditions: «We, as one could say, always kept understanding ourselves in contrasts and differences».

Being a dependent ethnic community, and because of their political status, the Mountain Jews, particularly in Medea, Dagestan and Central Caucasus temporarily used some elements of adapted cultures, but only for a time and without integrating them in their traditional system. Z. Zhabotinsky convincingly explains the process of forced temporary adaptation and even assimilation of Jews in an alien ethnic environment: «No matter how strong or even how valuable were their specific, individual “national” features, or how prosperous they might become in the future – they had to begin by imitating existing models, even with “assimilation”». The major part of adapting during the period of removal to another place or during the period of change in the social system, as happened during the Soviet period, remained incidental and was not obligatory. This was especially obvious when the Mountain Jews moved to Israel. A prominent theoretician of the science of ethnology S. A. Arutyunov explains that it is all because of lack of coincidence in the points of contacts between cultures, the difference in their living standards and their different historical parameters.

But in everyday life one can still see ancient Jewish traditions, customs and regulations as well as those gained during the process of their historical fortunes – Persian, Medean, Dagestani and many others. But among those mentioned there are only the ones which blended with the inherent structure of culture peculiar to the Mountain Jews’ ethnic community. As the Mountain Jews have never been independent, their ethnic culture somehow had to adapt or coexist with complex culture of the state they lived in.

At the end of this preface we ask scientists and the general public to pay attention to the matter of predicting the ethnic development of communities like the Mountain Jews. The problems of preserving the varied culture of different ethnic communities, studying the present, the interrelations of nations, innovatory processes in the system of value systems and the defining of priorities to find out the best features of multinational cultures so that in the future they can become the basis for the mode of life in the next generations.

*Dr. A. I. Musukaev,
Professor, Chair of the History Department at the
Kabardino-Balkarian State University
Johann Matthies jun.,
PhD-candidate at the History Department of the
Kabardino-Balkarian State University*

В ПОДГОТОВКЕ КНИГИ УЧАСТВОВАЛИ:

Светлана Данилова – предисловие, интервью с Л. Дигиловой, Б. Ашуровым, составление списков имен, фамилий, генеалогических корней;

Ирина Мошель – интервью с Б. Ашуровой, Р. Шамиловой, Я. Шамиловым, Л. Симаховой, С. Амирамовым, А. Разиевым, А. Симаховым;

Сергей Шпагин – интервью с А. Шамиловой, Ж. Биазровой, И. Ашуровой, Г. Мотаевой, Е. Назаровой;

Мария Котлярова, Виктор Котлярóв – предисловие, отбор материалов, редактирование.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ ЦЕНТРА «ТОВУШИ»:

Ифраимов И. И. Татско-русский иллюстрированный словарь для детей. Нальчик: Нарт, 1991. – 88 с. Тираж 1000 экз.

Рецепты еврейской кухни. Нальчик, 1991. – 24 с. Тираж 500 экз.

Горские евреи в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1997. – 176 с. Тираж 1000 экз.

Данилова С. А. Спешите делать добро. Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 112 с. Тираж 500 экз.

История и этнография горских евреев Кавказа: Материалы научно-практической конференции. Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 86 с. Тираж 500 экз.

История горских евреев Северного Кавказа в документах: Сборник архивных документов (1829–1917)/Сост. С. А. Данилова, Е. С. Тюпонина. Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 288 с. Тираж 1000 экз.

Черкесы в Израиле / Сост. С. А. Данилова, М. М. Хафицэ. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000. – 84 с. Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мария Котлярова. Откровение сердца</i>	3
<i>С. А. Данилова. Объединены временем и историей</i>	5
<i>А. И. Мусукаев, Й. Маттис. Характерные черты народа</i>	9
Письмо Стивена Спилберга	15
Фонд визуальной истории «Шоах»	16
История в судьбах	18
Авгош Шамилова	19
Бесирит Ашурова	35
Женя Биазрова	44
Ливия Дигилова	55
Борис Ашуров	61
Раиса Шамилова	67
Илишо Ашурова	81
Яков Шамилов	97
Лена Симахова	104
Гучи Мотаева	120
Елизавета Назарова	128
Сергей Амирамов	141
Александр Разиев	156
Александр Симахов	167
Генеалогия горских евреев	175
Светлана Алхасова	176
Ишрот Алхасова	177
Иосиф Алхасов	178
Лев Ашуров	179
Маргарита Гилядова	180
Светлана Данилова	181
Роза Данилова	182
Джек Дигилов	183
Шура Ифраимова	184
Александр Разиев	185
Зульфа Рафаилова	186
Александр Симахов	187
Аризол Симахов	188
Цион Мотаев	189
Лида Шабаева	190
Ровино Шабаев	191
Могин Ягудаев	192
Горско-еврейские фамилии	193
Женские имена	194
Мужские имена	195
Архивные документы	196
<i>Maria Kotlyarova. Revelation of the Heart</i>	208
<i>A. I. Musukaev, J. Matthies. The Special Features of a People</i>	210
Об авторах	214

ИСХОД ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ:
РАЗРУШЕНИЕ ГАРМОНИИ МИРОВ

Заведующий издательством *В. Н. Котляров*

Художник *Ж. А. Шогенова*

Технический редактор *Л. И. Прокопенко*

Корректор *Л. Т. Юркова*

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 15.02.2000. Подписано в печать 10.05.2000.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п. л. 11,34+вкл.0,21. Уч.-изд. л. 13,58+вкл.0,25

Тираж 1000 экз. Заказ № 11.

ISBN 5-93680-012-1

Издательство «Полиграфсервис и Т»
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 162

ООО «Полиграфсервис и Т»
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел.: (86622) 5-52-67; тел./факс 9-33-25

e-mail: elbrus@mail.ru

www.elbrus.nalnet.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГП «Ставропольская краевая типография»,
355002, г. Ставрополь, Артема, 18.
Заказ № 1174. Тираж 1000 экз.
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000

